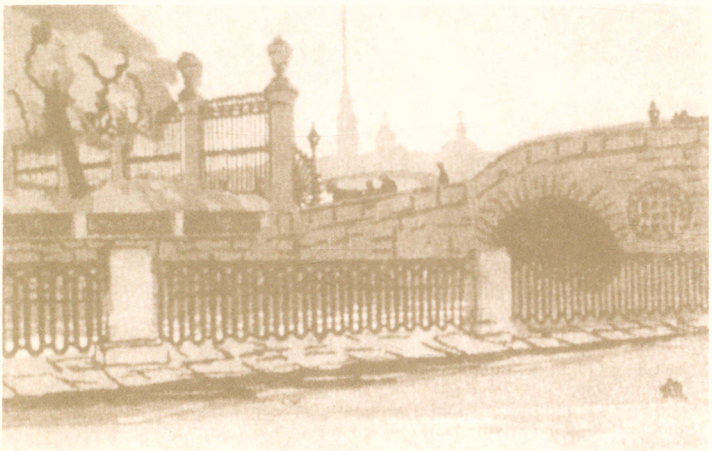
Н. ГУМИЛЕВ НЕИЗДАННОЕ И НЕСОБРАННОЕ

НИКОЛАЙ ГУМИЛЕВ

НЕИЗДАННОЕ И НЕСОБРАННОЕ



YMCA-PRESS
PARIS

N. GUMILEV

UNPUBLISHED AND UNCOLLECTED MATERIAL

COMPILED AND EDITED, WITH COMMENTARIES
by

MICHAEL BASKER
and
SHEELAGH DUFFIN GRAHAM

НИКОЛАЙ ГУМИЛЕВ

НЕИЗДАННОЕ И НЕСОБРАННОЕ

СОСТАВЛЕНИЕ, РЕДАКЦИЯ И КОММЕНТАРИИ

М. БАСКЕР
и
Ш. ГРЕЕМ

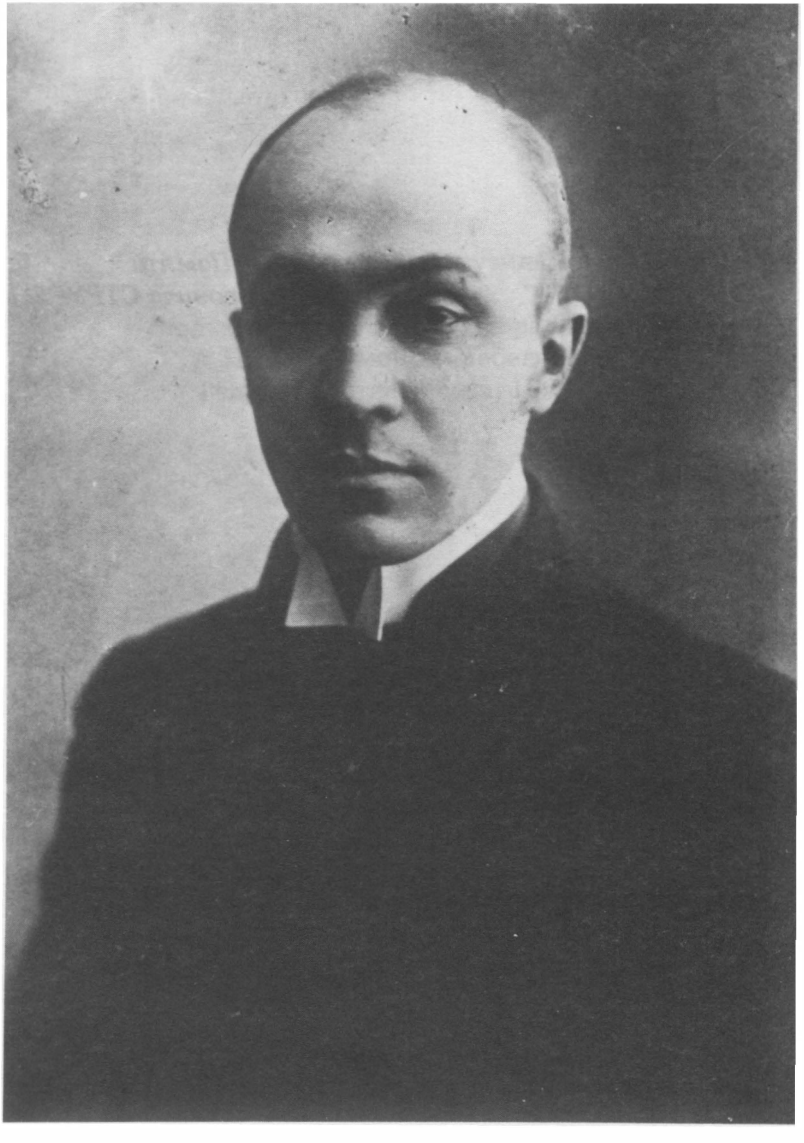
YMCA-PRESS
11, rue de la Montagne Sainte-Geneviève
75005 Paris
1986

Обложка А. Ракузина

Использована цветная гравюра на дереве
А.П. Остроумовой-Лебедевой:
Решетка Летнего сада, 1920 г.

© 1986 Ymca-Press
ISBN 2-85065-089-7

Памяти
Глеба Петровича СТРУВЕ



Н. С. Гумилев, ок. 1920 г. (из собрания Гордона Мак-Вэя)

EDITORS' FOREWORD

This volume is published in the year which marks the centenary of Nikolai Gumilev's birth in 1886. It consists of mainly unpublished material, but contains some previously published items which were not included in the four-volume N. Gumilev: *Sobranie sochinenii*, edited by G. P. Struve and B. A. Filippov (Washington, 1962-68). Most of the hitherto unpublished material was collected by the editors of this volume during research visits to Moscow, but some of the most interesting biographical documents were supplied by an anonymous Russian donor, whom the editors take this opportunity to thank most warmly for a valuable contibution to their collection, and for adding to the scanty knowledge Western Slavists possess of Gumilev's life. The provenance of this and all other material is indicated in the Notes.

The editors regard this collection as a pendant to Struve and Filippov's fine edition of Gumilev's collected works (indeed, we were encouraged by the late G. P. Struve to embark upon it) and a supplement to the volume of Gumilev's unpublished poems and letters (*Neizdannye stikhi i pis'ma*) published by the YMCA-Press in 1980. We are well aware of certain imperfections of the book, due on the one hand to the disparate nature of the material and on the other to the woeful gaps in our knowledge of Gumilev. These gaps stem, in large measure, from the continuing difficulty in gaining access to information about the poet: on three research visits to the Soviet Union over the years 1977-85 the editors were unable

to inspect the Gumilev archives in Leningrad, and on the latest visit even the Gumilev archive in the Lenin Library (Moscow) was closed to us.

The first four sections of the present volume contain a variety of Gumilev's unpublished and forgotten poems, fragments of dramatic works, draft variants, translations and critical prose. They vary in aesthetic merit; we have refrained, however, from making any critical judgements of this inevitably random selection. We have gleaned what we could and — excluding minor variants and fragments with too many illegible words — decided to offer what we have.

The latter sections contain unpublished letters and various biographical materials. These, we believe, make a valuable contribution to our understanding of the poet and our commentaries here are much fuller. The commentaries do not repeat information easily available elsewhere; in them we have attempted, rather, to derive from our published material fresh insights into Gumilev's life and literary connections, while elucidating textual references. A great deal necessarily remains provisional. We have indicated where statements are based on speculation and where questions must remain unanswered through ignorance: some day Gumilev's critical biography will be written, but that day has not yet arrived.

We hope, nevertheless, that the information here offered will prove useful not just to Gumilev specialists but also to the growing number of scholars interested in the intellectual and artistic life of Russia's «Silver Age».

Spelling has been modernised where necessary and punctuation standardised throughout.

The editors wish to record their gratitude to the British Academy and the British Council for making possible their research visits to the Soviet Union, to the archivists of TsGALI and the Lenin Library Manuscript Department for their help in locating and occasionally

deciphering Gumilev documents, and to the individuals, especially Dr Gordon McVay, who allowed us to use photographs from their private collections; thanks are also due to the editors of the *Slavonic and East European Review* and *Irish Slavonic Studies* for permission to republish items which first appeared in those journals.

We extend our thanks to Margarita Basker for reading our manuscript and making helpful suggestions for improving our Russian text. We, of course, are responsible for any faults that remain.

We dedicate this volume to the memory of Gleb Petrovich Struve (1898—1985), who did more than anyone to discover and record the facts of Gumilev's life and ensure that the memory of the poet should not perish.

M. B.
S. D. G.

НЕИЗДАННЫЕ
И
НЕСОБРАННЫЕ СТИХИ

1. ОГОНЬ

Я не знаю, что живо, что нет,
Я не ведаю грани ни в чем...
Жив играющий молнией гром —
Живы гроздья планет...

И красивую яркость огня
Я скорее живой назову,
Чем седую, больную траву,
Чем тебя и меня...

Он всегда устремляется ввысь,
Обращается в радостный дым,
И столетья над ним пронеслись,
Золотым и всегда молодым...

Огневые лобзают уста...
Хоть он жжет, но он всеми любим,
Он лучистый венок для Христа,
И не может он быть не живым...

2.

Он воздвигнул свой храм на горе.
Снеговой, многобашенный храм,
Чтоб молиться он мог на заре
Переменным, небесным огням.

И предстал перед ним его бог,
Бесконечно родной и чужой,
То печален, то нежен, то строг,
С каждым новым мгновеньем иной.

Ничего не просил, не желал,
Уходил и опять приходил,
Переменно-горячий кристалл
Посреди неподвижных светил.

И безумец, роняя слезу,
Поклонялся небесным огням,
Но собралися люди внизу
Посмотреть на неведомый храм.

И они говорили, смеясь,
"Нет души у минутных огней,
Вот у нас есть властитель и князь
Из тяжелых и вечных камней".

А безумец не мог рассказать
Нежный сон своего божества,
И его снеговые слова,
И его голубую печаль [печать?].

3.

Сегодня у берега нашего бросил
Свой якорь досель незнакомый корабль,
Мы видели отблески пурпурных весел,
Мы слышали смех и бряцание сабль.

Тяжелые грузы корицы и перца,
Красивые камни и шкуры пантер,
Все, все, что ласкает надменное сердце,
На том корабле нам привез Люцифер.

Мы долго не ведали, враг это, друг ли,
Но вот капитан его в город вошел,
И черные очи горели, как угли,
И странные знаки пестрили камзол.

За ним мы спешили толпою влюбленной,
Смеялись при виде нежданных чудес,
Но старый наш патер, святой и ученый,
Сказал нам, что это противник небес.

Что суд приближается страшный, последний,
Что надо молиться для встречи конца...
Но мы не поверили в скучные бредни
И с гневом прогнали седого глупца.

Ушел он в свой домик, заросший сиренью,
Со стаею белых своих голубей...
А мы отдалися душой наслажденью,
Веселым безумьям богатых людей.

Мы сделали гостя своим бургомистром
— Царей не бывало издавна у нас —
Дивились движеньям красивым и быстрым,
И молниям черных, пылающих глаз.

Мы строили башни, высоки и гулки,
Украсили город, как стены дворца,
Остался лишь бедный, в глухом переулке,
Сиреневый домик седого глупца.

Он враг золотого, роскошного царства,
Средь яркого пира он горестный крик,
Он давит нам сердце, лишенный коварства,
Влюбленный в безгрешность седой бунтовщик.

Довольно печали, довольно томлений!
Омоем сердца от последних скорбей!
Сегодня пойдем мы и вырвем сирени,
Камнями и криком спугнем голубей.

4.

На горах розовеют снега,
Я грущу с каждым мигом сильней,
Для кого я сбирал жемчуга
В зеленеющей бездне морей?!

Для тебя ли? Но ты умерла,
Стала девой таинственных стран,
Над тобою огнистая мгла,
Над тобою лучистый туман.

Ты теперь безмятежнее дня,
Белоснежней его облаков,
Ты теперь не захочешь меня,
Не захочешь моих жемчугов.

Но за гранями многих пространств,
Где сияешь ты белой звездой,
В красоте жемчуговых убранств,
Как жених я явлюсь пред тобой.

Расскажу о безумной борьбе,
О цветах, обагренных в крови,
Расскажу о тебе и себе,
И о нашей жестокой любви.

И на миг забывая покой
Ты припомнишь закат и снега,
И невинной, прозрачной слезой
Ты унизишь мои жемчуга.

5.

Нежданно пал на наши рощи иней,
Он не сходил так много, много дней,
И полз туман, и делались тесней
От сорных трав просветы пальм и пиний.

Гортани жег пахучий яд глициний,
И стыла кровь, и взор глядел тускней,
Когда у стен раздался храп коней,
Блеснула сталь, пронесся крик Эриний.

Звериный плащ полуспустив с плеча,
Запасы стрел еще не расточа,
Как груды скал задумчивы и буры,

Они пришли, губители богов,
Соперники летучих облаков,
Неистовые воины Ассуры.

6. АКРОСТИХ [Михаилу Кузмину]

Мощь и нега —
Изначально!
Холод снега,
Ад тоски,
И красива, и могуча,
Лира Ваша так печальна,
Уводящая в пески.
Каждый путник
Утомленный
Знает лютни
Многих стран,
И серебряная туча
На груди его влюбленно
Усмиряет горечь ран.

7. НЕИЗВЕСТНОСТЬ

Замирает дыханье и ярче становятся взоры
Перед сладко-волнующим ликом твоим, Неизвестность,
Как у путника, дерзко вступившего в дикие горы
И смущенного видеть еще неоткрытую местность.

В каждой травке намек на возможность несбыточной
встречи,
Этот грот — обиталище феи всегда легкокрылой,
Миг ... и выйдет, атласные руки положит на плечи
И совсем замирающим голосом вымолвит "милый!"

У нее есть хранитель, волшебник ревнивый и страшный,
Он отмстит, он, как сетью, опутает душу печалью.
... И поверить нельзя, что и здесь, как повсюду,
всегдашний,
Бродит школьный учитель, томя прописною моралью.

8. В САДУ

Целый вечер в саду рокотал соловей,
И скамейка в далекой аллее ждала,
И томила весна ... Но она не пришла,
Не хотела, иль просто пугалась ветвей.

Оттого ли, что было томиться невмочь,
Оттого ли, что издали плакал рояль,
Было жаль соловья, и аллею, и ночь,
И кого-то еще было тягостно жаль.

— Не себя! Я умею быть светлым, грустя;
Не ее! Если хочет, пусть будет такой.
... Но зачем этот день, как больное дитя,
Умирал, не отмеченный Божьей Рукой.

9. ЛИЛОВЫЙ ЦВЕТОК

Вечерние тихи заклятья,
Печаль голубой темноты,
Я вижу не лица, а платья,
А может быть только цветы.

Так радует серо-зеленый,
Живой и стремительный весь,
И, может быть, к счастью, влюбленный
В кого-то чужого ... не здесь.

Но душно мне ... я зачарован;
Ковер подо мной, словно сеть;
Хочу быть спокойным — взволнован,
Смотрю — а хочу не смотреть.

Смолкает веселое слово
И ярче пылание щек;
То мучит, то нежит лиловый,
Томящий и странный цветок.

10.

Т. П. Карсавиной

Долго молили о танце мы вас, но молили напрасно,
Вы улыбнулись рассеянно и отказали бесстрастно.

Любит высокое небо и древние звезды поэт,
Часто он пишет баллады, но редко он ходит в балет.

Грустно пошел я домой, чтоб смотреть в глаза тишине.
Ритмы движений не бывших звенели и пели во мне.

Только так сладко знакомая вдруг расцвела тишина.
Словно приблизилась тайна иль стала солнцем луна.

Ангельской арфы струна порвалась и мне слышится
звук.
Вижу два белые стебля высоко закинутых рук.

Губы ночные, подобные бархатным красным цветам...
Значит, танцуете все-таки вы, отказавшая там!

В синей тунике из неба ночного затянутый стан
Вдруг разрывает стремительно залитый светом туман,

Быстро змеистые молнии легкая чертит нога —
Видит наверно такие виденья блаженный Дега.

Если за горькое счастье и сладкую муку свою
Принят он в сине-хрустальном высоком господнем
раю.

... Утром проснулся и утро вставало в тот день
лучезарно.
Был ли я счастлив? Но сердце томилось тоской
благодарной.

16 марта 1914 г.

11.

Анне Радловой

Вы дали мне альбом открытый,
Где пели струны длинных строк,
Его унес я, и сердитый
В пути защелкнулся замок.
Печальный символ! Я томился,

Я перед ним читал стихи,
Молил, но он не отворился,
Он был безжалостней стихий.
И мне приходится привыкнуть
К сознанью полному тоски,
Что должен я в него проникнуть,
Как в сердце ваше — воровски.

12. ПЕСНЯ ДЕВКАЛИОНА

Гибель близка человечьей породы,
Зевс поднимается ныне на них,
Рухнут с уступов шумящие воды,
Выступят воды из трещин земных.
Смерти средь воя и свиста и стона
Не избежит ни один человек,
Кроме того, кто из крепкого клена
Вовремя выстроит верный ковчег.

13.

"Вы задумчивы, маркиза?
Вы больны?"
"Ах, мой друг, одни капризы
От луны".

["Посмотрите, королева
Вас зовет",
"Но луна встает налево
И плывет".]

"Я люблю вас с новой страстью
Вновь и вновь".
"Я давно не верю в счастье
И любовь".

"Но вокруг нас бродят пары,
Влюблены".
"Это чары, только чары
От луны".

"Я хочу иль их развеять
Иль пропасть".
"Ах, Луи, как сладко верить
В вашу власть!"

"Но какой искать награды
Я бы мог?"
"Боже! Все, чего вам надо,
Мой цветок?"

"Если так, то все готово,
Я нашел.
Но должны сдержать вы слово".
"Хорошо!"

И помчали духи мрака
В вышину,
Сирано де Бержераком
На луну.

И рука его простерла
Звонкий бич,
Чтоб схватить луну за горло
И избить.

14.

Как я скажу, что тебя буду помнить всегда?
Ах, я и в память боюсь, как во многое, верить.
Буйной толпой набегут и умчатся года,
Столько печали я встречу, что радости ль мерить?
Я позабуду. Но вечно и вечно гадая,
Буду склоняться над омутом прошлого Я,
Чтобы припомнить, о чем позабыл ... и седая
Первая прядка волос, помни, будет твоя.

15.

Руки помнят о тебе и губы
Тоже помнят.
Позабыть ли томный [?] шелест юбок
В мраке комнат?

16. ["Поэты о дровах". Из альбома Д. С. Левина]

Левин, Левин, ты суров,
Мы без дров,
Ты ж высчитываешь триста
Обесцененных рублей
С каталей
Виртуозней даже Листа.

В пятисотенный альбом
Я влеком
И пишу строфой Ронсара,
Но у бледных губ моих
Стынет стих
Серебристой струйкой пара.

Ах, надежда все жива
На дрова
От финляндцев иль от чукчей,
А при градусах пяти,
Уж прости,
Сочинять нельзя мне лучше.

20 ноября 1919 г.

17. [Из альбома Р.В. Рура]

О дева Роза, я в оковах.
Я двадцать тысяч одолжал.
О сладость леденцов медовых,
Продуктов, что творит Шаншал!

Но мне ничуть не страшно это,
Твой взор, как прежде, не суров,
И я курю и ем конфеты
И не стыжусь моих оков.

ФРАГМЕНТЫ ПОЭМ
И
ДРАМАТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

МИК

1. Глава шестая

Отрывок

Дымился над землей туман
И кучки сонных обезьян
Спешили в логова свои,
Когда ушел от них Луи;
Ушел, а Мик не спал всю ночь,
Тоски не в силах превозмочь.
[Когда сопящий бегемот
Шел к пастбищам из тьмы болот,
Когда внезапный ветер с гор
Гудел в вершинах сикомор,
То в каждом шуме думал Мик
Услышать человечий крик.]

Под утро лишь забылся он,
И взял его могучий сон
В совсем чудесную страну,
Всего вернее, на луну.
[Там толпы юношей и дев
Перекликались: "Умер лев!"
А огненный, громадный шар,
Весь в багровеющих звездах,
Как бы во власти темных чар,
Прыжками двигался в кустах.
И, в ужасе окаменев,
Вдруг понял Мик, что это лев.]

Проснулся ... старый павиан
Сбирал сильнейших обезьян,
Они спускались, говоря,
Что хоршо б вернуть царя;

Порой, сплетя свои хвосты,
Чрез бездны строили мосты,
Пока пред ними темный лес
В тумане зыбком не воскрес
И не мелькнули меж стволов
Клыки и хоботы слонов.
Тогда они уселись; Мик
Пошел один и в глушь проник.

Пред ним поляны ровный круг
Кончался зарослями вдруг
И посреди его была,
Как низкий белый дом, скала;
На той скале Луи лежал,
Руками раны зажимал,
А восемь яростных пантер
Кружились возле ... Из пещер
Еще спешили ... отражал
Всю ночь их мальчик и устал.

. . . . . .

2. Отрывок из последней главы (вариант)

. . . . . .
От дел правленья он отвык,
И, пролетая, крикнул Мик,
Ему показывая шиш:
"Зачем ты куришь, не царишь?"
И тот ответил: "Я курю
Затем, что следует царю!"

Чрез многоводный Сенегал
В трущобы Конго Мик влетел
И как потом он проклинал
Тот неприветливый предел!

Там оголтелый людоед
С ножом за ним пустился вслед,
И голых полчища богов
Со свежей кровью на губах
Вдруг подняли ужасный рев
На каменных своих столбах;
В ловушки, скрытые средь скал,
Жираф ногами попадал.

Как ряд степей, бегущих вдаль,
Потом открылся Трансвааль,
И Мик запомнил навсегда
Деревни, села, города,
Где жили тысячи людей,
Не черных — белых, всех вождей;
У школы, дома одного,
Чуть не оставили его.
Старик, почтенный, словно царь,
Сказал: "Садись-ка за букварь!"
Забился Мик, его жираф
Вспотел, насилу ускакав.

"На север", — крикнул Мик, и вот
Они вошли в страну болот
В верховьях Нила; там сильны
Загадочные колдуны
И могут, дергая струну,
Заставить мучиться луну;
Для них пылающий жираф
Был самой легкой из забав,
И безопасно ехал Мик
Средь заклинательных костров,
Как вдруг пред ним опять возник
Седой и мудрый дух лесов.

"Ну, ты наездник молодец!"
Сказал он Мику, как отец,

А Мик, поникнув головой,
Шептал: "Мне хочется домой!
Мне кажется, что я умру,
Коль не достану инжиру
И не понюхает мой нос
В Аддис-Абебе красных роз".
Дух рассмеялся: "Ну, иди!
Ты счастье встретишь впереди.
Я ж три подарка дам тебе,
Помощников в твоей судьбе:

Теперь поймешь свободно ты,
Что шепчут звезды с высоты,
[Все запахи и голоса,
Которыми полны леса;
Отныне каждый человек,
Богатый, бедный, самый злой,
К тебе привяжется [?] навек
Вдруг размягченною душой;
И будешь ты творить добро,
И суд твой будет честный суд,
Но золото и серебро
В твоих подвалах как сочтут!"]

И над могилою Луи
Колени Мик склонил свои
И слышал в небе звездный клик:
— Луи, он счастлив, он в раю,
Там Михаил Архистратиг
Его зачислил в рать свою. —
И престарелый павиан,
Что стал царем у обезьян,
Целуясь с Миком, уверял,
Что тот совсем мужчиной стал
И встреться с ним Ато Гано,
Тому бы не было смешно.

ПОЭМА НАЧАЛА
Книга Первая
ДРАКОН
Песнь вторая
(вариант 1)

1

Мир когда-то был легок, пресен,
Бездыханен и недвижим,
И своих трагических песен
Не водило время над ним.

А уже в этой тьме суровой
Трепетала первая мысль,
И от мысли родилось слово,
Предводитель священных числ.

В слове скрытое материнство
Отыскало свои пути:
— Уничтожиться как единство
И как множество расцвести.

Ибо в мире блаженно-новом,
Как сверканье и как тепло,
Было между числом и словом
И не слово и не число.

Светозарное, плотью стало,
Звуком, запахом и лучом,
И живая жизнь захлестала
Золотым и буйным ключом.

2

Скалясь красными пропастями,
Раскаленны, страшны, пестры,

За клокочущими мирами
Проносились с гулом миры.

Налетали, сшибались, выли
И стремительно мчались вниз,
И столбы золотистой пыли
Над ловцом и жертвой вились.

В озаренной светами бездне,
Затаив первозданный гнев,
Плыл на каждой звезде наездник —
Лебедь, Дева, Телец и Лев.

А на этой навстречу звездам,
Огрызаясь на звездный звон,
Золотобагряным наростом
Поднимался дивный дракон.

Лапы мир оплели, как нити,
И когда он вздыхал, дремля,
По расшатанной им орбите
Вверх и вниз металась земля.

3

Мчалось время; прочней, телесней
Застывало оно везде.
Дева стала лучом и песней
На далекой своей звезде.

Лебедь стал сияющей льдиной,
А дракон — земною корой,
Разметавшеюся равниной,
Притаившеюся горой.

Умягчилось сердце природы,
Огнь в глубинах земли исчез,
Побежали звонкие воды,
Отражая огни небес.

Но из самых темных затонов,
Из гниющих в воде корней,
Появилось племя драконов,
Крокодилов и черных змей.

Выползали слепые груды
И давили с хрустом других,
Кровяные рвались сосуды
От мычанья и рева их.

Поэма Начала
Книга Первая
Песнь II
(вариант 2)

1

Было время, или вернее
Начиналось время чуть-чуть,
И земля в восемь раз быстрее
Совершала вкруг солнца свой путь.

Скалясь красными пропастями,
Золотым взъерошась огнем,
Меж испуганными мирами
Дико мчался огромный ком.

И уже тогда в нетерпеньи
Эта слизь, ползущая в синь,
Замышляя преображенье,
Зачинала первую жизнь.

Взор слепой поднимая к звездам,
Огрызаясь на звездный звон,
Над землей багровым наростом
Поднимался первый дракон.

Лапы мир оплели, как нити,
И когда он вздыхал, дремля,
По расшатанной им орбите
Вверх и вниз металась земля.

2

Половину вечности в бездне
Плыл, подобный полной луне,
Молчаливый этот наездник
На безумном своем коне.

И когда вселенское солнце
Отпылало, и лишь одно
Наше, малое, точно донце
Кубка, стало точить вино, —

Негу радости беспричинной,
Стал дракон земною корой,
Разметавшеюся равниной,
Притаившеюся горой.

Умягчилось сердце природы,
Огнь в глубинах земли исчез,
Побежали звонкие воды,
Отражая огни небес.

5 [sic]

Да от хруста ее и стона
Появилось время, и вот
На губительного дракона
Племя звездное восстает.

Налетали, сшибались, выли
И стремительно мчались вниз,
И столбы золотистой пыли
Над ловцом и жертвой вились.

Алым полымем в свете бездны
Разгоралось пламя времен.
Был на каждой звезде наездник [?],
Лев иль Дева иль Скорпион.

Смерть как вихрь носилась по тверди,
И росло сильней и пышней
Опьянение темное смерти,
Все равно, чужой иль своей.

И ревело время, ревело,
Точно зверь во мраке пещер,
Чтоб из плена [неразб.]
Родилась гармония сфер.

6

Дева стала звуком и светом
На далекой своей звезде,
Лебедь стал сияющей льдиной,
А дракон земною корой,
Разметавшеюся равниной,
Притаившеюся горой.
Умягчилось сердце природы,
Огнь в глубинах земли исчез,
Побежали звонкие воды,
Отражая огни небес.
Но из самых темных затонов
Из гниющих в воде корней
Появились сотни драконов,
Крокодилов и черных змей.

Поднимались слепые груды
И давили с хрустом других,
Кровяные рвались сосуды
От мычанья и рева их.

4 [sic]

В зеленеющих океанах
Стало тесно от тяжких тел,
От поверженных великанов
Нестерпимо воздух смердел.
Да, но мы превратить сумели
В лапы цепкие плавники,
Чтоб всползать на теплые мели,
Пробиваться сквозь тростники.
Стало тесно и здесь — усилье
Темной творческой воли нам
Подарило крепкие крылья,
Чтоб носиться к облакам.

Поэма Начала
Книга Первая
Дракон
Песнь II
(вариант 3)

1

Сознавая лишь постоянство,
Без страданий и без услад,
В неродившееся пространство
Устремлялся бесплотный взгляд.

Мир был легок, бесформен, пресен,
Бездыханен и недвижим,
И своих трагических песен
Не водило время над ним.

Но от взгляда сущностью новой
Загорелась первая мысль,
Вместе с мыслью родилось слово,
Предводитель священных числ.

И, возжаждав радости странствий,
Все сверканье и все тепло,
В чуть слагающемся пространстве
Слово тонким лучом прошло,

Млечной радугою повисло,
Озарив непомерный сон;
И дробящие слово числа
Объясняли его закон.

2

В этом мире блаженно-новом,
Как сверканье и как тепло,
Было между числом и словом
И не слово и не число.

Превращая в тепло сверканье,
Светоносцем [?] оно звалось,
Потому что полное знанье
В нем едином дивно слилось.

И оно, помысля отдельность
Как священнейшее из прав,
Разорвало святую цельность,
Красной молнией в бездну пав.

Увлеченные в том паденьи,
Пали числа звездным дождем,
И повеял холод, и тени
Потянулись вслед за лучом.

Мир стал шире, глубже, полнее,
Как стена из света и мглы,
На которой вились, как змеи,
Первозданной силы узлы.

[Стали образы без названья
Направлять окрыленный шаг
В вышину, в тепло и сверканье,
И в глубины, в холод и мрак.]

3

О отдельность! Ты пламень счастья
Даже в холоде и во тьме!
Ты блаженное сладострастье
Замышлять и желать и сметь!

В силе скрытое материнство
Ей открыло ее пути:
— Уничтожиться как единство
И как множество расцвести.

Но распавшиеся частицы
Друг ко другу вновь повлекло,
И как огненные зарницы
Полыхнули добро и зло.

От стремленья и обладанья
Этот мир уже не стена,
А бескрайного мирозданья
Ширина, длина, глубина.

В опьяненьи своей свободы
Золотые пляшут миры,
Камни, пламени, воздух, воды
Славят радость и боль игры.

4

Скалясь красными пропастями,
Золотым взъерошась огнем,
Меж испуганными мирами
Дико мчался кипящий конь.

И на нем, угрожая звездам,
Огрызаясь на звездный звон,
Золотобагряным наростом
Поднимался первый дракон.

Лапы мир оплели, как нити,
И, когда он вздыхал, дремля,
По расшатанной им орбите
Вверх и вниз металась земля.

Молчаливый этот наездник
На безумном своем коне
Увидал в сияющей бездне
Синий мир блаженный вполне.

И ударил ... И стало пусто,
Где пред тем плясала звезда,
Но от стона ее и хруста
Появилось время тогда.

Стало прошлое невозможным [?]
Темным будущее, и [неразб.]
Страшным чудищ[?] подобные пятнам
На небесном расцвел челе.

В КИТАЕ

(начало поэмы)

1) Весь двор усыпан был песком,
Цветами редкостными вышит,
За ним сиял высокий дом
Своей эмалевою крышей.

2) А за стеной из тростника,
Работы тщательной и тонкой,
Шумела Желтая Река
И пели лодочники звонко.

3) Лай-Це ступила на песок,
Обвороженная сияньем,
В лицо ей веял ветерок
Неведомым благоуханьем;

4) Как будто первый раз на свет
Она взглянула, веял ветер,
Хотя уж целых десять лет
Она жила на этом свете.

5) И благонравное дитя
Ступало тихо, как во храме,
Совсем неслышно шелестя
Кроваво-красными шелками.

6) Когда, как будто донесен
Из-под земли, раздался рокот,
Старинный бронзовый дракон
Ворчал на каменных воротах:

7) "Я пять столетий здесь стою,
А простою еще и десять,
Судьбу тревожную мою
Как следует мне надо взвесить.

8) Одни и те же на крыльце
Китаечки и китайчонки,
Я помню бабушку Лай-Це,
Когда она была девчонкой.

9) Одной приснится страшный сон,
Другая влюбится в поэта,
А я, семейный их дракон,
Я должен отвечать за это?"

10) Его огромные усы
Торчали, тучу разрезая,
Две тоненькие стрекозы
На них сидели, отдыхая.

11) Он смолк, заслыша тихий зов,
Лай-Це умильные моленья:
" — Из персиковых лепестков
Пусть нынче мне дадут варенья!

12) Пусть в куче розовых камней
Я камень с дырочкой открою
И пусть придет ко мне Тен-Вей
Играть до вечера со мною".

13) При посторонних не любил
Произносить дракон ни слова,
А в это время подходил
К ним мальчуган большеголовый.

14) С Лай-Це играл он, их дворцы
Стояли средь одной долины,
И были дружны их отцы,
Ученейшие мандарины.

15) Дракон немедленно забыт,
Лай-Це помчалась за Тен-Веем
Туда, где озеро блестит,
Павлины ходят по аллеям.

16) А в павильонах из стекла,
Кругом обсаженных цветами,
Собачек жирных для стола
Откармливают пирожками.

17) "Скорей, скорей, — кричал Тен-Вей, —
За садом, в подземелье хмуром
Вчера посажен был злодей
За злобу прозванный Манджуром.

18) Китай хотел он разорить,
Но оказался между пленных;
Я должен с ним поговорить
О приключениях военных".

19) Пред ними старый водоем,
А из него, как два алмаза,
Сияют сумрачным огнем
Два кровью налитые глаза.

20) В огромной рыжей бороде
Шнурками пряди перевиты,
По пояс погружен в воде,
Сидел разбойник знаменитый.

21) Он крикнул: "Горе, горе всем!
Не посадить меня им на кол,
А эту девочку я съем,
Чтобы отец ее поплакал!"

22) Тен-Вей, стоявший впереди,
Высоко поднял меч картонный:
"А если так, то выходи
Ко мне, грабитель потаенный!

23) Борись со мною грудь на грудь,
Увидишь, как тебя я кину!" —
И хочет дверь он отомкнуть,
Задвижку хочет отодвинуть.

24) На отвратительном лице
Манджура радость засияла,
Оцепенелая Лай-Це
Молчит — лишь миг и все пропало.

25) И вдруг испуганный Тен-Вей
Схватился за уши руками.
Кто дернул их? Его ушей
Не драть так больно даже маме.

26) А две большие полосы
Дрожали в зелени газона,
То тень отбросили усы
Назад летящего дракона.

27) А дома в этот миг за стол
Садятся оба мандарина,
И между них сидит посол
Из отдаленного Тонкина.

28) Из ста семидесяти блюд
Обед закончен, и беседу
Изящную друзья ведут,
Как добавление к обеду.

29) Слуга приводит к ним друзей,
Лай-Це с поклоном исчезает,
Но успокоенный Тен-Вей
Стихи старинные читает.

30) И гости на доске стола
Их такт отстукивают сами
Блестящими, как зеркала,
Полуаршинными ногтями.

Стихи, прочитанные Тен-Веем.

31) Луна уже покинула утесы,
Прозрачным море золотом полно,
И пьют друзья на лодке остроносой,
Не торопясь, горячее вино.

32) Смотря как тучи легкие проходят
Сквозь лунный столб, что в море отражен,
Одни из них мечтательно находят,
Что это поезд богдыханских жен;

33) Другие верят — это к рощам рая
Уходят тени набожных людей;
А третьи с ними спорят, утверждая,
Что это караваны лебедей.

34) Тен-Вей окончил, и посол
Уж рот раскрыл, готов к вопросу,
Когда ударился о стол
Цветок, в его вплетенный косу.

35) С недоуменьем на лице
Он обернулся; приседая
Смеется перед ним Лай-Це,
Легка, как серна молодая.

36) ” — Я не могу читать стихов,
Но вас порадовать хотела
И самый яркий из цветов
Вплела вам в косу, как умела”.

37) Отец молчит, смущен и зол
На шалость дочки темнокудрой,
Но улыбается посол
Улыбкой ясною и мудрой.

38) ” — Здесь, в мире горестей и бед,
В наш век и войн и революций,
Милей забав ребячьих — нет,
Нет глубже, — так учил Конфуций.”

Фрагменты из драматической поэмы [?]

1

И что же я теперь? Забавы прочь,
Пусть день для глупостей, для наставлений — ночь!
День новогодний кончился привольно,
К добру, ко злу ли, я довольна.
Ах, даже лилия моя покойно спит.
— Я сорвала тебе подругу молодую.
Смотри, какой цветок перед тобой горит.
Тебя чудеснейшему научу я.
Вот здесь уже раскрылись лепестки,
Пятнистые, как мотыльки,
Тогда как лилии, что нам открыли
Пропорции, что прежде были,
Остались неизменными вон там,
Чтоб сравнивать удобно было нам.
Представь себе, что есть король цветов,
И девушки сошлись среди его дворцов.
"Смотрите, почки на цветах цветов", —
Кричит он, "Зайзи [что?] из Бренты.
Я накормил ее полентой.
И цепи стали тяжелы ... почти
Как имя, что нельзя произнести.
Смотрите также на отливы краски.
Она пила браганское вино,
Покуда нос ее — о как смешно —
Не сделался карминно-красным!
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
Всего свершенного значенье
Найдет иное объясненье.

2

Верхи дерев шумят над головой,
Растут цветы и травы под ногой.

Нет ничего в пределах бытия,
Чему б не научилась в детстве я!
Ведь что такое шепчет нам трава,
Щебечут пташки? — Это все слова,
Но тише речи царственной людей!
Я это знанье с жизнью приняла,
И я так ясно солнце поняла,
И даже звезды сосчитать могла,
Как пальцы на моей руке.
Но никогда я не пойму в тоске,
Зачем скользит луна средь голубых равнин,
Когда из ясных взглядов ни один
Меня заметить бы не мог
И взял меня внезапно Бог.

3

Мышь в своем закроме,
Пчелка в улье своем
И улитка во тьме
Спят под зимним дождем.
Но светляк и землеройка и большой червяк,
Неустанный заяц, как?
За совет спасибо Зайзи, слушать ли его
Нет личинки, нет овсянки, нет браганского вина.
Легче [неразб.] пролетают ее черевички
[неразб.] забыть заставив мрак.
Но зима идет за летом
А светляк и землеройка и большой червяк,
Неустанный заяц, как?
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

4

Как эта девушка грустна — ужели б стала
И я такой — мне вред едва ли был

Лишь оттого, что имя я узнала
Того, кто надо мною подшутил.
Я не встречалась с этим иностранцем
С кудрями русыми, с таким румянцем,
И он не совершал — как говорит она —
[неразб.] мастерский [?] обход.
Как все, что обещал Лука нам дать сполна,
Вот будет хорошо: на следующий год
Я башмаки куплю и буду, Зайзи, да,
Тебя нарядней может быть тогда.
Блеф ... как там! Это [неразб.] я б поймала,
Когда бы стала Монсеньором вдруг
. . . . . .
. . . . . .

Чтоб наша болтовня в смущенье привела
Епископа, не знающего зла.
Но все-таки ... я б руку отдала,
Сказав, что смертный не имеет права
Держать себя так величаво.
Не ангел лучший из людей,
Не самый худший превзойдет чертей,
И надо прятать гордость взгляда, право!
Пусть это явится лишь мне самой укором,
Я только что была святейшим Монсеньором,
Тобой, мать нежная Луиджи, и тобой,
Луиджи — как он выбежал беспечно
Из башенки — отправившись, конечно,
Исполнить замысел какой-нибудь благой;
Едва прошел он в путевом наряде,
Как мрачный [неразб.]
Потупился с досадою во взгляде,
Как будто в нем добычу утерял.
Ах, я была и Юлия невестой,
Я занимала и Оттимы место,
. . .

ЗЕЛЕНЫЙ ТЮЛЬПАН

Одноактная пьеса в стихах
[фрагмент]

Действующие лица

Фридрих Шиммельпенник, богатый гаарлемский купец
Г-жа Шиммельпенник, его жена
Карл, их сын
Берта, их племянница
Хозе Перейра, лиссабонский купец

Гаарлем, половина XVII ст. Сцена представляет оранжерею в доме Фридриха Шиммельпенника, наполненную тюльпанами всех сортов. Хозяин и Хозе Перейра прогуливаются, рассматривая тюльпаны.

Фридрих
(потирая руки)

Что ж, господин Перейра, мы решили?
Пятнадцать тонн сыров за мной, за вами
Сто двадцать тысяч новеньких флоринов.
С таким, как вы, приятно делать дело,
Доволен я, и, думаю, вы тоже;
Признайтесь, наживете сорок на сто?

Перейра

Куда уж там, почтенный Шиммельпенник,
Свое бы выручить, страна нищает,
Растут налоги, а король собрался
Вновь воевать ... Ах, кстати, нет у вас
На складах перца, лака и ванили?

Фридрих

Есть, как не быть! Но мы об этом после.
Позвольте ваше обратить вниманье

Вот на тюльпан. Видали ль где-нибудь,
И даже в вашем славном Лиссабоне,
Вы что-либо подобное ... блестит,
Как новенькое золото, а нежен,
Как поцелуи девушки, хе-хе.

Перейра
(рассеянно)

Да, он хорош.

Фридрих

Хорош, вы говорите!
Божествен он, великолепен, дивен,
Неслыхан, баснословен, фантастичен.
Он помрачает ум, [неразб.] душу,
И солнца свет так темен перед ним.
А этот, этот — за него я отдал
На улице Гранильщиков пивную,
Которая ценилась в тридцать тысяч.

Перейра

Как странно так любить цветы простые [?].
Недавно в Лиссабоне я встречался
С одним голландцем умным и учтивым.
Он молод был и тратил много денег
В тавернах наших и с Инез гитаной.
Однажды выпил на пари бочонок
Малвазии пятидесятилетней.
И там он говорил, что ненавидит
От всей души тюльпаны и готов
Отцовскую отдать оранжерею —
По слухам чудную — за медный грош.

Фридрих
(внезапно озаряясь [?])

Да, есть безумцы даже в Нидерландах,
Зеленолицые, с потухшим взором ...

[Фрагмент из пьесы]

Явление I

Граф Готфрид, граф Куно, графиня Матильда, Кур[?] Эддинг

Готфрид

Не нравится мне это, внук мой Куно!
В такой торжественный и светлый день
Венчанья твоего с Матильдой милой
И присоединения к твоим
Владениям ее полей и замков
Ты пригласил на праздник не прелата,
Который браком вас соединил,
Не рыцарей, тебе по сану равных,
А город [дальше неразб.]
Сапожники [дальше неразб.]

Куно

Ах, дедушка, ты выжил из ума.
На что прелат мне [неразб.]? Ведь от Рима
Нас, слава Богу, отделяют Альпы.
А рыцари? Они к дворам владык
[неразб.]
И позабыли рыцарскую вольность.
Вот то ли дело честные мои
Ремесленные цехи! Их, пожалуй,
Не одолеть ни папе, ни ландграфу.
Когда пятнадцать тысяч дюжих
Взмахнут лопатами и топорами,
Мне слаще с ними быть, чем против них.

— — — — — — — — — —

ГОНДЛА

(Вариант начала)

Действующие лица

Старый Конунг, один из исландских властителей
Снорре, Груббе — его ярлы
Лаге, Ахти — молодые исландцы
Гондла, ирландский король на воспитании у Конунга
Вождь ирландского отряда
Пленный итальянский священник
Первый раб
Второй раб
Лера, она же Лаик, знатная исландская девушка
Провидица Гильда, старуха
Девушки-рабыни

Действие происходит в Исландии в IX веке.

Действие I

Пиршественная зала. Несколько окон, в стене лестница, ведущая в спальню Леры. За столом Конунг, Снорре, Груббе, Лаге, Ахти, Гильда и Гондла рядом с Лерой в брачных одеждах. Пир близится к концу.

Сцена первая

Груббе

Разве может быть свадьба удачной,
Разве может быть сладким вино,
Если пасмурен сам новобрачный,
Если мало богов почтено?

Лаге

Не забыты ни Фрея, ни Бальдер,
Мы сожгли им немало цветов.

Снорре

И для сильного Одина скальды
Пели столько приятных стихов.

Груббе

Перестаньте! Нам было бы лучше
И не вспомнить про этот позор,
Тор забыт, необорный, могучий,
Тяжким молотом машущий Тор.

Гильда

(пророчествуя)

Вижу! Хмурятся страшные брови,
Взор сверкает грозней и грозней,
Хочет теплой, дымящейся крови,
Топором перерубленных шей.
Окровавлены лес и равнина ...

Конунг

Что, провидица, видишь ты вновь?

Гильда

Вижу я, королевского сына
Обагряет горячая кровь.

(смятение)

Конунг

Это Гондла!

Груббе

Конечно, меж нами
Королевичей нету других.

Снорре

Ну и свадьба!

Ахти

Не в дружбе с богами,
Оттого и печален жених.

Конунг

Нет! Слова эти — радость, не горе!
Вы не поняли воли богов!
Вот ключи; из темницы, мой Снорре,
Приведи христианских рабов.
(Снорре уходит)

Лаге

Хочет, хочет железо добычи.

Ахти

И от крови пьянее вино.

Груббе

Я люблю этот древний обычай,
Почему-то забытый давно.

Конунг

Для тебя это может быть внове,
Гондла, то, что увидишь теперь,
Но богов умиришь ты, а крови
Не прольешь королевской, поверь.

Снорре

(вводя скованных рабов)
Вот! В тюрьму их ручьи протекали,
Там по пояс вода, хоть тони,
И весь год над водою держали
На плечах своих деву они.

Гондла

(Конунгу)

Ты даруешь несчастным свободу
В день торжественной свадьбы моей?

Конунг

Нет, мой Гондла, но Тору в угоду
Здесь ты рабскую кровь [их] пролей.

Священник

Горе! Как мы мечтали о смерти
В темноте между слизней и жаб,
Но почуяли веянье тверди —
И наш дух очарованный слаб.

1-й раб

Радость глубже всех горестей наших!
Это мясо? То бык, иль кабан?

2-й раб

Что там дивное пенится в чашах?
Я от вида единого пьян.

Рабыня

Дева, что у тебя на одежде
Голубей голубой высоты?
Дай мне тронуть! Мне кажется, прежде
На свободе то были цветы.

Гондла

Кто вы, бедные?

Священник

Мы христиане,
Как и ты, что был Гондлою зван,
Это имя встречали мы ране
У ирландских царей-христиан.

Гондла

Я — ирландец.

Конунг

Но веришь ты в Тора,
Богом Одина ты признаешь,
И заслужишь их милости скоро,
Вот мой меч, он острее, чем нож!
Бей! Их муки не надо бояться,
От хорошего взмаха руки
Не заметишь, когда разлетятся,
Как стеклянные, их позвонки.

Исландцы

Бей!

Рабыня

Мне страшно!

2-ой раб

Пощады! Пощады!

1-ый раб

Есть [?]

Священник

Молите Христа!

Лера

Гондла, сжалься!

Гондла

Я знаю, что надо,
Чтоб земля не была проклята.

(рубит оковы на рабах и освобождает их)

Груббе

Что ты делаешь?

Гондла

Плох тот властитель,
Что слуге сообщает о том!
Я король ваш, друзья! Захотите ль
Вы восстать пред своим королем?
И запомните: я христианин,
Им родился и стал им сейчас,
Мне дороже простой поселянин
Горделивых и спорящих вас.
(священнику)
Знай, отец мой почтенный, что рядом
Я с прекрасною Лерой стою,
Обвенчай христианским обрядом
И меня и невесту мою,
Но не в доме. Здесь пахнет волками,
И на кровь здесь похоже вино.
Нет, в саду под звездами-свечами,
От которых отвык ты давно.

Священник

Если временье благоприятно
Я на таинство это дерзну.

Гондла

А потом я, король их, обратно
Отпускаю вас в вашу страну.

Гильда

Рок грозит королевскому сыну,
Неуклонен, кровав и свиреп,
Но в несчастьи его не покину
Я, провидица вещих судеб.

(выходит с Гондлой, Лерой и рабами)

Сцена вторая

Груббе

Гондла бросил нам горькое слово.

Лаге

И поднять не решился меча.

Конунг

Ничего не случилось дурного.
Гондла молод и кровь горяча.
Пейте, братья, чтоб браги не стало,
Пусть с невестой гуляет жених,
Или жалко вам пленных? Немало
В подземельи найдется других.

Снорре

Верно, Конунг!

Груббе

И то, мы не дети,
Не смутят нас пустые слова.

(все пьют)

Ахти

(трогая ногой лежащие на полу шкуры)
Жаль, на шкуры отличные эти
Не скатилась ничья голова.

(все встают)

КРАСОТА МОРНИ

Драма из ирландской жизни в 4-х действиях

Действующие лица

Куммал, вождь фениев
Дайра, фений, юноша-прозорливец
Тадж, друид
Конн, король
Фрейкмор, отец Куммала
Лухет, друг Конна
Морни, дочь Таджа
Райриу, мать Морни
Яснови дящая
Богиня Этайна
Бог Мидер
Фанн
Либан — волшебные девушки-птицы
Фении, воины короля

Действие первое

Горное ущелье

Праздник Фианны. В разгар его является Тадж. Его просят уйти, указывая на замкнутый характер [?] Фианны. Он спорит. Обращаются к Куммалу, причем выясняется, что тот жених Морни. Он становится на сторону Фианны. Тадж с угрозами уходит. Фении хвастают. Дайра грустен. Куммал зовет его вместе похитить Морни.

Действие второе

Комната в замке Конна

Конн беседует с Морни о предполагающемся браке. Входит Тадж с новостями. Конн сватается к Морни.

Согласье. Морни болтает с Лухетом. В окно прыгают Куммал и Дайра. Дайра удерживает Лухета, Куммал похищает Морни. Конн клянется сокрушить Фианну.

Акт первый

Горное ущелье. В глубине пещера, завешанная оленьими шкурами, жилище Фрейкмора. Слуги кончают накрывать пиршественные столы. Куммал сидит на богатом сиденье в ожидании фениев.

Мальдун *(входя)* Куммал Сребророгий, сын Фрейкмора, привет!

Куммал Привет, Мальдун-Скиталец! Как идет охота?

Мальдун *(садясь)* В дубовой роще за утесом [?] я встретил ее. Юноша бежит, как олень, высоко подняв голову, и смеется. Фении, как рассерженные псы, растянулись за ним.

Куммал А Кухулин?

Мальдун Он впереди бежит, на расстоянии дерева от юноши, но копья не бросает.

Куммал Почему?

Мальдун Разве исчислить причуды Кухулина!

Куммал А ты, Мальдун, разве не хочешь позабавиться бегом, бросить копье?

Мальдун Три года морских скитаний отняли резвость у моих ног. И мои глаза видели столько чудесного, что вид крови не порадует их.

Дайра *(входя)* Куммал Сребророгий, тебе приношу мою клятву на верность, тебе, а не королю Конну.

Куммал Это хорошо, юноша. Фении — свободные люди, им подобает клясться лишь своему вождю.

Кухулин *(входя)* Клянусь клятвой моей страны, этот юноша бежит быстрее ветра и даже быстрее моих коней.

(Прибывают фении и рассаживаются за столами)

Дайра Я принят в Фианну?

Фении Принят! Принят!

Кухулин Нет еще! Скажи все условья, Куммал.

Куммал Никто не допускается в Фианну, пока не вырыта широкая яма, в которой он должен стоять со своим щитом и ореховой палкой. Девять воинов с девятью копьями подходят на расстояние девяти борозд и сразу бросают в него все девять копий. Если он ранен, несмотря на щит и палку, он не допускается в Фианну.

Фении Это было! Это было!

Кухулин Было, и копья разлетались, как листья, брошенные против ветра.

Куммал Никто не допускается в Фианну, пока его волосы не заплетены и он не прогнан сквозь несколько лесов большим отрядом фениев, бросающих в него копья на расстоянии дерева. Если он настигнут или ранен, он не допускается в Фианну.

Фении Это было! Это было!

Мальдун Кухулин мог его ранить и не ранил.

Кухулин Кто посмел это сказать? А, это Мальдун — миролюбец, простивший убийцам отца своего. Язык злоречный и слабые руки.

Мальдун Тому, кто три года слушал голос моря, тому кажется бессвязным голос мести. Ты не оскорбил меня, Кухулин, но если хочешь, я буду биться против тебя, конный или пеший, с копьем или секирой.

Кухулин Я готов. *(встает)*

Куммал Стойте! Как олени весной, вы готовы драться, забыв об охотнике. То-то обрадуется король Конн, услыхав о смерти Кухулина-Могучего, или Мальдуна-Скитальца.

Дайра Прав и Мальдун, прав и Кухулин. Копье могло быть брошено и копья нельзя было бросить.

Фении Почему? Почему?

Дайра Спросите Могучего.

Кухулин Может быть и правда, только раз или два, не больше, я хотел бросить копье, но я увидел руку, смуглую, как закатное озеро, и лицо, как звезда, в черных кудрях, запрещавшее. Словно давний свой сон вспомнил я и не бросил копья.

Дайра Это была Фанн.

Кухулин И второй раз хотел я бросить копье, но увидел две руки, два крыла лебединых, и лицо нежное, как облако, которое опустится на меня в мой последний час. Мне стало сладко, как будто я умер, и я не бросил копья.

Дайра Это была Либан.

Куммал Что объясняют нам эти имена из старинных поэм?

Дайра Поэт бросает образ в мир, а мир вынашивает образ. Фанн и Либан, волшебные девушки-птицы, живут в Блаженных Полях и слетают на землю.

Мальдун Я видел реку, которая радугой висела над землей, и я убивал рыб, кидая копье мое вверх; на скалистом острове я слышал черных и пятнистых птиц, которые распевали стихи; я плыл в море, подобном облаку, и видел под собой высокие замки и прекрасную страну; и кошку я

видел в пустынном городе, которая хранила сокровища и сожгла моего молочного брата, прикоснувшись к нему. Я верю, что Кухулин видел Фанн и Либан, и знаю, что он не мог бросить копья.

Дайра Я принят в Фианну?

Мальдун Нет еще. Куммал, продолжай.

Куммал Никто не допускается в Фианну, пока не сделается поэтом и не прочтет двенадцати книг поэзии.

Дайра Свободные фении, защитники Эрина, гости Успеха! Какие книги назвать вам из тех, что я прочитал? Назову ли Историю Макалпана, бога, сына моря? Когда читаешь ее, молнии рвут небо и громы падают, как утесы. Назову ли поэму о Лугадисе, добром короле, от которой чувствуешь себя и ребенком и старцем вместе? Или стихи Морфезы-друида, сладкие, как мед или сон в полдень на горячем камне? Прорицанья ли Макфарлана, Любовь Федельмы и Лозгайре? Может быть, строфы Эна, знавшего прошлое, как вы настоящее? Ужасную Гибель Ниабы или истину о Красном Камне, добытом в голове Дракона? Может быть, заклинанья Садбы? Прочтя их, знаешь, что умер и родился вновь. Поученья Риагалла Благочестивого? Нет, я назову Песнь Стеклянной Ладьи и Солнце Страны Блаженных.

Фении Он знает! Он знает! Он прочел двенадцать книг.

Дайра И песню спою вам, которую сам сложил, песню о красоте Морни. Слушай внимательно ее, Куммал Сребророгий. *(поет)*

Сильно билось сердце летней ночи,
Когда зачата была Морни,
Утро прыгало и смеялось,
Когда Морни открыла глаза.

Губы Морни — разрезанная вишня;
Два лучом зажженные алмаза
Щеки Морни; а взоры Морни —
Факелы полуночных торжеств.

Кто ее увидел, неспокоен,
И печален, кто увидел дважды;
Увидавший трижды меч поднимает,
Чтоб оспорить ее у других бойцов.

Хитрый Тадж, друид, обещал Морни,
Не спросившись фениев, королю Конну;
Хитрый Тадж, друид, отец Морни,
Будет качаться на высоком суку.

Фении — Не может быть! Никто не смеет отдавать дочь замуж, не спросив три раза фениев. Этак у нас отнимут и право охоты! Подати платить перестанут!

Тадж — *(Вошедший во время пенья, выступает вперед)*. Хорошая песня, молодой человек, да припев плох. Хорошо служат фении и друидам повинуются. Привет тебе, Куммал Сребророгий. *(Усаживается)*

Куммал — Тадж, друид, нет тебе моего привета. Нет сегодня, потому что незваный приходишь ты на праздник Тары, где место одним фениям. Нет и завтра, если правда то, что спел Дайра.

Тадж — Ты, Куммал, и все фении, разве вы не сами выбирали себе короля?

Куммал — Да, но чтобы он нам служил, а не мы ему.

Тадж — Или не мудрость друидов питает вас в этом страшном мире, где каждый шаг грозит гибелью, каждое движенье — несчастьем?

Дайра — Мудрость друидов — как сорная трава, растет из славных могил. Наша мудрость обновляется ежедневно метко брошенным копьем, ветром ревущим, нежданным звоном стиха.

Куммал — Молчи, юноша, ты еще не совсем фений. *(Таджу)* Но он сказал правду.

Тадж — Не спорить сюда я пришел, а договориться. Велика сила фениев, но больше ее сила короля.

ПЕРЕВОДЫ
С
ФРАНЦУЗСКОГО

Н.С. Гумилев в форме
вольноопределяющегося Лейб-Гвардии
Уланского полка, 1915—1916
(из собрания Гордона Мак-Вэя)

1. Бодлер. Привиденье.

Как ангелы с лицом суровым,
Я стану пред твоим альковом,
С тенями ночи проскользну
К тебе, не тронув тишину.

Тебе я приготовил, юной,
И поцелуи, точно луны
Холодные, и ласки змей,
Свивающихся средь камней.

При свете дня, бледней асбеста,
Увидишь ты пустое место,
И будет холодно оно.

И, как другим одной любовью,
Над молодой твоею кровью
Царить мне ужасом дано.

2. Леконт де Лиль. Слезы медведя.

Владыка Рун сошел с пустынного откоса,
Внимал, как лопались во тьме ночной валы,
Как завывал медведь, как плакала береза,
Пылали волосы его средь горной мглы.

Бессмертный Скальд сказал: — К чему твой пыл
мятежный,
О [Море] темное? Береза, почему
[Рыдаешь] ты? Медведь, одетый шкурой снежной,
[Зачем], подобно им, тревожить ревом тьму?

И бледной Дерево листвой прошелестело:
— Узнай, Владыка Рун, отчаянье мое;
С лебяжьей шеею я девушки не зрело
Пред взором радостным влюбленного в нее.

— Владыка Рун, моя, — так отвечало Море, —
Не знала летних дней холодная вода.
Мое смертельное я выкликаю горе,
Но весело, в лугах, не пело никогда.

— Владыка Рун, — сказал Медведь, махая гривой,
Сраженный голодом, как злобною стрелой,
— Зачем не агнец я, невинный и счастливый,
Что благовонною питается травой?

Ударил вещий Скальд по струнам арфы звонкой,
И Пенье зимнюю разрушило печать,
Вздохнуло Дерево, зарей пригрето тонкой,
А Море принялось о радости кричать.

И встал большой Медведь на лапах величавых,
В нем сердце нежностью нежданною полно,
И слезы красные из глаз его кровавых
Текли, как два ручья, на белое руно.

3. Эредиа. Немея.

С того мгновения, как ловчий скрылся в лес,
Склоняя голову к раскидистому следу,
Одно рыкание означило победу,
Все смолкло. Солнца пар склонялся и исчез.

Из-за кустарника, сквозь буковый навес,
Пастух испуганный, бегущий к Итомеду,
Глядит, оборотясь, готов поверить бреду,
На зверя, вставшего с угрозой до небес.

Он выкрикнул. [Видел он] губителя Немеи,
На окровавленном закате взор страшнее
Клыков оскаленных и гривы золотой.

Ведь там, где вечера уже ползла завеса,
Сливая шкуру льва с плечами Геркулеса,
Шел человекозверь, чудовищный Герой.

4. Мореас. Третья элегия.

Психея, моя душа
— Эдгар По

То было, как поля Фарсила: мертвецы
Холмом
Покрыли и терновник и волчцы.
Там мы увиделись вдвоем
С моей душой, Психеей.

Я ей сказал: "Не правда ль?" — Я сказал, —
"Как арки рушатся и слава, лживей сна!
Ах, кто заклял оружье нам, заклял
И знамена,
Моя душа, Психея!"

То было, как чистилище, где мрак
Таил теней, подавленных стыдом,
Подать пытающихся знак; —
Там мы увиделись вдвоем
С моей душой, Психеей.

И я сказал: "Не правда ли", — и я
Сказал ей, — "Тех, кому уж нет пути,
В благословенные края,
Кто будет в силах их вести,
Душа моя, Психея!"

5. Готье. Эпиграф к рассказу "Даниель Жовар".

Чей бред божественный открыться хочет миру,
Чей легкий вздох звенеть мою заставил лиру?
О, Музы чистые и светлый Аполлон,
Мои стопы бредут на ваш священный склон.
Храните ж мой порыв от грустной перемены,
Я буду долго пить источник Ипокрены,
На берегу его прилягу я на мхи,
И эхо повторять начнет мои стихи.

Даниель Жовар, до обращения

О смерть и ад! Я так неистово хочу
Зубами разодрать всю шкуру палачу
И сердце дряблое в груди полуоткрытой
Добыть, кровавыми лохмотьями обвито.

Тот же Даниель Жовар, после обращения

СТАТЬИ, ФРАГМЕНТЫ СТАТЕЙ И ЗАБЫТЫЕ РЕЦЕНЗИИ

Н.С. Гумилев
портрет Н. Гончаровой, 1917 г.
(Victoria and Albert Museum — London)

ПОЭЗИЯ БОДЛЕРА[1]

Теперь несомненно, что Бодлер один из величайших поэтов XIX века и во всяком случае наиболее своеобразный. Это, конечно, не значит, что он был чужд каких-либо влияний, тогда он не был бы великим, нет, просто эти влияния были настолько разнообразны и в то же время так глубоко восприняты и целостно слиты, что создали поэтическую индивидуальность, подарившую миру "новый трепет" (выраженье Виктора Гюго). Из французов его учителями были Сент-Бев и Теофиль Готье. Первый научил его находить красоту в отверженном поэзией, в природных пейзажах, сценах предместий в явлениях жизни обычной и грубой; второй одарил его способностью самый неблагородный материал превращать в чистое золото поэзии, уменьем создавать фразы широкие, ясные и полные сдержанной энергии, всем разнообразьем тона, богатством виденья. Влиянье этих двух мэтров на Бодлера было настолько сильно, что его по справедливости причисляют к романтикам, мненье, которое разделял и он сам. Затем его сверстник и друг Теодор де Банвиль в своих "Клоунских Одах" задумал путем

[1] Биография Шарля Бодлера будет помещена в следующем томе его сочинений. Так как к этому тому приложена великолепная статья Т. Готье, мне остается добавить лишь немногое по поводу поэзии Бодлера. По поводу отдельных его стихотворений см. Примечания. [*Прим. Гумилева*].

применения неожиданных рифм создать новый род комического и этим натолкнул Бодлера на работу над редкими и новыми рифмами, что, конечно, отразилось на причудливости и изысканности его стиля.

С другой стороны, воспитывавшийся в Англии, превосходно знавший английский язык, Бодлер и там нашел близкие ему творческие умы. Не говоря уже о Байроне, этом кумире французского (так же как и русского) романтизма, впрочем, подарившем Бодлеру лишь поверхностно воспринятые последним темы мятежа и гордого отчаянья, Томас де Куинси и Эдгар По, поэты потайные и в свое время мало оцененные, оказали на него большое влиянье. Они научили Бодлера особенности англосаксонского воображенья, уменью соединять, не смешивая, ужасное с прекрасным, нежное с жестоким, райское с адским, как в поэме Мильтона. Это от них в поэзии Бодлера появились такие великолепные черные тона, счастье ужаса, блаженство отчаянья, радость неосуществимого желанья, и вторая их особенность, образность пышная, причудливая, пьяная, поддерживаемая парами опиума и алкоголя столько же, сколько филологическим гурманством.

Между этими двумя влияниями — французским, полным ясности, чистоты линий и латинской гармонии, и английским, над которым еще бродят черные тучи Нибелунгов, — поэзия Бодлера подобна закатному небу, где борьба света и тени порождает на мгновенье храмы и башни нашей истинной родины, лица тех, кого мы могли бы действительно полюбить, лиловые моря, в которых бы мы утонули, благословляя смерть.

Однако, не одно случайное сочетание влияний создало Бодлера таким, как он есть, этому были и другие причины. Девятнадцатый век, так усердно унижавшийся и унижаемый, был по преимуществу героическим веком. Забывший Бога и забытый

Богом человек привязался к единственному, что ему осталось, к земле, и она потребовала от него не только любви, но и действия. Во всех областях творчества наступил необыкновенный подъем. Люди точно вспомнили, как мало еще они сделали, и приступили к работе лихорадочно и в то же время планомерно. Таблица элементов Менделеева явилась только запоздалым символом этой работы. "Что еще не открыто?" — наперебой спрашивали исследователи, как когда-то рыцари спрашивали о чудовищах и злодеях, и наперебой бросались всюду, где оставалась хоть малейшая возможность творчества. Появился целый ряд новых наук, прежние получили неожиданное направление. Леса и пустыни Африки, Азии и Америки открыли свои вековые тайны путешественникам, и кучки смельчаков, как в шестнадцатом веке, захватывали огромные экзотические царства. В недрах европейского общества Лассалем и Марксом была открыта новая мощная взрывчатая сила — пролетариат. В литературе три великие теченья, романтизм, реализм и символизм, заняли место наряду с веками царившим классицизмом.

Бодлер к поэзии отнесся, как исследователь, вошел в нее, как завоеватель. Самый молодой из романтиков, явившийся, когда школа уже наметила свои вехи, он совершенно сознательно наметил себе еще не использованную почву и принялся за ее обработку, создав для этого специальные инструменты. Вот что он сам говорит об этом в своих проектах предисловия к *Цветам Зла*: "Знаменитые поэты уже давно поделили самые цветущие области царства поэзии. Мне показалось забавным и приятным, тем более, что задача была трудной, извлечь *Красоту* из *Зла*. Эта книга, глубоко бесполезная и вполне невинная, написана только для моего развлечения и упражнения моей страстной любви к препятствиям..." "Рядом определенных усилий

артист может возвыситься до стройной оригинальности; поэзия приближается к музыке просодией, корни которой уходят в человеческую душу глубже, чем это указывает любая классическая теория; поэт, который не знает точно, сколько каждое слово имеет рифм, не способен выразить какую-либо идею; поэтическая фраза может представить (и этим она близка к музыкальному искусству и математической науке) горизонтальную линию, линию прямую восходящую, линию прямую нисходящую... Может виться спирально, описывать полукруг или зигзаг; поэзия сближается с искусствами живописным, кулинарным и косметическим благодаря возможности выразить всякое ощущение сладости или горести, блаженства или ужаса соединеньем существительного с прилагательным, аналогичным или противоположенным; опираясь на мои принципы и располагая знаньем, которое я берусь объяснить в двадцать уроков, каждый человек становится способным создать трагедию, которая будет освистана не более, чем всякая другая, или написать поэму достаточной длины, столь же скучную, как любая эпическая поэма..."[2]

Вот язык, которым никто не говорил до Бодлера, да и после многие ли? Теофиль Готье, Верлен, кто же еще? Однако нельзя считать Бодлера поэтом, преданным исключительно форме, по той простой причине, что такие поэты просто не существуют и не могут существовать. "Поэт формы"! вот слово, которое утилитаристы бросают всегда истинным художникам. Что касается меня, то пока мне не отделят отчетливо в какой-либо фразе ее форму от содержанья, я буду утверждать, что это — два слова, лишенных смысла. Подобно тому, как нельзя извлечь из физического тела качества, его образующие, т.е. его цвет, протяженность, плотность, не сведя его

[2] Charles Baudelaire, Oeuvres posthumes, стр. 17, 18.

к пустой абстракции, — одним словом, не уничтожив его, так нельзя отнять форму у идеи, ибо идея существует только в силу своей формы. Невозможно представить себе идею, которая не имела бы формы, так же как нет формы, которая не выражала бы идеи. "Это только куча глупостей, которыми живет критика..." Это отрывок из переписки Флобера. Приблизительно те же мысли в разных местах своих статей высказывает и Бодлер. Может быть даже особенности его тем вызываются чисто формальными особенностями его творческого аппарата, повышенным музыкальным чутьем — он один из первых во Франции оценил Вагнера, — любовью к смешанному словарю, где слова, резко противополагаясь друг другу, приобретают неожиданность и телесность — в этом сказывается его раннее увлеченье вульгарной латынью, — стремленьем к сложной композиции "порочных" сюжетов. Ясно, что темы любви, добра и красоты своей банальной мягкостью только притупили бы слишком острые зубцы подобной мельницы.

Странно было бы приписывать Бодлеру все те переживания, которые встречаются в его стихах. Чем тоньше артист, тем дальше его мысль от воплощения ее в действие. Веками подготовлявшийся переход лирической поэзии в драматическую в девятнадцатом веке наконец осуществился. Поэт почувствовал себя всечеловеком, мирозданьем даже, органом речи всего существующего и стал говорить не столько от своего собственного лица, сколько от лица воображаемого, существующего лишь в возможности, чувств и мнений которого он часто не разделял.[3] К искусству творить стихи прибавилось искусство творить свой поэтический облик, слагающийся из суммы надевавшихся поэтом масок. Их число и разнообразие указывает

[3] Эта теория выражена очень ярко, хотя в полупублицистической форме, поэзией Уота [sic] Уитмэна.

на значительность поэта, их подобранность — на его совершенство. Бодлер является перед нами и значительным, и совершенным. Он верит настолько горячо, что не может удерживаться от богохульства, истинный аристократ духа, он видит своих равных во всех обиженных жизнью, для него, знающего ослепительные вспышки красоты, уже не отвратительно никакое безобразье, весь позор повседневных городских пейзажей у него озарен воспоминаньями о иных, сказочных странах. Перед нами фигура одинаково далекая и от приторной слащавости Ростана, и от мелодраматического злодейства юного Ришпена. Зато и влиянье его на поэзию было огромно.

Бодлер в действительности не примыкал ни к какой школе и не создал своей. Во Франции его считали то романтиком, то парнассцем, у нас почему-то еще и символистом. Но для того, чтобы быть романтиком, ему не хватало ни культа чувства, ни театрального пафоса, ни характерного многословья. Для парнассцев он был слишком нервен, слишком причудлив, и он говорит не столько о вещах мира, сколько о вызываемых ими ощущеньях. С символистами у него общего только то, что они у него заимствовали, главным образом, утонченная фонетика стиха, но ни ощущенья многопланности бытия, ни желанья дать почувствовать за словами абсолютное у него не было. Чистыми бодлерианцами оказались только два поэта — Морис Роллина (1846—1903), автор "Неврозов", и бельгиец Иван Жилькен (род. 1858), автор "Ночи". Оба они заимствовали у Бодлера его пессимизм, интерес к проявлениям личной и общественной истерии, любовь к редкому и подчас чудовищному. Роллина кончил как поэт деревни и крестьянства; Жилькен — как обличитель несовершенств социального строя.

Гораздо глубже было влиянье Бодлера на поэтов, вышедших из парнасской школы, чтобы стать вождями символизма. Культ красоты и тоска по бесконечности достались Стефану Маллармэ, Поль Верлен для своих "Сатурнических Поэм" получил в наследство от Бодлера тоску, полную поэтических видений. Почти для всех символистов имя Бодлера было священным. Однако в двадцатом веке, когда в лице Поля Клоделя и Франсиса Жамма наметился во французской поэзии уклон к католицизму и величавой простоте средневекового ощущенья жизни, Бодлеру поставили в вину его интеллектуальность, пессимизм и некоторую манерность, и молодое поколение поэтов отошло от него.

В России влиянье Бодлера испытали два крупнейших представителя новой поэзии, Бальмонт и Брюсов, и множество других менее значительных. Переводился Бодлер тоже много и часто, однако полный перевод его стихотворений (кроме нескольких мелочей, не вошедших в собранье его сочинений), сделанный размерами подлинника, появляется в нашем издании впервые.

АФРИКАНСКОЕ ИСКУССТВО
(начало статьи)

Африканское искусство — для многих это сочетание слов покажется странным. Ведь мы привыкли считать искусство частью культуры, а самую культуру понимать как способность к накопленью знаний и ощущений и уменье передавать или воспринимать их с помощью памятников, изустных преданий и общественных учреждений. Такой культуры среди африканских племен действительно нет, или по крайней мере очень мало. За исключением древних государств северного побережья, и когда-то могучей Абиссинии, этой младшей сестры Византии, мы находим мелкие банды дикарей, отделенных друг от друга непроходимыми лесами, болотами, пустынями, которые мешают им не только слиться, но даже узнать о существовании друг друга.

Иногда то в том, то в другом племени вспыхивает присущий ему гений, является жажда завоевания, и оно проходит тысячи миль, само не зная куда и зачем; когда же храбрейшие будут перебиты, женщины возропщут слишком сильно и место покажется удобным для жизни, племя останавливается, распадается на бесчисленные кланы и начинает свое прежнее существованье. Через два-три столетья даже европейские ученые не в силах узнать, когда и каким образом появилось в такой-то местности такое-то племя.

[ОТРЫВКИ ИЗ ЛЕКЦИИ [?] О ЛИТЕРАТУРЕ]

Поэт стал великолепным органом, гудящим и смутно волнующим сердца, но когда мы хотели узнать, кому звучат его Te Deum, мы останавливались изумленные. Увы, оказывается, он играл нам все те же песенки, которые нам опостылели еще со времен Ламартина, его темами бывали то роковые герои Марлинского, то травки, то звезды, столь любимые английскими иллюстраторами. Великолепная инструментовка придала им на миг кажущуюся убедительность, захотелось по призыву Блока с "ни с кем не сравнимой отлететь в голубые края", но вдруг стало ясно, что тайна Незнакомки в ее дактилических окончаниях и больше ни в чем. Символисты использовали все музыкальные возможности слова, показали, как одно и то же слово в разных звуковых сочетаниях значит иное, но доказать, что это иное и есть подлинное значение данного слова, а не одна из его возможностей, не смогли. Мало того, исследуя слово в одном музыкальном направлении, они забыли и стилистику, и композицию, или, вернее, попытались и их подчинить законам музыкального развития. В их стихотворениях отсутствует последовательное смешение планов переднего и заднего; при помощи чрезмерно развитой метафоры, гиперметафоры, сказал бы я, человек с исключительной легкостью подменяется звездой, звезда какой-нибудь идеей и т.д. Откуда ж бы им, всецело подчиненным временному искусству музыки, знать о пространственных законах пластического

восприятия! Чтобы не быть голословным, я прочту и разберу три символические стихотворения, напечатанные в 1914 г. Иванов, Гиппиус, Сологуб [...]

Тот же интерес к форме, и даже больше к особенностям, к уродливым возможностям формы, высказали футуристы. Они остро подметили, что мы вполне сроднились с тем, что каждое сочетание слогов что-нибудь значит, и на этом построили ряд прелюбопытных фокусов, над которыми стоит подумать занимающимся экспериментальной психологией. Как палку в муравейник, мы вталкиваем в наше сознание совсем новые, ничего не значащие слова, или старое слово, произвольно измененное, или, наконец, старое слово в совершенно нелогичной связи с другими. И, как муравьи в разрытом муравейнике, наши мысли хлопочут, чтобы как-нибудь осознать эту новизну, каким-нибудь содержанием наполнить эту пустоту. Таким образом мы знакомимся с могучей силой каждого слова, поставленного необычно, и можем извлечь отсюда много поучительного для изучения стилистики.

Примеры —

Таким образом, мы видим, что символисты рассмотрели музыкальные возможности слова, футуристы — его психологические. Но изобразительных возможностей ряда слов никто из них не разбирал, и это сделали акмеисты.

Для того, чтобы это было понятнее, я объясню, что я подразумеваю под ритмом мысли: наше сознание переходит с предмета на предмет, или на разные фазисы предмета, не непрерывно, а скачками. Опытные ораторы это знают и потому перемежают свою речь вставными эпизодами, которые легко опустить, не повредив целому. У поэзии есть другие средства, потому что наше поэтическое восприятие допускает созерцание предмета и в движении (временном), и в неподвижности.

ИНФОРМАЦИЯ

Театр

В скором времени в помещении журнала "Аполлон" открывается камерный театр, рассчитанный всего на шестьдесят зрителей.

Репертуаром заведует Н. Гумилев, художественной частью Г. Гидони, постановками В. Соловьев и С. Радлов. Труппа состоит из бывших учеников студии Мейерхольда, ныне закрытой. На билеты будет открыта запись. К постановке предполагаются "Киклоп" Еврипида в переводе Иннокентия Анненского, "Мистерия Адама" анонима XII века, перевод М. Лозинского, "Подвиг Хокусая [?]", японская драма XVIII века, и "Сид" Корнеля в переводе Н. Гумилева.

Книги

Книгоиздательство "Гиперборей" возобновило свою деятельность: кроме уже вышедших книг Н. Гумилева — "Мик", африканская поэма, "Костер", новый сборник стихов, и "Фарфоровый Павильон", китайские стихи, — намечены к изданию новый сборник стихов Анны Ахматовой, "Фамира Кифаред" Иннокентия Анненского, ассирийский эпос о Гильгамеше, "Тристан и Изольда" по древнейшему стихотворному тексту и пр. Большое внимание уделено художественной стороне изданий. Все

украшены заставками современных и старых графиков, некоторые печатаются в две краски.

Начинает свою деятельность издательство "Книжная Редкость". К изданию предположены книги, которые еще не появились на русском языке и редки на том, на каком написаны. Кроме виньеток, они будут снабжены графическими рисунками, раскрашенными от руки. Каждое издание выходит в количестве 300 экз. и повторено не будет. В ближайшем времени выходят "Матрона из Ефеса", повесть Тита Петрония Арбитра с иллюстрациями Г. Гидони, и "Абиссинские песни", собранные Н. Гумилевым, с рисунками по образцам абиссинской живописи. Предполагаются к изданию "Письма о танце" Антлея [?], "Письма о живописи" Дюрера и пр.

Издательство "Прометей" приступило к переизданию "Четок" и "Белой Стаи" Анны Ахматовой и "Романтических Цветов", "Жемчугов", "Чужого Неба" и "Колчана" Н. Гумилева.

РЕЦЕНЗИИ ГУМИЛЕВА, НЕ ВОШЕДШИЕ В ЧЕТЫРЕХТОМНИК

№ 1. *М. Кузмин.* Осенние озера. *Вторая книга стихов. М., Изд. "Скорпион". 1912 г. 1 р. 80 к.*

Стихи М. Кузмина, может быть, лучше, чем чьи-нибудь другие, показывают, что русская поэзия навек попрощалась с кустарным способом производства и стала искусством трудным и высоким, как в былые дни своего расцвета. М. Кузмин поэт безусловно, даже в старом смысле этого слова. Его слова искренни, переживания глубоки, образы рождаются свободно, и во всем чувствуется лирическая настроенность сильной и нежной души. Но он, кроме того, и мастер, требующий чтобы стих звенел, был новым, точным и содержательным. Разные силы владеют душой М. Кузмина, в мире красоты у него много любимцев: и Счастливая Аравия, вечная родина романических грез, где плещут фонтаны, качаются пальмы, и чернобородые, величественные шейхи, глядя на танцующих отроков, едят шербет и сочиняют сладкозвучные стихи; и XVIII век — век маскарадов, кружев и шелка, с томным началом романов и неожиданно фривольной развязкой; и золотой сумрак заволжских скитов; и наша повседневность — катанье на острова, сиденье в ресторанах, визиты и весь "дух мелочей прелестных и воздушных". И повсюду М. Кузмин ищет любви, одной любви. Кажется, целый мир заключается для

него в одном этом слове. Это — Амур со стрелами и колчаном, светлый ангел, куст благоухающих роз. В плоть и кровь М. Кузмина вошло прозренье Данте, что любовь движет солнце и другие светила.

Острый критик, талантливый беллетрист, интересный композитор, М. Кузмин все-таки прежде всего поэт. И его стихи, насыщенные культурой многих стран и эпох, связанные между собой единым стройным миросозерцанием, отточенные и поющие, долго будут радовать всех, любящих поэзию.

№ 2. *Валерий Брюсов.* Зеркало теней. *Изд. "Скорпион". М., 1912.*

Несмотря на то, что Валерий Брюсов был одним из первых русских символистов, он сохранил во всей полноте свое значение и до наших дней, по-своему, но глубоко отзываясь на все, что волновало общество последние десятилетия. И в то же время его творчество представляется нам тем, что современные французы называют "œuvre", т.е. законченным, как поэма, единым при кажущемся разнообразии. Полное обладание техникой делает из него мэтра русского стиха. Его можно не любить, но читать и даже изучать его должно.

В "Зеркале теней" не найти метода катастрофичности, когда поэт вкладывает в одно стихотворение всю силу своего горения, все окончательное своих прозрений. Его прелесть в зрелости мысли, точности выражений и уверенности, с какой поэт подходит к своим образам.

№ 3. *Сергей Городецкий.* Ива. *Изд. "Шиповник". СПб., 1913. Ц. 2 р.*

Сергея Городецкого невозможно воспринимать только как поэта. Читая его стихи, невольно думаешь больше, чем о них, о сильной и страстной и, вместе с тем, по-славянскому нежной, чистой и певучей душе человека, о том расцвете всех духовных и физических сил, который за последнее время начинают обозначать словом "акмеизм". Гордость без высокомерия и нежность без слезливости, из этих элементов сплетается творчество Городецкого. По форме его стихи напоминают нам уже пройденный поэтом этап символизма. Если стиль писателя есть взаимодействие между его внутренним законом и законами языка и стихосложения, то Сергей Городецкий вместе с символистами отдает явное предпочтение первому, подобно тому, как парнассцы — второму, тогда как акмеизм требует синтетических достижений. Но, бесспорно, Сергей Городецкий уже на пути к освобождению от последнего, что связывает его с символистами.

№ 4. Орлы над пропастью. *Предзимний альманах. Изд. "Петербургский Глашатай". 1912 г.*

Альманах "Орлы над пропастью" является последним выступлением группы эго-футуристов. В программной статье "Первый год эго-футуризма" находим, среди других, следующие изречения: "(для нас) Державиным стал Пушкин", "об опровержении говорить не приходится. Ясно, что г. Ф. М. Достоевский был неправ, говоря вышепри-

веденное". "Вообще эго-футурист фундаментируется на Интуиции", и т.д.

Рассмотрим творчество адептов этого нового направления. Феодор Сологуб, которым открывается альманах, дал самое дурное из всех своих стихотворений. Валерий Брюсов, в сонете "Игорю Северянину", предсказывает этому последнему: "и скоро у ног своих весь мир увидишь ты!" Сам Игорь Северянин находит, что "пора популярить изыски ... огимнив эксцесс в вирэле!" А. Скалдин рабски подражает Юрию Верховскому. А. Куприн поместил письмо к издателю альманаха г. Игнатьеву, в котором высказывает сожаление, что не мог попасть на поэзо-концерт. Некоторое недоумение возбуждает статья г. Казанского, где "Poesia", издающаяся в Милане, названа римским футур-журналом, и где перечисляются предтечи эго-футуризма: Фофанов, Лохвицкая, Уайльд и Бодлер. Кроме того, на обложке напечатаны стихотворения еще четырех поэтов. Обо всех можно сказать одно: вульгарность и безграмотность переносимы лишь тогда, когда они не мнят себя утонченностью и гениальностью.

ПИСЬМА ГУМИЛЕВА
К
РАЗНЫМ ЛИЦАМ

Н.С. Гумилев
фотография Наппельбаума, 1920 г.
(из собрания Гордона Мак-Вэя)

ПИСЬМА К В. Я. БРЮСОВУ

1

[п.шт.: Царское Село, 11 февраля 1906 г.]

Многоуважаемый Валерий Яковлевич!

Я вам искренне благодарен за Ваше письмо и за то внимание, которым Вы меня дарите. Вы воскресили мою уверенность в себе, упавшую было после Вашей рецензии.[1] Очень благодарю Вас за любезное приглашение участвовать в "Весах".[2] Но я боюсь, что присылаемые с этим письмом стихи покажутся Вам неудовлетворительными.[3] Дело в том, что зимой я пишу меньше и слабее, чем обыкновенно, а мои осенние стихи частью вошли в "Путь конквистадоров", частью печатаются в сборнике "Северная Речь", который выйдет в конце февраля.[4] Поэтому если присланные стихи будут забракованы, я пришлю Вам другую партию, быть может лучшую. Если же нет, то вторая партия может быть помещена в другом номере "Весов". Мне очень жаль злоупотреблять Вашей любезностью, но я не могу не попросить Вас уведомить меня, какие именно мои стихи будут помещены в "Весах",[5] потому что оставшиеся я думаю предложить для "Слова".[6]

Еще раз благодарю за внимание.

Готовый к услугам

Н. Гумилев.

11 февраля 1906 г.

2

[п. шт.: Царское Село, 8 мая 1906 г.]

Многоуважаемый Валерий Яковлевич!

Недавно вышел тот сборник, о котором Вы меня спрашивали, и я посылаю его Вам вместе с этим письмом. Может быть Вы напишете о нем рецензию.[1] Составители были бы очень рады. Посылаю также одно стихотворение: оно уже месяца два дожидалось очереди, чтобы быть напечатанным в "Слове", но так и не дождалось, хотя стихотворения других авторов, присланные в редакцию позднее моего, уже давно напечатаны. В силу всего этого я беру его из "Слова" и посылаю Вам для замены какого-нибудь уже намеченного Вами.

Что же касается присылки новых стихотворений, то мне придется обмануть Вас: я почти ничего не пишу.

Я объясняю это отсутствием людей, обращенье с которыми дало бы мне новые мысли или чувства.

Уже год, как мне не удается ни с кем поговорить так, как мне хотелось бы.[2] Я пишу это для того, чтобы Вы не отчаялись во мне, видя мою лень, тем более, что Ваше участие ко мне — единственный козырь в моей борьбе за собственный талант.

Простите за сбивчивое письмо.

Уважающий Вас

Н. Гумилев.

[Приложение:
"Там, где похоронен старый маг ..."][3]

Мой адрес: Царское Село. Угол Средней и Оранжерейной, дом Полубояринова, подъезд со Средней.

3

[п. шт.: Царское Село, 15 мая 1906 г.]

Уважаемый Валерий Яковлевич!

Спешу ответить на Ваше любезное письмо и дать Вам канву, по которой и т.д.

3-го апреля мне исполнилось двадцать лет, и через две недели я получаю аттестат зрелости. Отец мой отставной моряк, и в материальном отношении я вполне обеспечен.[1] Пишу я с двенадцати лет, но имею очень мало литературных знакомств, так что многие мои вещи остаются нечитанными за недостатком слушателей.

Из иностранных языков читаю только на французском, и то с трудом, так что собрался прочитать только Метерлинка. Из поэтов больше всего люблю Эдгара По, которого знаю по переводам Бальмонта и Вас (ради Бога, не сочтите это за лесть, и если Вы скромны, то припишите это моей недостаточной культурности).[2]

Летом я собираюсь ехать за границу и пробыть там лет пять.[3] Но так как мне очень хочется повидаться с Вами, то я думаю недели через три поехать в Москву, где может быть Вы не откажете уделить мне несколько часов.[4]

Если Вы ничего против этого не будете иметь, то напишите, пожалуйста, где я могу Вас видеть и какой день для Вас удобнее.

Хотелось бы Вам написать еще многое, но откладываю до личного свидания.

Ваш

Н. Гумилев.

4

30 октября [1906 г., Париж]

Многоуважаемый Валерий Яковлевич!

Сегодня в восемь часов утра я получил Ваше письмо и в девять уже пишу ответ. "Manon Lescaut", прекрасное издание librairie artistique, купленная только вчера, лежит и дожидается очереди быть прочитанной. Из этого Вы можете заключить, как я обрадовался Вашему письму. Простите, что мой ответ будет длинен, но мне так много хочется сказать Вам, а главное спросить Вас. Прежде всего я должен горячо поблагодарить Вас за Ваши советы относительно формы стиха. Против них долго восставала моя лень, шептала мне, что неточность рифм дает новые утонченные намеки и сочетания мыслей, и что этим эффектом пользовались Вы сами в "Двух моряках". Последним протестом было мое стихотворение "Крокодил" (ниже), одобренное многими и стоявшее на очереди в редакции покойного "Слова".[1] Но потом наступил перелом. Последующие мои стихи, написанные с безукоризненными рифмами, доставили мне больше наслаждения, чем вся моя предшествующая поэзия. Мало того, я начал упиваться новыми, но безукоризненными рифмами и понял, что источник их неистощим. Может быть, Вы меня поймете, прочитав мою "Загадку",[2] которую я особенно рекомендую Вашему вниманию.

Теперь относительно размеров: Вы пишете, что они у меня однообразны и несвоеобразны; что им надо учиться у Вячеслава Иванова. Я взял "Прозрачность" и пытался постигнуть строение ее стихов. Но, насколько я мог заметить, их секрет основан на том, что г-н Иванов берет для одной строфы строки различных размеров: "Снилось мне: сквозит завеса/Меж землей

и лицом небес./Небо — влажный взор Зевеса,/И печальный грустит Зевес..."[3] — или к обыкновенному размеру прибавляет или убавляет один-два слога: "Я видел Психею в густых лесах/Взлелеял Пан".[4]

Тогда как "В ночи, когда со звезд провидцы и поэты...",[5] стихотворение, которое мне кажется у него лучшим, написано обыкновенным размером. И тогда мне представилось, что прелесть стиха заключается во внутренней, а не во внешней структуре, в удлинении гласных и отчеканивании согласных, и это должно вызвать смысл стиха.

Для пояснения привожу строфу из моих последних стихов:

...Страстная, как юная тигрица,
Нежная, как лебедь сонных вод,
В темной спальне ждет императрица,
Ждет дрожа того, // кто не придет.[6]

Здесь в первой строке долгие гласные должны производить [sic] должны произноситься гортанно и вызывать впечатление силы, а во второй строке два "е" и два "о", произнесенные в нос, должны показать томление, являются нижним тоном и относятся к первой строке так же, как сине-голубые пятна на картинах фра Анджелико Фьезоле относятся к горячим красным. В третьей и четвертой строке ударенье на третьем слоге от начала, чтобы сделать логичной паузу и ослабленье тона:

"...того — кто не придет".

Но ради Бога не подумайте, Валерий Яковлевич, что я спорю с Вами или даже защищаюсь. Это не более как сомнения, и может быть тоже нашептанные моей леностью. Скажите мне только, что это не так, и я все силы положу, чтобы овладеть незнакомыми мне размерами. В Ваши руки отдал я развитье моего таланта еще до первого Вашего письма, и мне порукой служит то, что Вы сделали для русской поэзии. Затем,

мне было крайне интересно узнать, что думаете Вы о содержании моих стихов: их образах, построениях и идеях.

Меня страшно интересует вопрос, какие образы показались Вам, по Вашему выражению, "действительно удачными",[7] и, кроме того, это дало бы мне известный критерий для писанья последующих стихов. Не забывайте того, что я никогда в жизни не видал даже ни одного поэта новой школы или хоть сколько-нибудь причастного к ней. И никогда я не слышал о моих стихах мненье человека, которого я бы мог найти компетентным. Приехав в Париж, я послал Бальмонту письмо, как его верный читатель, а отчасти в прошедшем и ученик, прося позволенья увидеться с ним, но ответа не получил.[8]

Вы были так добры, что сами предложили свести меня с Вашими парижскими знакомыми. Это будет для меня необыкновенным счастьем,[9] так как я оказался несчастлив в моих здешних знакомствах. У меня есть рекомендательное письмо к г-же Гиппиус (Мережковской), но я не знаю ее адреса.[10] Кроме того, я был бы в восторге увидеть Вячеслава Иванова и Макса Волошина,[11] с которыми Вы наверно знакомы. Но только не Бальмонта! Знаменитый поэт, который даже не считает нужным ответить начинающему поэту, сильно упал в моем мнении как человек. Вы просите у меня каких-нибудь статей. У меня есть планы трех, но увы не по искусству, и поэтому я боюсь, что они не подойдут для "Весов". Вот они: "Костюм Будущего", где я на основании изучения эволюции костюма в прошлом пытаюсь угадать, каков он будет в будущем. "Защита Чести" — эстетическое обоснование поединков всякого рода. И "Культура Любви" — эстетические заметки о различных родах половой любви.

Если что-нибудь из этого заинтересует Вас, напишите, я пришлю.[12] Скоро я должен познакомиться

с Леоном Дьерксом и надеюсь описать нашу встречу.[13] Пожалуйста, поблагодарите от меня г-на Ликиардопуло[14] за его любезное письмо. Я не написал ему, чтобы не отнимать его времени. Простите за неприличную внешность письма, но я страшный пачкун и иначе не могу.

Преданный Вам

Н. Гумилев.

P. S. Гонорар не получен.

[Приложение:
"Каракалла" (3 стихотворения): "Посвящение" ("Призрак какой-то неведомой силы..."); [15] "Император" ("Император с профилем орлиным..."); [16] "Крокодил" ("Мореплаватель Павзаний..."); [17] "Загадка" ("Музы, рыдать перестаньте..."). [18]]

5

11 ноября [1906 г., Париж]

Многоуважаемый Валерий Яковлевич,

Пишу Вам, не дождавшись Вашего ответного письма, потому что чувствую, что мое первое письмо было очень неполно. Прежде всего спешу ответить на Ваш вопрос о влиянии Парижа на мой внутренний мир. Я только после Вашего письма задумался об этом и пришел вот к каким выводам: он дал мне сознание глубины и серьезности самых мелких вещей, самых коротких настроений.[1] Когда я уезжал из России, я думал заняться оккультизмом. Теперь я вижу, что оригинально задуманный галстук или удачно написанное стихотворение может дать душе

тот же трепет, как и вызыванье мертвецов, о котором так некрасноречиво трактует Элифас Леви.[2]

Не сердитесь за сравнение галстука со стихами; это показывает только, как высоко ставлю я галстуки.

О выставке Дягилева[3] я не напишу ничего: она слишком велика по замыслу. Русское искусство представлено с самого своего начала, с тех пор, когда оно, может быть, даже и не существовало: я говорю о некоторых иконах. Я не могу написать о ней в стиле Сологуба: я не мистик. Я не могу написать в стиле Макса Волошина: я не художник. Написать же в моем собственном стиле я мог бы только о двух-трех картинах Врубеля, о Бенуа и о Феофилактове.

А подобная статья не заслуживала бы даже названия "впечатлений от выставки Дягилева". Простите меня за этот отказ, но мне казалось лучше отказаться, чем брать работу, не соответствующую моим силам. Что же касается беседы с французскими поэтами, то это совсем другое дело.

Как раз теперь я замечаю в них интересное движенье, переход от прошлогоднего классицизма к классицизму романтическому. И как только я больше разберусь в этом движении, я непременно напишу об этом статью.[4]

Точно также я принял во внимание Ваше предложение относительно статей по вопросам искусства. У меня уже кое-что намечено. Кроме того, у меня почти готова драма, или, скорее, драматические картины, вещь небольшая и, как мне кажется, интересно задуманная.[5] Если она имеет какие-нибудь шансы пройти в "Весы", то напишите мне пожалуйста об этом. Я ее отделаю и пришлю. С нетерпением жду исполненья Вашего обещанья относительно знакомств. А то бывают дни, когда я не говорю ни слова, кроме как с прислугой. В заключенье посылаю Вам мои последние стихотворения, не столько для

печати, сколько для того, чтобы узнать Ваше мненье, развивается ли мой талант или нет.

Мне было грустно, думы обступили...[6]

Он воздвигнул свой храм на горе...[7]

Н. Гумилев.

P. S. Если гонорар еще не послан, то не может ли редакция послать его по моему адресу в Париже?

Преданный Вам

Н. Гумилев.

6

25 ноября [1906 г., Париж]

Многоуважаемый Валерий Яковлевич!

Недавно получил Ваше второе письмо[1] и спешу ответить на него. Прежде всего, не знаю, как выразить Вам благодарность за обещанный Вами трактат. Правду сказать, я ожидал только удовлетворительного или отрицательного ответа, и Ваше обещание привело меня в восторг.

Одно только меня огорчает, и сильно, это то, что я вижу мою бесполезность для "Весов". Я написал мою "Культуру Любви", но когда я вспомнил статьи, раньше напечатанные в "Весах", Ваши, Бальмонта, Андрея Белого и Вяч. Иванова, столь выразительные по языку и богатые по мысли, то я решил не посылать ее на верный отказ. Только за последние полгода, когда я серьезно занялся писаньем и изученьем прозы, я увидел, какое это трудное искусство. И мои теперешние опыты в этом направлении не заслуживают быть даже

прочитанными Вами. Я виделся и говорил с Леоном Дьерксом. Но прежде чем говорить со мной, он взял с меня честное слово, что я не предам его мненья гласности. Одна моя надежда на драму "Шут короля Батиньоля". У меня даже честолюбивые мечты поставить ее в театре Вашкевича, если таковой еще существует. Но мне хотелось бы, прежде чем хлопотать о постановке, узнать Ваше мненье о ней. Поэтому простите меня за возможную скуку, которую Вы испытаете при ее чтении, так как я собираюсь Вам прислать очень скоро. Со стихами тоже плохо. Я пишу довольно много, но так как я меняю приемы творчества, что Вы наверно уже заметили, то, конечно, среди них масса хламу. Я прислал уже Вам шесть, и посылаю седьмое. Как только напишу еще, пришлю немедленно, так как Вы, конечно, понимаете мое желанье как можно скорее войти в число Рыцарей "Весов", по выражению одного из Ваших сотрудников. Теперь до свиданья.

Искренне преданный Вам

Н. Гумилев.

[Приложение:
"Сегодня у берега нашего бросил..."] [2]

7

7 декабря [1906 г., Париж]

Многоуважаемый Валерий Яковлевич!

Простите, что я Вас положительно забрасываю своими письмами, но Вы просили всех моих стихов,[1] а я не виноват, что на днях написал еще два.[2] Но что еще невежливее с моей стороны — это мои бесконечные просьбы. Увы, я не могу от этого отделаться, потому

что Вы единственный человек в России, интересующийся моими стихами. Так и теперь, я хотел бы Вас просить направить в "Золотое Руно" все стихи, одобренные Вами, но не могущие почему-либо быть напечатанными в "Весах". Мне было бы очень приятно сотрудничать и там.[3] Прощайте, не сердитесь и напишите хоть открытку. А то я объясняю Ваше долгое молчанье тем, что Вам не понравилось что-нибудь в моих письмах. Заранее извиняюсь за все.

Искренне преданный Вам

Н. Гумилев.

[Приложение:
"Неоромантическая сказка"]

8

[Париж, между 2 и 9 октября 1907 г.]

Дорогой Валерий Яковлевич!

Вчера получил Ваше письмо и уже написал Р. Гилю.[1] Сегодня получу ответ, если выбранный мною день для визита ему не понравится. Я вам очень благодарен, что Вы мне сообщили о бойкоте "Столичного Утра".[2] Хотя я совершенно не знаю обстоятельств дела, я заранее присоединяюсь к Вашему мнению и так же не желал бы быть напечатанным в "Ст. Утре". Таким образом, выходит, что я бойкотировал уже два издания, "Утро" и "Руно".[3] Недурно для начинающего писателя. Но правдива была старая истина, гласившая, что "поднявший меч от меча погибнет". Я тоже бойкотирован "Русью", которая, напечатав мои стихи, упорно не хочет ответить мне на мои письма.[4] Забудьте мою просьбу присылать мне

книги в счет будущего гонорара.[5] Во-первых, может выйти путаница, а во-вторых, я буду получать новые книги через моих петербургских знакомых. "Весы" я получаю все время и еще на днях прочитал их 8-ой номер. Я не хотел Вам говорить что-нибудь об "Огненном Ангеле", но теперь не могу удержаться, чтобы не написать Вам хоть незначительную часть того, что я о нем думаю: прежде всего, мне трудно припомнить что-нибудь равное ему по продуманности и гармоничной четкости и краткости линий, разве только роденовскую "Данаиду" из Люксембургского музея. Во-вторых, — признак вещи, создающей эру, — она кажется каждому его собственной биографией (действительной, или возможной, все равно), и я уже встречал людей, говоривших: "Я, как Рупрехт..." Я мог бы написать и "в-третьих" и "в-четвертых", но, верный моему обещанию, кончаю.

Теперь относительно поэтов: насколько мне понравились мои соседи В. Гофман и Садовский, особенно последний, настолько меня неприятно удивили Соловьев и Тарасов. О Сологубе, конечно, не мне писать.[6] Соловьев крайне неотчетлив, его мысли и образы напоминают шепелявящих детей, и прочтя все шесть страниц его стихов с трудом соображаешь, что он говорил о какой-то девушке, но *что*, как и зачем, это ускользает даже от внимательного читателя. Где же новизна рифм, обдуманность сравнений и умелая расстановка слов, о которых я читал в Вашей рецензии?[7] Неужели "звенящая тишина" и "родимый лес" — грустно![8] А я уже любил Соловьева за его переводы из Шиллера.

Тарасов слишком откровенно воспользовался Вашими "Грядущими Гуннами", так что о нем и говорить не приходится. Я ничего не имею против заимствований (по выражению твеновского Финна-отца), но наивно, позаимствовав картину, обмазывать ее дегтем, чтобы не узнали. Простите меня за резкость, но как

нарочно стихотворение "Грядущие Гунны" одно из моих любимых и "...Мне не смешно, когда фигляр презренный / Пародией бесчестит Алигьери..."[9] После таких строгих замечаний мне стыдно посылать Вам мое новое стихотворение, которое несомненно, как и все, что я пишу, хуже соловьевских, но, по старой привычке отнимать у Вас нужное Вам время, я все-таки делаю это.

Искренне преданный Вам

Н. Гумилев.

[Приложение:
"На горах розовеют снега..."][10]

9

[Париж, середина — конец октября 1907 г. (?)]

Дорогой Валерий Яковлевич!

Сейчас, перечитывая Ваше последнее письмо, я увидел, что Вы хотели бы иметь новые списки моих стихов для редакции. Сперва я прочитал слово "списки" как слово "стихи". Сейчас я посылаю Вам три новых и два уже известных Вам и буду очень Вам благодарен, если Вы, по Вашему любезному предложению, выберете что-нибудь для упомянутых Вами газет.

Я слышал, что в Петербурге начинается новый журнал "Луч"[1] при участии Блока и Сологуба. Если это что-нибудь интересное, то пожалуйста, когда будете писать мне, напишите его адрес, я бы может быть подписался. Я пишу очень много, но начинаю бояться, что я приближаюсь к парнассизму, от которого Вы меня предостерегали в Москве.[2] Но во

всяком случае это не плод теорий, а может быть просто временное умственное затмение. Я им пользуюсь, чтобы работать над формой.

Искренне преданный Вам

Н. Гумилев.

[Приложение:

"В красном фраке с галунами";[3] "От кормы, изукрашенной красным"; "Приближается к Каиру судно"; "Над тростником медлительного Нила"; "Улыбнулась и вздохнула".]

10

30 ноября [1907 г., Париж]

Дорогой Валерий Яковлевич!

Простите, что я так долго не писал Вам,[1] я сам чувствую, что плохо плачу Вам за Ваше хорошее отношение ко мне. Но за последнее время я имел массу хлопот, был в России (между прочим, проездом в Киеве[2] сделался сотрудником "В Мире Искусств"),[3] и по приезде в Париж принялся упорно работать над прозой. Право, для меня она то же, что для Канта метафизика. Но теперь наконец я написал три новеллы и посвященье к ним, все неразрывно связанное между собою.[4] Наверное, завтра я пошлю их Вам заказным письмом. Нечего и говорить, что я был бы в восторге, если бы Вы согласились печатать их в "Весах", но, по правде сказать, я едва надеюсь на такую честь. Поэтому не бойтесь обескуражить меня отказом, я к нему уже подготовлен и приму его за должное, но если возможно, ответьте поскорее, берете ли Вы эти новеллы или нет. Тогда я предложу их в

другое место, а по романтическим причинам мне хочется видеть их напечатанными возможно скорее. Но, конечно, если их возьмут "Весы", я готов ждать хоть год. Они имеют вид миниатюр и в печати возьмут все вместе не более шести-семи страниц.

Но если эти новеллы покажутся Вам вообще плохими, или подражательными, то может быть Вы с Вашей обычной добротой не откажетесь откровенно сказать мне это, и я предам их забвению, как некогда "Шута Короля Батиньоля".[5] Я знаю, что мне надо еще очень много учиться, но я боюсь, что не сумею сам найти границу, где кончаются опыты и начинается творчество. И теперь моя высшая литературная гордость — это быть Вашим послушным учеником, как в стихах, так и в прозе.

Я продолжаю писать и стихи, но боюсь, что мои последние вещи не показывают никакого прогресса. Впрочем, я возлагаю большие надежды на Рождество, когда у Вас может быть найдется время и желанье написать мне письмо вроде одного из прошлогодних, где на примере моих же стихов укажете мне, на какие приемы письма я должен обратить особенное вниманье и какие недостатки уничтожить. Сейчас посылаю Вам два самых последних стихотворения; из них первое я послал в "Ниву" и жду ответа, второе свободно и я не имею на него пока никаких планов.

Искренне преданный Вам

Н. Гумилев.

[Приложение:
"Сады моей души всегда узорны..."; [6] "Любовникам" ("Печаль их душ родилась возле моря...") [7]]

P. S. Не откажите упомянуть в письме, были мои вещи в "Золотом Руне" и какие?[8] Также в моск[овских] газ[етах] благодаря Вам?

Н. Г.

11

[Париж, до 16 декабря 1907 г.]

Дорогой Валерий Яковлевич!

Еще несколько необходимых слов по поводу моих новелл. Мне кажется, что их надо печатать все разом, потому что они дополняют одна другую. Но, конечно, сделайте, как решите сами. Если у Вас не будет времени прочесть их самому, может быть Вы их передадите лицу, заведующему вообще чтением всех рукописей, присылаемых в "Весы". Все поправки и измененья я заранее принимаю с благодарностью. У меня есть три стихотворения, род серии, на африканские мотивы. Два из них, "Жирафа" и "Носорога", Вы знаете.[1] Не посоветуете ли Вы мне какой-нибудь альманах, куда я мог бы послать их все вместе? Если да, то сообщите пожалуйста и его адрес. А то в Париже я совсем отстал от русской жизни.

Кстати, "Носорог" будет называться:

Встреча Смерти

Барабанный бой племени Бурну.[2]

Чтобы заполнить место, посылаю Вам и третье в таком же роде. Прочитайте как-нибудь в совсем свободное время, потому что оно довольно длинное. Мне так совестно, что я отнимаю у Вас столько времени стихами и письмами.

Искренне преданный Вам

Н. Гумилев.

[Приложение:
"На таинственном озере Чад..."][3]

12

[Париж, до 16 декабря 1907 г.]

Дорогой Валерий Яковлевич!

Перебирая старые бумаги, в одном из Ваших прошлогодних писем я нашел следующие фразы: "говорю Вам, что мне очень бы хотелось, чтобы Вы стали нашим постоянным вкладчиком: присылайте... стихи, рассказы, статьи, заметки о книгах".[1] Кроме того, я помню, что в прошлом году Вы просили меня написать впечатленье от выставки Дягилева.[2] Но, подобно строптивому сыну Евангелья, я долго, почти год, молчаливо отказывался, до такой степени я ненавидел мои *многочисленные* попытки писать прозой. И вот только недавно, не более месяца [назад] , я попробовал писать рассказ (3-ью новеллу о Кав.)[3] и не покраснел и не почувствовал прежней жгучей ненависти к себе. С того дня я начал писать много и часто, и думаю, что мог бы продолжать, если бы меня не мучила мысль, что мое "довольство" собой происходит только от притупленья моего художественного чутья.

Дней пять тому назад я послал Вам новеллы, сегодня посылаю впечатленья новой русской выставки.[4] Теперь я мог бы исполнить Вашу просьбу и в неограниченном количестве присылать Вам и статьи, и рассказы, и пр. Но насколько моя проза годится для "Весов", я думаю, Вы можете судить по двум образцам. Может быть они Вас не удовлетворят по каким-нибудь легко устранимым причинам и в принципе будет решено, что моя проза имеет шанс пройти в "Весы". Если же она Вас не удовлетворит совсем, то ради Вашей веры в мое будущее (Вы мне писали об ней), прошу Вас, сообщите мне это совершенно откровенно. Я буду, как прежде, писать только стихи.

Еще раз прошу Вас, если Вы заняты, не читайте сами моей статьи и не отвечайте мне, а передайте ее редактору, как и все присылаемые рукописи, и может быть г-н Ликиардопуло возьмет на себя труд ответить мне о ее судьбе.

Простите меня за такую канонаду писем, но ведь она совсем не обязывает Вас отвечать на нее. Я верю в Ваше расположение ко мне и знаю, что, когда будет можно, Вы напишете.

Искренне преданный Вам

Н. Гумилев.

13

[Италия, около 20 мая 1912 г.]

Дорогой Валерий Яковлевич,

Я проехал почти всю Италию, написал с десяток стихотворений.[1] Посылаю Вам несколько. Может быть Вы захотите что-нибудь напечатать в "Русской Мысли".[2] Сколько раз я начинал Вам писать. Хотел рассказать Вам о моем союзе с Городецким, о Цехе Поэтов и его отношении к Вячеславу Ивановичу, о будущей реформе "Аполлона". Хотел ... но это был бы целый трактат, а я совсем не могу писать прозой, по крайней мере последнее время. Мысли несутся вперед, путаются, перо не хочет их записывать. Надеюсь, это продлится недолго.

Относительно моих стихов, может быть Вы напишете мне в "Аполлон", я буду там недели через полторы.

Искренне Ваш

Н. Гумилев.

14

[начало 1920 г. (?)]

Дорогой Валерий Яковлевич,

Я крайне рад случаю опять (как встарь) написать Вам и очень сожалею, что письмо выйдет такое короткое и пустое. Но, впрочем, Вы теперь так заняты, что у Вас наверное не хватило бы ни времени, ни охоты читать иное. Помня Вашу всегдашнюю доброту ко мне, я осмеливаюсь рекомендовать Вам двух моих приятелей, Николая Авдеевича Оцупа[1] и Михаила Леонидовича Слонимского,[2] молодых писателей, которые принадлежат к петербургской группе, затеявшей новое идейное издательство на основе миролюбивого и развивающегося акмеизма.[3] Вы ведь, как мой литературный восприемник, являетесь дедом этого теченья. Насколько мог, я следил за Вашими работами, радовался многим стихам из "Опытов", штудировал "Науку о Стихе".[4]

Искренне преданный Вам

Н. Гумилев.

Серпуховская 7, кв. 5. Ник. Авд. Оцуп.

Невский 64, изд. Гржебина. Мих. Леонид. Слоним.

ПИСЬМА К В.И. АННЕНСКОМУ-КРИВИЧУ

1

[Париж] 2 октября 1906 г.

Многоуважаемый Валентин Иннокентьевич!

Очень и очень благодарю Вас и Иннокентия Федоровича за знакомство с Деникерами. Я не писал Вам раньше, потому что я познакомился с m-er Nicolas в мое второе посещение, а именно вчера, когда я был приглашен завтракать Любовью Федоровной.[1] Я был встречен очень сердечно, и был представлен Любовью Федоровной во французское семейство, фамильи которого я не запомнил. M-er Nicolas читал свои стихотворения, и мне они очень понравились: при красивой простоте стиля много красивых и интересных сопоставлений и образов и полное отсутствие тех [неразб.] эффектов, от которых так страдает новая русская поэзия. Я непременно переведу его стихи, если найду орган, где бы можно было печататься.[2] "Слово" — тю-тю. Даже гонорара не платят.[3] Вы меня спрашиваете о моих стихах. Но ведь теперь осень, самое горячее время для поэта, а я имею дерзость причислять себя к хвосту таковых. Я пишу довольно много, но совершенно не могу судить, хорошо или плохо. Мое обыкновенье — принимать первое высказанное мне мненье, а здешние русские ничего не говорят, кроме: "Очень, очень звучно", — или даже просто: "Очень хорошо". Но я надеюсь получить от Вас более подробное мненье о моих последних стихах.

Несколько из них я послал на имя Сергея Владимировича.[4] Когда он вернется, он наверно не откажется показать их Вам. Другие посылаю Вам сейчас. Меня очень огорчило известие о смерти Инны Андреевны. Хотя я ее знал мало, но несколько встреч было достаточно, чтобы почувствовать к ней живую симпатию. Передайте пожалуйста Сергею Владимировичу мое сочувствие его горю.

Мне очень жаль, что Вы ничего не написали за лето. Но ведь это естественное последствие Ваших усиленных занятий. Ничто так не ослабляет творческой способности, как постороннее умственное напряжение. Эта теория — оправдание моей прошлой гимназической лени.

Что же касается поэмы, посвященной Наталье Владимировне,[5] то, продолжая Ваше сравнение с железной дорогой, я могу сказать, что все служащие забастовали и требуют увеличенья рабочего дня, глубокого сосредоточенья и замкнутой жизни, а я, как монархист, не могу потакать бунтовщикам, уступая их желаньям.

Впоследствии, когда я перейду в "союз 17 октября", может быть дело двинется быстрее.

Пожалуйста, засвидетельствуйте мое уважение Наталье Владимировне, Дине Валентиновне и Иннокентию Федоровичу.

Крепко жму Вашу руку,

Ваш Н. Гумилев.

Адрес мой остается прежним.

[Приложение:
"Недавно у берега нашего бросил..."
"Музы, рыдать перестаньте..."][6]

2

[начало сентября 1908 г. (?)]

Многоуважаемый Валентин Иннокентьевич!

Я очень и очень жалею, что не могу пользоваться Вашим любезным приглашением, но я уезжаю как раз сегодня вечером. Ехать я думаю в Грецию, сначала в Афины, потом по разным островам. Оттуда в Сицилию, Италию, и через Швейцарию в Царское Село. Вернусь приблизительно в декабре.

Очень жаль, что мы так и не увиделись до моего отъезда. Как Ваша будущая книга стихов? Грустно будет, если Вы забросите ее из-за таких несерьезных дел, как комиссии. Когда мой адрес хоть немного установится, я напишу Вам, и надеюсь, что Вы тоже не откажетесь мне ответить.

Целую ручки Наталье Владимировне.

Искренне уважающий Вас

Н. Гумилев.

3

[п.шт.: *Cairo* 26.10.08, P.M. (н.ст.)
Царское Село, 25 октября 1908 г.]

Многоуважаемый Валентин Иннокентьевич!

Мой привет Вам и Наталье Владимировне из Египта. Вернусь на днях.

Ваш Н. Гумилев.

4

[1909 (?)][1]

Дорогой Валентин Иннокентьевич,

Если свободны, приходите сегодня часов в восемь. Зноско[2] будет читать у меня свою драму. Будут интересные люди. Это последний раз перед Абиссинией у меня собираются.

Простите за обрывок. Очень тороплюсь.

Жму Вашу руку,

Ваш Н. Гумилев.

5

[весна 1910 г. (?)][1]

Дорогой Валентин Иннокентьевич,

Узнав, что Вы не выходите по воскресеньям, я нарочно собрал у себя моих друзей в субботу, чтобы иметь удовольствие видеть и Вас. Итак, жду Вас сегодня вечером, конечно пораньше. Ауслендер[2] читает новый рассказ.

Это последний раз в этом сезоне собираются у меня.

Целую ручки Наталье Владимировне и жму Вашу.

Искренне Ваш

Н. Гумилев.

6

[февраль-март 1916 г.]

Дорогой Валентин Иннокентьевич,

Письмо это Вам передаст мой большой приятель Константин Юлианович Ляндау. Он издает альманах[1] и очень хочет получить для него стихи Иннокентия Федоровича.[2] Пожалуйста, не откажите ему в них, альманах обещает быть очень приятным. Ваше согласье я сочту за личное одолжение.

Искренне Ваш

Н. Гумилев.

ПИСЬМА К В.Е. АРЕНС

1

1 июля 08

Многоуважаемая Вера Евгеньевна,

Я давно и с нетерпением ждал от Вас обещанного письма и получив его был безумно доволен. Одно только меня смущает: Вы не пишете, позволяете ли Вы мне писать Вам сколько и когда мне захочется, или же просто Ваше письмо было милым напреком. Во всяком случае, до полученья от Вас настоящего разрешенья, я не буду надоедать Вам своими письмами, но, конечно, с восторгом исполню Ваше желанье и буду присылать Вам мои рассказы. В этом письме посылаю Вам первый, довольно неудачный и не характерный для моего творчества. Лучшие появятся в "Весах" и в "Русской Мысли". Мне очень интересно, какое стихотворение Вы предположили написанным для Вас. Это — "Сады моей души". Вы были правы, думая, что я не соглашусь с Вашим взглядом на Уайльда. Что есть прекрасная жизнь, как не реализация вымыслов, созданных искусством? Разве не хорошо сотворить свою жизнь, как художник творит картину, как поэт создает поэму? Правда, материал очень неподатлив, но разве не из твердого мрамора высекают самые дивные статуи? А у Вас творческий ум, художественный глаз и может быть окажется твердость руки, хотя Вы упорно ее в себе отрицаете. Вот одна сотая из того, что можно выразить Вам на Ваши слова. А обман

жизни заключается в ее обыденности, в ее бескрасочности. Жду от Вас разрешенья писать и прошу свидетельствовать мое почтенье Зое Евгеньевне.

Искренне преданный Вам

Н. Гумилев.

2

[Константинополь] 8 окт. 1908 г.

Многоуважаемая Вера Евгеньевна,

Приветствую Вас из Константинополя. Я долго ждал Вас, или Ваше письмо, но так и не дождался. Скоро буду Вам писать. Очень прошу Вас засвидетельствовать мое почтенье всем Вашим. Мой адрес (пока) Греция, Патрас, Главный почтамт, до востр.

Преданный Вам

Н. Г.

3

[п. шт.: (Египет) 15—19 октября 1908 г.]

Многоуважаемая Вера Евгеньевна,

Приветствую Вас и Зою Евгеньевну из Египта. Скоро думаю возвратиться. Может быть буду в Палестине. Я думал писать Вам большое письмо, но это невозможно. Я все время в разъездах. Кланяюсь Вашим и Владимиру Андреевичу.

Преданный Вам

Н. Гумилев.

ПИСЬМА К И.Ф. АННЕНСКОМУ

1

[начало 1909 г.]

Многоуважаемый Иннокентий Федорович!

Я уже много раз просил Валентина Иннокентьевича передать Вам мою искреннюю благодарность за Вашу чудную статью о моей книге, но теперь уступаю желанью поблагодарить Вас самому.[1]

Я не буду говорить о той снисходительности и внимательности, с какой Вы отнеслись к моим стихам, я хочу особенно поблагодарить Вас за лестный отзыв об "Озере Чад", моем любимом стихотворении. Из всех людей, которых я знаю, только Вы увидели в нем самую суть, ту иронию, которая составляет сущность романтизма и в значительной степени обусловила название всей книги. С главной мыслью Вашей статьи — с влиянием Парижа — я еще не могу вполне согласиться, но во всяком [случае] она дает мне возможность взглянуть на себя под совершенно новым углом зрения. Надо ли говорить, как это ценно.

Еще раз бесконечно благодарю Вас за те усилия, которые Вы сделали, чтобы помочь мне осознать мое творчество и подвинуть меня так намного "по тернистому пути славы".

Искренне преданный Вам

Н. Гумилев.

2

[1909]

Многоуважаемый Иннокентий Федорович,

Не согласитесь ли Вы посетить сегодня импровизированный литературный вечер, который устраивается у меня. Будет много писателей, и все они очень хотят познакомиться с Вами. И Вы сами можете догадаться об удовольствии, которое Вы доставите мне Вашим посещением. Все соберутся очень рано, потому что в 12 ч. надо ехать на вокзал всем петербуржцам.

Искренне преданный Вам

Н. Гумилев.

Бульварная, д. Георгиевского.

3

[конец августа 1909 г.]

Многоуважаемый Иннокентий Федорович,

Вы будете очень добры, если согласитесь придти к нам в это воскресенье часам к пяти дня. Я жду Маковского, Кузмина etc. Обещал быть и Вячеслав Иванович. Я говорил уже с Валентином Иннокентьевичем и он любезно согласился придти. Будут стихи, но не в таком неумеренном количестве, как прошлые разы. Я имею новую вещь для прочтенья.[1]

Искренне преданный Вам

Н. Гумилев.

ПИСЬМО К М.А. ВОЛОШИНУ

[май 1909 г.]

Дорогой Максимилиан Александрович!

Вы меня очень обрадовали и письмом, и сонетом, и визитом. На последний я Вам отвечаю в этом письме через два часа после его получения.[1]

Я написал еще сонет — посвященье Вячеславу Ивановичу, и он пишет мне ответ.

Если хотите поспорить с более достойным Вас противником, я прилагаю Вам мои рифмы — книга - полудней - рига - будней - расстрига - трудный - верига - судный - слоновью - пророку - сердца - единоверца - року - кровью.[2] Как видите, рифмы не вполне точны. Это Ваш развращающий пример.

В Коктебель я думаю выехать числа 27-го, вряд ли раньше, может быть позже.[3]

В Петербурге новостей нет, разве то, что Кузмин поссорился с Поздняковым,[4] Потемкин пропал без вести,[5] вышел "Остров".[6]

Не откажите засвидетельствовать мое почтение Елене Тобальдовне.[7]

Искренне Ваш

Н. Гумилев.

Содержание моего ответа обусловлено тем, что "иней" мало вяжется с Эриниями, Ассурами и пр.

Н. Г.

[Приложение:
"Нежданно пал на наши рощи иней"]

ПИСЬМА К В.И. ИВАНОВУ

1

[п.шт.: Одесса, 1 декабря 1909 г.]

Многоуважаемый Вячеслав Иванович,

Карантина в Синопе, кажется, нет. 3-го (в среду) я выезжаю в К-поль, там в пятницу. В субботу румынский пароход, и 9-го (во вторник) я уже в Каире. Незачем ехать в Триест. Так дешевле и быстрее.

В Каире буду ждать телеграммы в русское консульство. Письмо очень запоздает. 12-го, если не будет телеграммы, еду дальше. Я чувствую себя прекрасно, очень хотел бы Вашего общества. Мой поклон всем.

P. S. Море очень хорошо.

Преданный Вам
Н. Гумилев.

2

[п.шт.: Côte Française des Somalies.
Djibouti, 5 Janv. 1910]

Многоуважаемый и дорогой Вячеслав Иванович,

До последней минуты я надеялся получить Вашу телеграмму или хоть письмо, но, увы, нет ни того, ни

другого. Я прекрасно доехал до Джибути и завтра еду дальше. Постараюсь попасть в Аддис-Абебу, устраивая по дороге эскапады. Здесь уже настоящая Африка. Жара, голые негры, ручные обезьяны. Я совсем утешен и чувствую себя прекрасно.[1] Приветствую отсюда Академию Стиха.[2] Сейчас пойду купаться, благо акулы здесь редки.

Марье Михайловне[3] эта открытка должна быть знакома. Мы видели такую же у докторши. Передайте пожалуйста Вере Константиновне,[4] что я все время помню о теософии, и Михаилу Алексеевичу,[5] что я тщетно ищу для него галстух: здесь их не носят. Мой поклон всем на башне.[6]

Искренне преданный Вам

Н. Гумилев.

3

[п.шт.: Shellal Halfa T.P.O., 5.11.1910]

Многоуважаемый и дорогой Вячеслав Иванович,

Опять попав в места, о которых мы столько говорили в прошлом году, я не смог удержаться от искушенья напомнить Вам о своем существовании этой открыткой. Как-то Вам понравилась моя поэма. 4 песнь целиком написана в Средиземном море.[1] Мой поклон Башне.

Искренне преданный Вам

Н. Гумилев.

4

[СПб., 20-е числа марта 1911 г.][1]

Редакция "Аполлона" имеет честь просить Вас пожаловать во вторник 5 апреля в 9 ч.в. на сообщение Н.С. Гумилева о своем путешествии в Абиссинию[2] в помещении Редакции — Мойка, 24, кв. 6.

5

3 [июня] 1911 г.[1]

Многоуважаемый и дорогой Вячеслав Иванович,

Теперь, наверно, уже вышел второй том "Cor Ardens'a",[2] и я очень верю, что у Вас есть несколько свободных стихотворений, которые Вы могли бы дать для августовской книжки "Аполлона", как однажды обещали мне.[3] Если да, я буду Вам очень благодарен, если пошлете их прямо Зноско-Боровскому,[4] чтобы он сдал их в печать, потому что номер уже набирается.

Кроме того, у меня к Вам есть еще большая просьба; я написал здесь несколько стихотворений в новом для меня духе и совершенно не знаю, хороши они или плохи. Прочтите их, и если решите, что они паденье или нежелательный уклон моей поэзии, сообщите мне или Зноско-Боровскому, который мне напишет, и я дам в "Аполлон" другие стихи. Если понравятся, пошлите в "Аполлон" их вместе с Вашими.[5] Этим Вы докажете, что Вы относитесь ко мне достаточно хорошо, чтобы быть строгим, и

еще не отреклись от всегда сомневающегося, но всегда преданного Вам ученика.

Н. Гумилев.

Поклон всем на Башне. Аня наверно скоро вернется. В Царском мы будем в начале августа.

Мой адрес: Станция Подобино, etc.

[Приложение:
Четыре стихотворения. "Неизвестность"; "В саду"; "Лиловый цветок"; "Сон. Утренняя болтовня"][6]

6

[п.шт.: Петербург, 30 января 1912 г.]

Цех Поэтов

1 февр.

8 веч.

У Н. Гумилева.

Царское Село. Малая 63

Поезд из СПб. — 7,15.[1]

ПИСЬМО К Б.Н. БУГАЕВУ

[после 3-го июня 1911 г.]

Дорогой Борис Николаевич,

Очень Вас благодарю за письмо и за стихи. Не получая от Вас довольно долго ответа, я уже попросил стихов для августа у Вячеслава Ивановича;[1] если он даст, то Ваши пойдут в сентябре (разница в один месяц); если же нет, они пойдут в августе, как мы и думали.[2] "Мусагет" я еще не получал.[3]

В августе мне снова придется обратиться к Вам за стихами для альманаха "Аполлона", который предполагается издать осенью. Хотелось бы иметь стихотворений шесть или семь.[4] Но я еще напишу об этом.

Искренне уважающий Вас

Н. Гумилев.

ПИСЬМО К Г.И. ЧУЛКОВУ

[п.шт.: Царское Село, 15 сентября 1911 г.]

Дорогой Георгий Иванович,

Разумеется, пишите и присылайте в Аполлон статью о "Cor A[rdens'e]". Мне это будет очень приятно, так как я искренне не верю в свою способность всесторонне осветить такую значительную книгу.[1] Я говорил о Вашем предложении С.К.,[2] и он тоже очень рад, но только просит, чтобы, если эта статья предназначается для хроники, она не превышала бы размера двух столбцов. Это его пожеланье, но не мое.

Благодарю, что вспомнили.

Искренне Ваш
Н. Гумилев.

ПИСЬМО К С.М. ГОРОДЕЦКОМУ

[6 или 7 апреля 1914 г. (?)]

Дорогой Сергей [Митрофанович],

Письмо твое я получил и считаю [его неприличным] тон его совершенно неприемлемым: во-первых, из-за резкой передержки, которую ты допустил, заменив слово "союз" словом "дружба" в моей фразе о том, что наш союз потеряет смысл, если не будет М. Л.[?];[1] во-вторых, из-за оскорбительного в смысле этики выражения "ты с твоими", потому что никаких "моих" у меня не было и быть не может; в-третьих, из-за того, что решать о моем уходе от акмеизма или из Цеха Поэтов могу лишь я сам и твоя инициатива в этом деле [будет] была бы только предательской: в-четвертых, из-за странной мысли, что я давал тебе какие-то "объяснения" по поводу изд. Гиперборей, так как никаких объяснений я не давал да и не [мог] стал бы давать, а просто повторил то, что тебе было известно из разговоров с другими участниками этого издательства [, которому я не сочувствовал с самого начала, не сочувствую и теперь].[2]

Однако [та любовь, которую я питал к тебе] те отношения, которые были у нас за эти три года, вынуждают меня попытаться объясниться с тобой. Я убежден, что твое письмо не могло быть вызванным

нашей вчерашней вполне мирной болтовней. Если же у тебя были иные основания, то насколько было бы лучше просто изложить их. Я всегда был с тобой откровенен и, поверь, не [стал бы] стану цепляться за [нашу дружбу] наш союз, если [бы увидел, что ей] ему суждено кончиться. Я и теперь думаю, что нам следует увидаться и поговорить без [излишней] ненужной мягкости, но и без излишнего надрыва.

К тому же, после нашего союза осталось слишком большое наследство, чтобы его можно было ликвидировать одним взмахом пера, как это думаешь сделать ты.

Сегодня от 6-7 ч. вечера я буду в ресторане Кинши, завтра до двух часов дня у себя на Тучковом.[3] Если ты не придешь ни туда, ни туда, я буду считать, что ты уклонился от совершенно необходимого объяснения и тем вынуждаешь меня считать твое письмо лишь выражением личной ко мне неприязни, о причинах которой я не могу догадаться.

Писем, я думаю, больше писать не надо, потому что уж очень это не акмеистический способ общения.

Н. Гумилев.

ПИСЬМА К Д.М.ЦЕНЗОРУ

1

[конец 1913 или 1914 г.]

Многоуважаемый Дмитрий Михайлович,

Сейчас только получил Ваше письмо и, несмотря на злейшую аграфию, которая мучит меня уже полгода, пишу Вам и посылаю стихи.

Ане я передам Вашу просьбу, и она наверно пришлет Вам тоже.

Очень интересно будет посмотреть на Ваш "Златоцвет".

Жму Вашу руку

Ваш Н. Гумилев.

[Приложение:
"Мое прекрасное убежище"]

2

[конец 1915 г. (?)]

Многоуважаемый Дмитрий Михайлович,

Городецкий мне передавал, что Вы просили для Вашего журнала моих стихов. Я с удовольствием посылаю Вам одно. Но оно будет в моей новой книге, которая выйдет через три недели, точно. Если успеете, напечатайте. Если нет, пришлю другое, когда напишется. Простите, что посылаю грязную корректуру, право нет времени переписывать. Стихотворенье нигде не напечатано.

Искренне Ваш

Н. Гумилев.

ПИСЬМО К А.Л. ВОЛЫНСКОМУ

[начало 1915 г. (?)]

Многоуважаемый Аким Львович,

Посылаю Вам первое послание для "Биржевых".[1] Скоро дам ряд статей и рецензий книг стихов.[2] Пользуюсь случаем напомнить Вам о Вашем обещании устроить мне аванс на счет моего гонорара. О том, когда и где мне его получить, не откажите черкнуть мне несколько слов.

Искренне уважающий Вас
Н. Гумилев.

P. S. Информационный материал прошу печатать без подписи.

ПИСЬМО К О.Н. АРБЕНИНОЙ

[1919—20 гг. (?)]

Ольга Николаевна,

Опять я целую вечность не могу Вас встретить. Сегодня занятий в Институте не будет[1] — студенческая сходка и я буду переходить на зимнее положение. Если Вам не покажется очень скучно уставлять вещи и книги, придите сегодня часов в семь. У меня была куча несчастий (уже прошла), расскажу при встрече.

Преданный Вам навек
Н. Гумилев.

Н. С. Гумилев, до 1914 г. (из собрания Гордона Мак-Вэя)

Анна Ахматова

А. Ахматова, 1920-е годы.

Заблудившийся трамвай.

Шел я по улице незнакомой,
Когда услышал вороний грай
И звоны лютни и дальние громы
— Передо мною летел трамвай.

Как я вскочил на его подножку
Было загадкою для меня,
В воздухе огненную дорожку
Он оставлял и при свете дня.

Мчался он бурей, темной, крылатой,
Он заблудился в бездне времен,
Остановите, вагоновожатый,
Остановите сейчас вагон!

Поздно! Уж мы обогнули стену,
Мы проскочили сквозь рощу пальм,
Через Неву, через Нил и Сену
Мы прогремели по трем мостам.

И промелькнув у оконной рамы,
~~Где я? Как томно и как тревожно~~
Бросил нам вслед пытливый взгляд
Нищий старик, я знаю, тот самый,
Что умер в Бейруте год назад.

Где я? Как томно и как тревожно
Сердце мое стучит в ответ.
— Видишь вокзал, на котором можно
В Индию Духа купить билет.

Вывеска… кровью налитые буквы
Гласят — Зеленная — знаю, тут
Вместо капусты и вместо брюквы
Мертвые головы продают.

20

Въ красной рубашкѣ, съ лицомъ, какъ вымя,
Голову срѣзалъ палачъ и мнѣ,
Она лежала вмѣстѣ съ другими
Здѣсь въ ящикѣ скользкомъ, на самомъ днѣ.

А въ переулкѣ заборъ дощатый,
Домъ въ три окна и сѣрый газонъ...
Остановите, вагоновожатый,
Остановите сейчасъ вагонъ.

Машенька, ты здѣсь жила и пѣла,
Мнѣ, жениху, коверъ ткала,
Гдѣ же теперь твой голосъ и тѣло,
Можетъ ли быть, что ты умерла?

Знаю, боряся со смертной тоскою,
Ты повторяла одно — вернись!
Я же съ напудренною косою
Шелъ представляться Императрицѣ.

Дальше! Вотъ теперь поймётъ свобода,
Падаетъ въ море горящій свѣтъ,
Люди и тѣни стоятъ у входа
Въ Зоологическій садъ планетъ.

И сразу вѣтеръ знакомый и сладкій,
И за мостомъ летитъ на меня
Всадника длань въ желѣзной перчаткѣ
И два копыта его коня.

Вѣрной твердынею православья
Врѣзанъ Исакій въ вышинѣ,
Тамъ отслужу молебенъ о здравьи
Машеньки и панихиду по мнѣ.

И все ж навѣки сердце угрюмо,
И трудно дышать и больно жить,
Машенька, я никогда не думалъ,
Что можно такъ любить и грустить! Н. Гумил

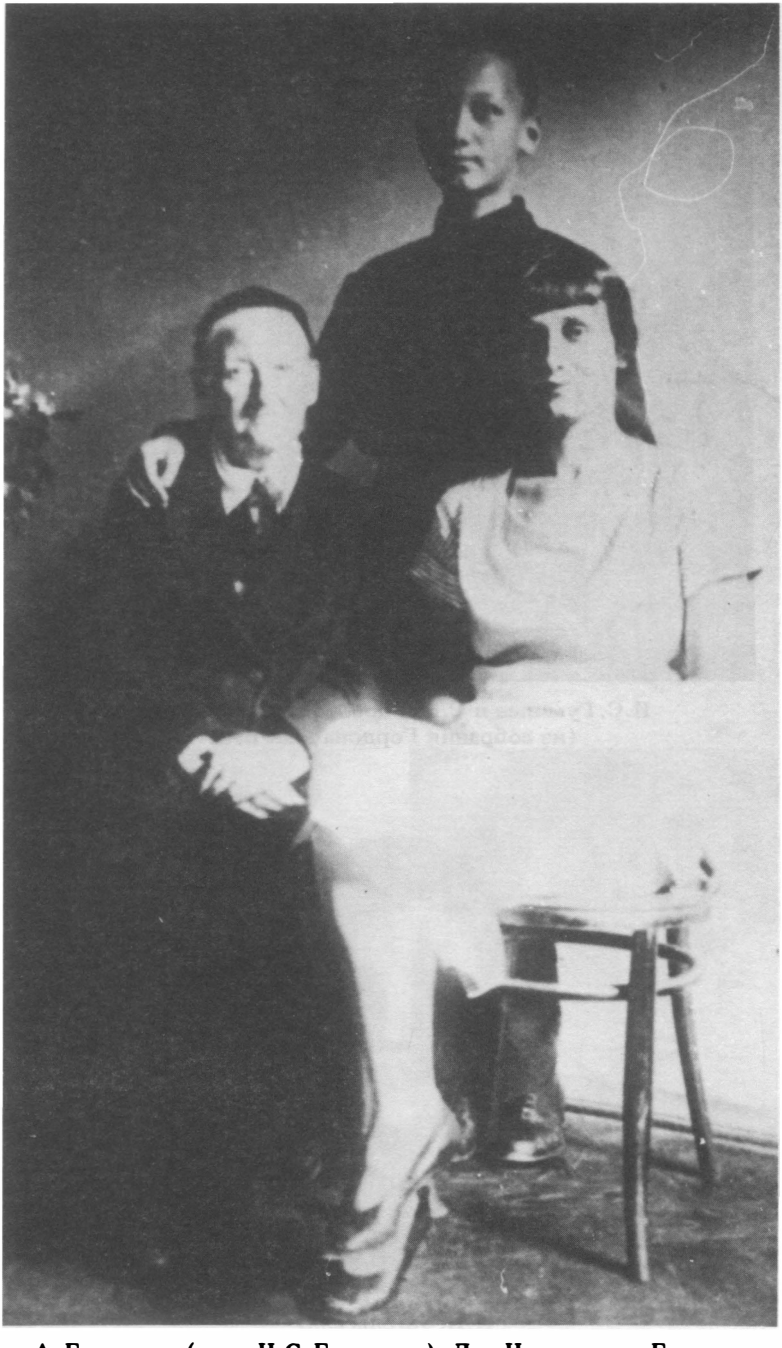
В.Е. Аренс, 1910-е годы.

Р.М. Рейснер, ок. 1916 г.

М.М. Тумповская, 16 лет.

Н.С. Гумилев и С.М. Городецкий, ок. 1915 г.
(из собрания Гордона Мак-Вэя)

А.Н. Энгельгардт



А. Гумилева (мать Н.С. Гумилева), Лев Николаевич Гумилев (сын поэта), А. А. Ахматова, ок. 1926 г.

ПИСЬМА К ГУМИЛЕВУ
ОТ
РАЗНЫХ ЛИЦ

ПИСЬМА В.Я. БРЮСОВА

1

Петербург, 2/15 ноября [1906 г.]

Дорогой Николай Степанович!

Простите мне мое молчание. Я поехал дня на три в Петербург — загостился здесь на две недели. Напишу Вам подробно тотчас, как вернусь в Москву. Пока прошу Вашего обязательного сотрудничества в "Весах". Помните только, что это журнал *литературы* и *искусства*, и небольшой. Вот почему статья о дуэли в "Весах" неуместна. О любви — очень желанна.[1] Не пришлете ли Вы мне *все* Ваши новые стихи, написанные Вами после "Пути". Я бы выбрал несколько пьес для "Весов".[2] Кроме того, хотелось бы ближе знать Вашу поэзию. О рифмах и размерах, в ответ на Ваши соображения, напишу Вам маленький трактат.[3]

Не забывайте меня.

Сердечно Ваш

Валерий Брюсов.

2

[после 12-го мая 1908 г.]

Дорогой Николай Степанович!

Посылаю Вам корректуру Вашей статьи, которую очень прошу просмотреть и вернуть как можно скорее.

Особенно следует проверить транскрипцию собственных имен. Мы кое-что изменили в Ваших словах о Сезанне. М.б., придется вообще сделать к этой заметке "редакционное примечание", но все же она интересует нас.[1]

В *принципе* "Скорпион" принимает на себя издание Ваших "Жемчугов".[2] О сроках и подробностях сообщу отдельно.

Вы не указали Вашего петербургского адреса в последнем письме, и это письмо я посылаю наудачу по Вашему старому адресу.

Ваш

Валерий Брюсов.

P. S. Статья Ваша такого рода, что я советую Вам подписать ее лишь инициалами.

3

28 марта 1910 г.

Дорогой Николай Степанович!

К сожалению, я не могу взять на себя приятный труд написать о Вашей книге[1] в "Аполлоне". Я обещался "Рус[ской] Мысли" давать ей рецензии о всех стоящих внимания сборниках стихов. Писать же об одной книге в двух изданиях я считаю решительно неуместным (хотя Н. Лернер и писал иногда по 18 рецензий об одной и той же).

Благодарю Вас за вести из Абиссинии.[2]

Ваш всегда

Валерий Брюсов.

4

Москва, 18-ое ноября 1911 г.

Дорогой Николай Степанович!

Спасибо за присланные стихи. Но Вашими условиями Вы ставите меня в очень трудное положение.[1] Дело в том, что стихи на январь-февраль у меня уже намечены. Я постараюсь однако уместить в январе Ваше стихотворение "Я верил, я думал...". Не знаю еще, удастся ли мне воспользоваться и "Туркестанскими генералами", которые мне тоже очень нравятся.[2] Сообщу Вам об этом на днях. Что касается альманаха Аполлона, то по-прежнему думаю, что его редакция поступила не окончательно корректно.[3]

Ваш
Валерий Брюсов.

ПИСЬМО Н.П. РЯБУШИНСКОГО

[сентябрь 1907 г.]

М. Г.,

Простите, что не знаю Вашего имени-отчества, но с благодарностью пишу Вам. Ваша поэзия уже знакома мне из "Весов" и вызывает общее внимание. Хотел писать Вам, но Вы предупредили меня любезной присылкой стихотворений.

Надо быть искренним и честным: в Вашем стихотворении [sic] прелестные образы, в нем есть нечто родственное нашим стремлениям. Поэтому я с радостью помещаю Ваше имя в числе сотрудников "Золотого Руна". Стихотворения Ваши будут напечатаны в следующем номере журнала и уже набраны к печати.

На днях буду в Париже, очень интересно было бы повидаться с Вами лично и поговорить о Вашем дальнейшем сотрудничестве. Может быть Вы пришлете нам еще другие беллетристические произведения.

В ожидании Вашего ответа остаюсь Вас искренне уважающий,

Николай Рябушинский.

ПИСЬМО С.К. МАКОВСКОГО

8 октября 1912 г.

Многоуважаемый Николай Степанович,

Мне бы хотелось закрепить Ваши отношения к "Аполлону", которыми — Вы знаете — я очень дорожу, более определенно, чем это было до сих пор.[1] А именно, позвольте предложить Вам заведование всем *литературным отделом* журнала, что могло бы выразиться в объявлениях "Аполлона" следующей формулой: "Литературный отдел — при непосредственном участии Н. Гумилева".[2] Разумеется, и при этой новой постановке дела, за мной остается обязанность и право редактора-издателя, ответственного за *весь материал*, помещаемый в "Аполлоне", но я уверен, что, будучи автономным в Вашей области, Вы найдете и время и желание привлечь к изданию нужных сотрудников и поможете ярко выразить то направление журнала, которое соединяется для меня, так же, как и для Вас, с именем *нашего* "Аполлона".

Очень прошу Вас не замедлить с ответом.[3]

Искренне уважающий Вас и преданный Вам

Сергей Маковский.

ПИСЬМО Г.В. ИВАНОВА

[осень 1912 г. (?)]

Многоуважаемый Николай Степанович,

Прошу Вас, поместите, если найдете возможным, в Аполлон мое письмо.[1] Посредством него я хочу отделить свое имя от ряда новых выступлений футуристов, которые, как мне сообщили, готовятся в ближайшем будущем. Манифест "Ego"[2] рассылается до сих пор, и так как я ничем не подчеркнул своего выхода из "ректориата", многие, вероятно, сочтут меня участником вышеупомянутых скандальных выступлений.

Преданный Вам
Георгий Иванов.

ПИСЬМО ИГОРЯ СЕВЕРЯНИНА

20. XI. 1912

Дорогой Николай Степанович!

Только третьего дня я встал с постели, перенеся в ней инфлюэнцу, осложнившуюся в ветроспу. Недели две я буду безвыходно дома.

Я очень сожалею, что не мог принять Вас, когда Вы, — это так любезно с Вашей стороны, — меня посетили: болезнь из передающихся, и полусознание.

Буду сердечно рад, если Вы соберетесь ко мне на днях. Вообще, мне всегда радостно Вас видеть.

Уважающий Вас
Игорь.

P. S. Мой привет Анне Андреевне.

ПИСЬМО И.М. ШАПИРО

Житомир, 5 января 1914 г.

Дорогой Николай Степанович,

Собрался написать Вам. Я был все время очень занят и книгами, и разговорами, и лишь на прошлой неделе добрался до Вашего дивного "Чужого Неба". Много читал хороших книг, многим приходилось мне восхищаться — литература этой эпохи, которую я специально изучаю, слишком много хорошего заключает в себе и слишком избаловала она мой вкус, — но впечатление, произведенное Вашей книгой, и удовольствие, полученное от нее, не уступают самым сильным переживаниям, вызванным различными произведениями. Очень Вам благодарен. Я только не понимаю, почему это не символизм, а акмеизм. О "Жемчугах" и говорить не приходится. И "Волшебная Скрипка", и "Одиночество", и "Озеро Чад" — вся книга от начала до конца — ветвь одного и того же дерева, на котором росли и Бальмонт, и Брюсов, и Блок, и если Вы теперь все это отрицаете и направляете по другому пути, то я могу Вам только с сожалением сказать Вашими же словами:

Что ты видишь во взоре моем,
В этом бледном мерцающем взоре?
Я в нем вижу глубокое море
С потонувшим большим кораблем.

Цитирую я без книги и извиняюсь за возможные ошибки. Я не знаком с Вашими последними произведениями, но, судя по Вашим "Жемчугам", с которыми я познакомился еще 3 года тому назад, и по Вашему "Чужому Небу", я ничего, что можно было бы назвать "акмеизмом", не вижу. И вот, теперь, меня пригласили в Житомир прочесть conférence на тему "Что такое символизм?", и я, несомненно, с полным правом включу Вас в группу символистов. Повторяю, я с последними Вашими произведениями совершенно не знаком и, может быть, они совершенно другого характера. Возможно также и то, что я не понял сущность акмеизма, и мне очень жаль. — Во-первых, я мог бы расширить свой conférence, указать детальнее эволюцию символизма и подробнее поговорить о Вас, во-вторых, я могу впасть в ошибку, и, кроме того, меня *акмеизм* очень интересует в связи с моей докторской диссертацией.

Поэтому, дорогой Николай Степанович, я Вас очень прошу не отказать мне прислать подробное разъяснение — что такое акмеизм? Если Вы разрешите и если, познакомившись ближе, можно будет назвать акмеизм течением, я помещу Ваше письмо в начале главы, посвященной акмеизму. Ведь, вообще, работа моя содержит очень много анкетного, если можно так выразиться, а я, разговаривая с Вами, все-таки плохо воспринял сущность акмеизма — не в силах я написать что-нибудь об акмеизме.

Не откажите мне также в дружеском совете, с кого начать? Чье произведение было первым в этом направлении? Когда именно появилось оно? И, вообще, укажите мне для этого литературу. Буду Вам за это очень благодарен.

В России пробуду я до 20 января, а затем поеду в Берлин, Брюссель и Лондон. Что с Италией будет, не знаю. Итальянский язык я знаю слабо, а в переводах познакомиться с литературой — неприятно.

Все-таки надеюсь через месяцев 6 изучить основательно итальянский язык и сделать туда маленький voyage.

Всего Вам хорошего, Николай Степанович,
Ис. Шапиро.

P.S. Анне Андреевне жму руку. Сегодня или же завтра напишу ей письмо. Я имел удовольствие прочесть несколько ее стихотворений. Вас же я прошу не медлить с ответом. Адрес мой: Киев, Совская 16, кв. 25. Ис. Михаил. Шапиро.

Отвечайте, пожалуйста, *заказным письмом*.

ПИСЬМА А.К. ЛОЗИНА-ЛОЗИНСКОГО

1

[1914 г. (?)]

Я слышал от брата моего, Вл. Кон., имевшего с Вами разговор (простите, не знаю Вашего имени и отчества), что Вы написали рецензию о моих стихах. М.б. Вы согласитесь избавить меня от труда доставать и просматривать Аполлон за целый год и будете исключительно любезны черкнуть мне, когда она напечатана?[1]

Мой адрес: СПб., Крестовский остр., Александровский пр. 66. Т. 138-30. [?]

С полным уважением

А. Л.

2

[п. шт.: Петроград, 21 марта 1915.
Царское Село, 1 апреля 1915 г.][1]

Многоуважаемый Ник. Степ.,

Если звуки военной трубы не заглушили в Вас мелодий лиры и Вы по-прежнему с интересом относитесь к молодым порослям литературы, то могу Вам прислать (напишите мне: В. О., Тучкова наб. 10-1, кв. 41) несколько стихот. молодого поэта

Злобина,[2] пишущего весьма грамотно. Моментами он напоминает как-то Вас, хотя en petit, конечно. Он был бы рад быть знакомым с Вами, причем не надо предполагать в данном случае расчетов на какую бы то ни было протекцию. Мы познакомились недавно в редакции довольно мизерного нового журнала "Богема", в который отдали свои поэзы по предложению нашего общего знакомого — Ларисы Рейснер.[3] Мне кажется, что к творчеству Злобина Вы не останетесь совершенно безучастным.

Жму руку. Кстати поздравляю с Георг. крестом.[4] Поклон Анне Андреевне.

А. Лозина-Лозинский.

ПИСЬМА М.Л. ЛОЗИНСКОГО

1

5.III. 1914
(6.40 веч.)

Ясный хочет, по словам А.Н. Лаврова, чтобы на *первой* странице обложки был обозначен склад издания. По-моему, это выйдет в высшей степени безобразно!! "Склад издания" надо напечатать на *задней* обложке, как и цену. Ни за что не уступайте, иначе лицо книги, сейчас такое милое, будет *обезображено*.

М. Лозинский.

2

10/23. VII. 14
Vammelsuu

С изумлением беспримерным, дорогой Николай Степанович, получил я сейчас твое письмо из Териок. Приди оно хоть несколькими днями раньше, это изумление было бы и приятнейшим. И я, конечно, немедленно на коне или на корабле отправился бы в Териоки, чтобы похитить тебя из этого скверного посада в очаровательное Vammelsuu. Но увы!.. теперь уже поздно... Сегодня Таня и я переселяемся в

Петербург — она до конца месяца, а я совсем: только в августе буду наезжать сюда по субботам.

Ну не стыдно ли тебе. Ведь ты, по-видимому, живешь в Териоках с 24-го, 25-го июня, и не мог мне раньше написать. Правда, ты не мог знать, что я так скоро покину Финляндию. А все-таки стыдно.

В Петербурге я ловил тебя по телефону, как и ты меня, но безрезультатно. В Слепнево[1] я отправил тебе пространное послание, которое ты, вероятно, уже не успел получить. Писал в нем и о всяких делах. Между прочим о том, что я выписал через Вольфа (угол Морской) Géorgiques Chrétiennes[2] по указанному тобой адресу — Почт. отд. Голосково, Тверской. губ., а потом, пытаясь выслать туда же Логику, узнал, что такого почт. отделения в Тверской губ. нет, что есть только Голосково Подольской губ. Значит, книга или лежит у Вольфа, или заслана неведомо куда. Писал также, что Платонова и Кареева у меня нет, равно как и твоего Rossetti.[3]

Первые дни в СПб. я буду жить — В.О., Средний просп. 1, кв. О.В.Пашутиной; потом у себя — Пет. Ст., Малый пр. 26, кв. 27. Может быть, увидимся хоть в городе.

Со мною чуть припадок не сделался, когда я узнал, что ты все это время жил у нас под боком, одержимый своей злосчастной аграфией. Несчастный ты человек, губитель услад дружества!

Соберись с силами, напиши мне в Петербург, каковы твои планы, до осени ли ты будешь в Териоках, когда думаешь попасть в город.[4]

Твой

М. Лоз.

3

21. X. 1915

Дорогой друг Николай Степанович,

Видно, ты овладел тайной философского камня, ибо твои опыты превращения серебра в золото протекают в высшей степени успешно, клянусь Египетским Сержантом! Еще немного, и твоя походная печь озарится вожделенным блеском. Поздравляю же тебя с достигнутыми успехами в священном искусстве и заранее рукоплещу близкому торжеству![1]

А раз адепты Великого Транхопса [?] занялись разоблачением сокровеннейших тайн, то и мне ничего не остается, как открыть для общего пользования Окаменелыя Дороги. Итак, да будет![2]

Но предварительно я хочу просить у тебя позволения украсить посвящением тебе мои пятистопные ямбы, трактующие о каменьях, растущих, как лилии, о бездонной тьме, о племенах беспечных, о башнях Эдема и об эдемском луче. Их поток родился на той же вершине, что и твои "Пятистопные Ямбы" (помнишь нашу беседу об автобиографических ямбах), но злосчастные свойства почвы направили его по другому склону, и к устью дотекла дидактическая кантилена.[3] Эти "Каменья" всегда предназначались тебе в дружеское подношенье, но автора смущало сознание их очевидной неравноценности "Пятистопным Ямбам". Но что же делать, других нет... не обессудь, чем богат...

Жалко очень, что ты теперь так недостижим, и я лишен твоих советов при составлении книги. А вдруг

ты объявишься в Петрограде?[4] Вот был бы рад, и бескорыстно.

Таня шлет тебе привет. Филипка питается легендарными сведениями о тебе,[5] М.А. Струве...[6] мечтает, Соловьев[7] всегда готов, а я крепко жму твою руку и целую в золотыя уста.

Твой

М. Лозинский.

МАТЕРИАЛЫ
ДЛЯ
БИОГРАФИИ ГУМИЛЕВА

Справа налево стоят:
А. Ахматова, Е. Ю. Кузьмина-
Караваева, Б. В. Штейн;
сидит Д. Кузьмин-Караваев.
Слепнево, 1911.

Павел Лукницкий

Н. ГУМИЛЕВ

Биографический очерк

1900 г. – покинул гимназию Гуревича и уехал с родителями на Кавказ, где поступил в Тифлисскую гимназию. Адрес Гумилева – Салалаки, дом Мирзоева. В Тифлисе – до 1903 г. На лето Гумилевы уезжают на север, в усадьбу Березки, приобретенную С.Я. Гумилевым после переезда в Тифлис.

В Тифлисе, под влиянием гимназических товарищей, увлекается левыми социальными течениями, читает Маркса и др.; летом, в Березках, ведет агитацию среди мельников. Сведения об этом дошли до губернатора и навлекли на Гумилева неприятности; увлечение, однако, продолжалось до переезда в Царское Село (в 1903 г.), где усиленное чтение Ницше, символистов-модернистов навсегда увлекли Гумилева от политики и вызвали к ней нескрываемое отвращение, продолжавшееся всю жизнь.

В Царском Селе Гумилев поступил в Царскосельскую гимназию (директор – Анненский) – в 7 класс. В декабре 1903 г. познакомился с А.А. Горенко (Ахматовой). Учился в гимназии плохо. "Гумилев усердно изучает все, что не проходится в гимназии", – говорили преподаватели. В 1905 г., в октябре, издает сборник *Путь Конквистадоров.* В.Я. Брюсов, заинтересованный сборником, присылает Гумилеву письмо и предлагает ему вступить в число сотрудников журнала *Весы.*[1] С этого момента начинается переписка с Брюсовым (усиленная – до 1908 г., а после 1908 г. – постепенно прекращающаяся, и окончательно прекратившаяся к 1913 г.). Личных встреч с Брюсовым было пять-шесть за всю жизнь Гумилева.

По окончании гимназии, в 1906 г., Гумилев уезжает в Париж и живет там до весны 1908 г. В Париже изучает музеи, живопись и французскую литературу. Слушает лекции в Сорбонне. Пишет стихи, вошедшие в *Романтические цветы* (первое издание – Париж, начало 1908 г.) и отчасти в *Жемчуга* (первое издание – Скорпион, 1910 г.). В Париже – знакомство с А. Толстым, М. Волошиным, Е.С. Кругликовой, А. Белым и др. Переписывается с А.А. Горенко и ее братом Андреем. Часто встречается с М. Фармаковским. Охотно бывает в Jardin des Plantes и в других зверинцах, большей частью вместе с молодым французским поэтом Nicolas Denicer.[2]

1908 г., весна – возвращается в Россию, в Царское Село и Петербург, сближение с И. Анненским, и позже – с Вячеславом Ивановым. С 1909 г. Гумилев постоянно бывает на "башне". По инициативе Гумилева и др. возникает Pro Academia Стиха, позднее переименованная в Общество Ревнителей Художественного Слова. Организует издание журнала *Остров*, принимает большое участие в организации Глаголинского журнала *Журнал театра* и *Аполлона*. В последнем Гумилев участвует во все время его существования (1909–1917). Осенью 1909 г. отправляется в Африку и возвращается в феврале 1910 г. В 1908 г. осенью Гумилев ездил ненадолго в Каир и в Александрию. В апреле 1910 г., в Киеве – свадьба – женится на А.А. Горенко и уезжает с ней в Париж. Лето 1910 г. проводит в Царском Селе, а осенью уезжает в Абиссинию, достигает Аддис-Абебы. В Аддис-Абебе представляется абиссинскому императору. Пробыв в отсутствии полгода, в начале 1911 г. возвращается, разочарованный путешествиями, в Царское Село. Лето проводит в усадьбе Слепнево.

Осенью 1911 г. вместе с С. Городецким создает Цех Поэтов (первого созыва). В 1912 г. – путешествие в Италию и итальянские стихи. По возвращении в Россию поступил в университет с целью изучать старофранцузскую литературу. 1912 и 1913 гг. – расцвет акмеизма и Цеха Поэтов. В апреле 1913 г. командирован Музеем антропологии и этнографии русской Академии Наук в Абиссинию для коллекционирования предметов быта и изучения племен галла, харраритов и др.

Маршрут – Одесса, Константинополь, Александрия, Джедда, Джибути, Дире-Дауа, Харрар, Шейх-Гуссейн, Гинир. Возвращается в Россию в сентябре 1913 г.[3] В 1913 г. переводит *Эмали и камеи* Т. Готье. Зима 1913–1914 гг. – занятия в университете, Цех Поэтов.

В 1914 г., с объявлением войны, зачисляется охотником в лейбгвардейский уланский полк и осенью отправляется на Западный фронт. В 1914 г. представлен к Георгиевскому кресту за удачную разведку. 1914–1917 гг. – на фронте, за исключением периодов пребывания в Петрограде и Царском Селе, в лазаретах по болезни. Летом 1915 г. – награжден вторым Георгиевским крестом, за спасение пулемета под артиллерийским огнем, при отступлении. Приезжал в Петроград – пишет "Записки Кавалериста" и печатает их в газете *Биржевые Ведомости* в течение всего 1915 г. и начала 1916 г. Зиму 1915–1916 гг. живет в Петрограде (Царском Селе) в ожидании производства в офицерский чин и перевода в 5-й Александрийский гусарский полк ("Черные гусары").[4]

В 1916 г., в санитарном поезде, отправлен для поправления здоровья в Массандру. Проводит здесь весь июнь. Пишет *Гондлу*. Зимой 1916–1917 гг. – на фронте. 1917 год – приглашен во второй Цех Поэтов (первый Цех Поэтов распался в 1914 г.). Второй Цех был мертворожденным. В июне (июле?) 1917 г. командирован военными властями на Салоникский фронт. Уезжает пароходом: Швеция, Норвегия, Лондон, Париж. Стихи *Костра*. В Париже остается в распоряжении Комиссара Временного Правительства и остается здесь до весны 1918 г. В Париже пишет *Два сна*, стихи в альбом, названные издателем (Петрополис, 1923) "К синей звезде", *Отравленную тунику* (трагедия в 5-ти действиях) и др. Весной 1918 г. через Лондон и Мурманск возвращается в Россию. Летом 1918 г. – развод с А.А. Ахматовой и женитьба на А.Н. Энгельгардт.

По приезде в Россию – усиленно работает – пишет стихи и издает книги. С 1918 г., почти безвыездно, до конца жизни живет в Петрограде. Работает в издательстве "Всемирная Литература" (в качестве члена редакционной коллегии), создает и принимает участие в создании литературных студий (студия

переводов при "Всемирной Литературе", студии Дома Искусств, Института Живого Слова, Балтфлота, Пролеткульта и др.). Полная материальная необеспеченность, заботы о семье (с ним, кроме жены, живут мать и дети), холод, голод и [*вычеркнуто*][5] давят Гумилева, но угнетает его – отсутствие духовной жизни, духовное оскудение окружающих. В 1920–1921 гг. руководит третьим Цехом Поэтов. В январе 1921 г. выбран председателем Петроградского отделения Всероссийского Союза Поэтов. В 1918, 1919, 1920 и 1921 гг. совершает непродолжительные поездки в Бежецк. В 1921 г., в июне – последняя поездка на юг (в Севастополь, в поезде Командующего Морскими Силами). С весны 1921 г. живет в Доме Искусств, сохраняя за собой прежнюю квартиру на Преображенской улице. В ночь с 3 на 4 августа арестован петроградской Чрезвычайной Комиссией по обвинению в участии в Таганцевском заговоре. 25-го августа 1921 г. расстрелян.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ В.С. СРЕЗНЕВСКОЙ

I. "Дафнис и Хлоя"

С Аней мы познакомились в Гунгербурге – довольно людном тогда курорте близ Нарвы – где семьи наши жили на даче.

Обе мы имели гувернанток – обе болтали бегло по-французски и немецки, – и обе ходили с нашими "мадамами" на площадку около курзала, где играли в разные игры, а "мадамы" сплетничали, сидя на скамейке.

Аня была худенькой стриженой девочкой – ничем не примечательной, довольно тихонькой и замкнутой. Я была очень подвижной, веселой, шаловливой и общительной; особенной дружбы у нас не возникло, но встречи были частые, болтовня непринужденная, и основа для дальнейших отношений возникла прочно. Настоящая, большая, на всю жизнь тесно связавшая нас дружба возникла позже, когда мы жили в одном и том же доме в Царском, близ вокзала, на углу Широкой улицы и Безымянного переулка, в доме Шухардиной, где у нас была квартира внизу, а у "Горенок" наверху.

Мы в этот дом переехали после пожара, когда мы, потеряв всю обстановку и все имущество, были очень рады найти квартиру, где можно было разместиться удобно, близ вокзала. (Наши отцы были связаны с поездками в Петербург – на службу – а старшие дети с уже недалекой мечтой продолжения образования).

При доме был большой хороший сад, где обе семьи могли целый день без хлопот выпустить своих детей – и не затруднять

себя и своих гувернанток прогулками, которые не всегда были желанными.

Вот когда мы по-настоящему подружились и сошлись с "Анечкой Горенко".

Аня писала стихи — очень много читала дозволенных и недозволенных книг, — и очень изменилась внутренне и внешне.

Она очень выросла, стала очень стройной, с прелестной хрупкой фигурой чуть развивающейся девушки, с очень черными, очень длинными и густыми волосами, прямыми, как водоросли, с очень белыми, очень красивыми руками и ногами, с несколько безжизненной бледностью очень определенно вычерченного лица, с глубокими большими светлыми глазами, странно выделяющимися на фоне черных волос и темных бровей и ресниц.

Она была неутомимой наядой в воде, неутомимой скиталицей — пешеходом, — лазала, как кошка, и плавала, как рыба.

Почему-то считалась лунатичкой и не очень импонировала "добродетельным" обывательницам затхлого и очень дурно и глупо воспитанного Царского Села, имевшего все недостатки близкой столицы, без ее достоинств. Так и полагается пригородам. Наши семьи жили замкнуто — отцы всеми интересами связанные с Петербургом, мамы многодетные и обремененные хлопотами о детях и хозяйстве — уже дворянского приволья не было нигде и в помине, — прислуга была вольнодумная и небрежная, жизнь дорогая, гувернантки, большею частью швейцарки и немки, претенциозные и не ахти как образованные, и растить многочисленную семью было довольно сложно. Отсюда не всегда ровная атмосфера в доме, не всегда ровное отношение к многочисленной и разнохарактерной обстановке семьи.

Немудрено, что мы отдыхали, удалясь от бдительных глаз, — в садах и кущах прекрасного, заброшенного в своих бывших затеях и меланхолического Царского Села.

Аня свои ранние стихи, к сожалению, не сохранила, и потому для исследователя ее творчества навек утеряны истоки ее прекрасного таланта.

Могу сообщить одну – и довольно существенную – черту в ее творчестве: предчувствие своей судьбы. Еще совсем девочкой она писала о таинственном кольце (позже "черном бабушкином кольце"), которое она получила в дар от месяца:

Мне сковал его месяца луч голубой
И во сне надевая шепнул мне с мольбой!
"Береги этот дар! будь мечтою горда!"
Я кольца не отдам – никому, никогда!

Правда, много позже, живя у меня в 1915–16 г., она его отдала, и при каких обстоятельствах![1]

Память! Память! Сколько черных глубин ты таишь в себе!

Много судеб сплетены с судьбою Анны Ахматовой. Но надо быть исторически последовательной.

С "Колей Гумилевым", тогда еще гимназистом VII класса, Аня познакомилась в 1902 г. под Рождество.[2] Мы вышли из дому – Аня и я с моим братом Сережей – прикупить какие-то милые украшения для елки, которая у нас всегда бывала в тот день Рождества.

Был чудный солнечный день. Около Гостиного двора мы встретились с "мальчиками Гумилевыми", Митей (старшим, тогда морским кадетиком) и Колей-гимназистом. Я с ними была раньше знакома через общую учительницу музыки, Елизавету Михайловну Баженову, которая учила музыке и меня, и Гумилевых, и ввела в наш дом своего почему-то ей очень понравившегося старшего Митю и уже намного позже познакомила меня с Колей. Встретив их на улице, мы уже дальше пошли – я с Митей, Аня с Колей за покупками, и они проводили нас до дому. Аня ничуть не была заинтересована этой встречей, я тем менее, потому что с Митей мне всегда было скучно, – он не имел никаких достоинств в моих глазах. Но, очевидно, не так отнесся Николай Степанович к этой встрече.

Я часто, возвращаясь из гимназии, видела, как он маячил вдали в ожидании появления Ани.

Он постарался познакомиться с Аниным старшим братом Андреем, постарался проникнуть в их довольно замкнутый дом.

Ане он не нравился – вероятно оттого, что в этом возрасте девочки мечтают о разочарованных молодых людях старше 25 лет, познавших уже много запретных плодов и пресытившихся их пряным вкусом.

Но уже тогда Коля не любил отступать перед неудачами. Он не был красив, – в этот ранний период он был несколько деревянным, очень высокомерным с виду – и очень неуверенным в себе внутри. Он много читал, любил французских символистов, хотя не очень свободно владел французским языком, однако вполне достаточно, чтобы читать, не нуждаясь в переводе. Он был высок ростом, худощав, с очень красивыми руками, несколько длинным бледным лицом, без особых примет, – я бы сказала, не очень заметный, но не лишенный элегантности наружности, – блондин, каких у нас на севере можно часто встретить. Позже, возмужав и пройдя суровую кавалерийскую военную школу, он сделался лихим наездником, обучавшим молодых солдат, храбрым офицером (он имел два Георгия за храбрость), подтянулся и, благодаря своей очень хорошей длинноногой фигуре и широким плечам, был очень приятен и даже интересен, особенно в мундире.

А улыбка и несколько насмешливый, но милый и не дерзкий взгляд больших, несколько пристальных, чуть косящих глаз просто мог понравиться и нравился многим и многим.

Говорил он чуть нараспев, нетвердо выговаривая "р" и "л", что придавало его говору совсем не безобразное своеобразие, отнюдь не похожее на косноязычие. Мне нравилось, как он читал стихи; он часто бывал у нас, когда я уже была замужем, очень дружил с моим мужем, и по старой памяти и со мною, и мы много и часто просили его читать стихи.

Но вернемся к первой юности. В 1905 г. Горенко уехали из Царского Села по семейным обстоятельствам, и этот очень короткий промежуток наших жизней держался только на переписке, к сожалению, затерянной нами в течение потрясений наших нелегких судеб. Аня никогда не писала о любви к

Гумилеву, но часто упоминала о его настойчивой привязанности – о неоднократных предложениях брака и своих легкомысленных отказах и равнодушии к этим проектам.

В Киеве у нее были родственные связи, кузина, вышедшая позже замуж за Аниного старшего брата Андрея; она, кажется, не скучала. Николай Степанович приезжал в Киев, и вдруг в одно прекрасное утро я получила извещение об их свадьбе. Меня это удивило.

Вскоре приехала Аня. Она сразу пришла ко мне. Как-то мельком сказала о своем браке, и мне показалось, что ничто в ней не изменилось, и даже нет какого-то часто встречающегося у новобрачных желания поговорить о своей судьбе... как будто это событие не может иметь ни для нее – ни для меня – какого бы то ни было значения.

Мы много и долго говорили на разные темы, она читала стихи, – гораздо более женские и глубокие, чем раньше, – в которых я не нашла образа Коли, – как вообще в последующей ее лирике, где скупо и мимолетно можно найти намеки на ее мужа, – в отличие от лирики Гумилева, где властно и неотступно, до самых последних дней его жизни, маячит образ его жены, сквозь все его увлечения и разнообразные темы. То русалка, то колдунья, то просто женщина, таящая "злое торжество":

И тая в глазах злое торжество,
Женщина в углу слушала его.

Это стихотворение стоит того, чтобы его полностью процитировать в подтверждение моих – всегда основанных не только на впечатлениях, но и на признаниях и фактах – высказываниях.

Конечно, они оба были слишком свободными и большими людьми для пары воркующих "сизых голубков"... Их отношения были скорее тайным единоборством – с ее стороны для самоутверждения как свободной женщины, с его стороны – с желанием не поддаться никаким колдовским чарам и остаться самим собой, независимым и властным...

увы, без власти над этой вечно ускользающей от него, многообразной и не подчиняющейся никому женщиной. Если говорить о любви — я не совсем понимаю, что́ разные люди этим словом хотят сказать?! — но если любовь — это навязчивый и иногда любимый, а иногда ненавидимый образ — и всегда один и тот же, — то смею определенно сказать, что если была любовь у Николая Степановича — а она, с моей точки зрения, сквозь всю его жизнь была, — то это была Ахматова. Оговорюсь: я думаю, что в Париже может быть была еще так называемая "Синяя звезда" — во всяком случае (нежность ведь тоже любовь?) "Синяя звезда" была тоже им любима — и очень нежно. Остальное — как бы это ни называлось — вызывало у него улыбку, не без иронии, и шутливый тон.

Но разве существует на свете моногамия для мужчин?

Я помню, раз (мы шли по набережной Невы с Колей и мирно беседовали о чувствах женщин и мужчин) он сказал: "Я знаю только одно: что настоящий мужчина полигамист, а настоящая женщина моногамична". — "А Вы такую женщину знаете?" — спросила я. — "Пожалуй, нет, но думаю, что она есть", — смеясь ответил он. Я вспомнила Ахматову, но, зная, что это больно, не сказала ему. У Ахматовой большая и сложная жизнь сердца — я-то это знаю, как, вероятно, никто, — но Николай Степанович — отец ее единственного ребенка! — занимает в жизни ее сердца скромное место. Странно, непонятно, может быть и необычно — но это так.

Великий сердцевед Л.Н.Толстой отметил эту черту в Анне Карениной...

Но не надо аналогий... они ни к чему. Люди очень различны, в этом повинны жизнь и время.

И несмотря на то, что часто в больших и сложных биографиях всегда звучит тема "роковой любви" — и Байрона, Пушкина, Тютчева, Блока и даже Лермонтова, — не будем до поры до времени трогать ее!

А пожалуй, у меня есть что сказать о ней... Так уж мне удалось вчитаться в чужие жизни.

Могу сказать еще то, что я знаю очень хорошо: Гумилев был нежным и любящим сыном, любимцем своей умной и

властной матери, несомненно радовался, что сын растет под крылом, где ему самому было так хорошо и тепло. Не берусь оспаривать, где он был в момент рождения сына; отцы обычно не присутствуют при этом, и святые отцы должны лучше меня знать, что если им и удалось соблазнить своих приятелей сопровождать их в место своих обычных увеселений, то это нисколько не мешает тому, что эти приятели коротают это тревожное время выпивая, и заглушают внутреннюю тревогу не совсем понятным способом...

Мне думается, что Гумилев – подвернись другой приятель, менее подверженный таким "весельям", – мог поехать в монастырь, мужской или женский, и отстоять монастырскую вечерню с переполненным умилением сердцем.

Знаю, что он звонил в клинику, где лежала Аня (самую лучшую тогда клинику проф. Отта – очень дорогую и очень хорошо обставленную, на Васильевском Острове) и затем, по окончании всей этой эпопеи, заехал за матерью своего сына и привез их обоих в Царское Село, к счастливой бабушке, где мы в те же дни обедали с мужем и пили шампанское за счастливое событие... и все как полагается, и поздравляли и видели, что все, кроме злой, завистливой и чрезвычайно неумной Шуры Сверчковой,[3] искренне радовались и были по-видимому в полном согласии.

А что большой поэт – а и Гумилев, и Ахматова были ими – имеет много граней жизни и внутри и снаружи, много оттенков света и даже и тьмы внутри – разве думающий и понимающий всю сложность всякого настоящего интеллекта может оспаривать это?

Смею высказать еще одну продуманную до конца мною мысль: не признак ли это мужского характера – совмещать в себе много крайностей, иногда совершенно полярных, – и все же над ними иметь какое-то свое глубокое чувство единого, самого заветного, самого нужного – одного? А факты – это только внешние свидетели, отданные во власть толкования по мере самого толкователя.

Они должны быть точны – все, что от них можно требовать.

Рождение сына очень связало Анну Ахматову — она первое время сама кормила сына и прочно обосновалась в Царском.

Не думаю, что тогда водились чудаки-отцы, катающие колясочки с сыном, — для этого были опытные няни, — но Коля был, как все отцы: навещал своего сына всякий раз, как это было возможно, — и конечно был не хуже, если не лучше, многих образцовых отцов.

[. . .]

Понемногу и Аня освобождалась от роли матери в том понятии, которое сопряжено с уходом и заботами о ребенке, — там были бабушка и няня, — и начала свою обычную жизнь литературной богемы.

Ни у того, ни у другого не было каких-либо поводов к разлуке или разрыву отношений, а очень тесного общения вне поэзии — да и то так различно понимаемой — тоже не было.

У Ахматовой под строками всегда вполне конкретный образ, вполне конкретный факт, хоть и не названный по имени; у Гумилева всегда мечта и фантазия, за которой только близкий знающий человек может видеть причину чувств, родивших эту мечту и фантазию.

И, как всегда, реальность принимает причудливые формы, ощущения разрастаются до пределов галлюцинаций и ведут к бесконечному... и часто к ощущению смерти — так часто присутствующей в поэзии Гумилева — и рождают тоску по неизведанному, куда-то влекут — и поэт уходит за ними в мечты о неизвестных ему краях и встречах, и вот тревожные строки полнозвучных стихов завораживают слушателя или читателя:

Я тело в кресло уроню —
Я свет руками заслоню
И буду плакать долго, долго...

Гумилев поэт раздумий и предчувствий. Может быть, в этом жутком мире он если не знал, то провидел свою трагическую судьбу?

2. "Аня"

Совсем маленькой девочкой она писала стихи. И отец ее – в шутку – называл ее поэтом. Непокорная и чересчур свободолюбивая, она в семье была очень любима, но не пользовалась большим доверием.

Все считали, что она может сделать много хлопот. Уйти на долгое время из дома, не сказав никому ни слова, уплыть далеко-далеко в море, где уже и татарчата не догонят ее, уйти на крышу поговорить с луной – словом, огорчить прелестную синеглазую маму и добродушную и веселую Fräulein Monik'y. Вот мое первое впечатление от высокой, слишком тоненькой, стриженой девочки.

Когда в 14-летнем подростке я снова узнала Аню Горенко, она была совсем другая – она как-то рано сформировалась – высокая девичья грудь, тонкая талия, длинные черные волосы, прозрачные большие глаза на бледном личике...

Все в моей семье сказали, что она красива, но опять не совсем одобрительно отнеслись к нашей возродившейся, гораздо более глубокой дружбе. Со мной и так было довольно много хлопот в семье: я была упряма и замкнута. Но в конце концов нас было очень трудно контролировать: Царское было почти "дачей", семьи были большие, и свобода как-то рождалась сама собой.

В своей семье Аня больше других дружила с братом Андреем, – года на два старше ее, – очень болезненным, не по летам развитым и одаренным мальчиком. Привыкнув говорить в семье по-французски (мать Ани иначе не говорила с детьми), они, т.е. Аня и Андрей, были на "Вы", что меня удивило сначала: мой брат был на два года младше меня, очень много болел в детстве и был всецело на руках нашей

дивной, умной и ангельски доброй няни, – вынянчившей всех нас, начиная со старшего брата, на 10 лет опередившего меня, и кончая нашим общим любимцем Сереженькой, – ни о каких "Вы" не могло быть у нас и речи, несмотря на иностранных гувернанток. До англичанки, приходившей к старшей сестре – гулявшей и читающей ей, – которую мы видели только за завтраком, – моя любимая m-me Regori [?] почему-то мне всегда говорила "tu" – вероятно оттого, что я была еще очень мала, – старшим она говорила "vous". В доме Горенко не было большого чинопочитания, – у нас оно было очень развито, – и мне доставляло много удовольствия бывать у них.

Правда, красавец-черноморец "папа Горенко" любил пошуметь, но был остроумен, так неожиданно весело шутлив – (а это ведь тот период, который мы охарактеризовали периодом "тяжелого отца" [?] – все наши папы были грозами семьи, все орали на весь дом, и были деспотами. Таков был быт).

Мне кажется, что Аня в семье пользовалась большой свободой – она не признавала никакого насилия над собой, ни в физическом, ни, тем более, в психическом плане.

Наши отношения были необыкновенно далекими от какого-либо институтского "обожания"; ничего физического, как часто встречаешь в литературе (особенно во франц.), они в себе не имели – и это преобладание интеллекта над физиологией осталось на всю жизнь во всех отношениях. Без всякой натяжки могу сказать, что в наших отношениях была та чистейшая бескорыстная дружба, которую так неохотно приписывают поэты и прозаики женщинам. И все же она, как видите, бывает, и даже сквозь всю жизнь.

. . . . . .

Мы много гуляли, и в этих прогулках иногда (особенно когда мы не торопясь шли из гимназии домой) нас часто "ловил" поджидавший где-то "за углом" Николай Степанович.

Сознаюсь... мы обе не радовались этому (злые гадкие девчонки), мы его часто принимались изводить: зная, что Коля терпеть не может немецкого языка, мы начинали вслух вдвоем читать длиннейшие немецкие стихи вроде "Des Sängers Fluch" (Уланда или Ландау – уж не помню...), и этого риторически цветистого стихотворения (которое мы запоминали на всю жизнь!) нам хватало на всю дорогу. А бедный Коля терпеливо, стоически слушал его всю дорогу – и все-таки доходил с нами до самого дома! Ну, не гадкие ли это зловредные маленькие женщины! Мне и сейчас смешно и грустно вспоминать это!

И как надо стремиться к кому-нибудь, чтобы вынести такую издевку! Настойчивость Коли в отношении завоевания близости Ани была по-моему одной из излюбленных "мужских" черт Гумилева. Она как-то во всем: в стремлении к "Леванту", к войне, к солдатской карьере – все это черты его отчасти воображаемого, отчасти врожденного его "я".

В нем было много честолюбия –

Древний я отрыл храм из-под песка,
Именем моим названа река –
И в стране озер пять больших племен
Слушали меня, чтили мой закон!

И конец честолюбию и власти:

Но теперь я слаб, я во власти сна –
И больна душа – тягостно больна.

Единоборство? С чьей победой?

И тая в глазах *злое* торжество,
Женщина в углу слушала его.

А есть ли что-нибудь похожее в лирике Ахматовой? Нет, и быть не могло. Во всяком случае, только раз в жизни я

подумала, что Аня побеждена и сломлена... но ненадолго: "руками я замкнула слух – чтоб этой речью *недостойной* не осквернился скорбный дух!" Женщина... слабый пол... Чушь какая!.. Женщина почти всегда сильнее мужчины!

Мы с Аней обе любили Россию. Я через няню и отчасти через Пушкина и Блока. Аня, конечно, через Пушкина и через Слепнево и "те неяркие просторы, где даже голос ветра слаб и осуждающие взоры спокойных загорелых баб".

[. . .]

Память, память... Ты мучишь меня своею громоздкостью!.. Но вернемся к Коле: "Ты, для кого искал я на Леванте / Нетленный пурпур королевских мантий, / Я проиграл тебя, как Дамаянти / Когда-то проиграл безумный Наль."

Но ведь у Жуковского Наль все же получил Дамаянти...

ЧЕРУБИНА ДЕ ГАБРИАК

Исповедь

Издание Регины де Круа [псевдоним Евгения Архиппова] Танезруфт, 1926 г.

Посвящается Евгению Архиппову

"Я только Вам могу рассказать правду о своем отношении к Николаю Степановичу Гумилеву. Почему Вам, Евгений, – не знаю. Думаю, что может быть из-за Ваших глаз. А Ваши глаза так много видали".

Из письма Черубины к Е. Архиппову.

...В первый раз я увидела Н.С. в июле 1907 г. в Париже в мастерской художника Себастьяна Гуревича, который писал мой портрет. Он был еще совсем мальчик, бледное, мрачное лицо, шепелявый говор, в руках он держал небольшую змейку из голубого бисера. Она меня больше всего поразила. Мы говорили о Царском Селе, Н.С. читал стихи (из "Романтических Цветов"). Стихи мне очень понравились. Через несколько дней мы опять все втроем были в ночном кафе, я первый раз в моей жизни. Маленькая цветочница продавала большие букеты пушистых гвоздик, Н.С. купил для меня такой букет, а уже поздно ночью мы все втроем ходили вокруг Люксембургского сада, и Н.С. говорил о Пресвятой Деве. Вот и все. Больше я его не видела. Но запомнила, запомнил и он.

Весной уже 1909 г. в Петербурге я была в большой компании на какой-то художественной лекции в Академии

Художеств; был Максимилиан Александрович Волошин, который казался тогда для меня недосягаемым идеалом во всем. Ко мне он был очень мил. На этой лекции меня познакомили с Н. С., но мы вспомнили друг друга. Это был значительный вечер "моей жизни". Мы все поехали ужинать в "Вену", мы много говорили с Н. С. — об Африке, почти в полусловах понимая друг друга, обо львах и крокодилах. Я помню, я тогда сказала очень серьезно, потому что я ведь никогда не улыбалась: "Не надо убивать крокодилов". Николай Степанович отвел в сторону М. А. и спросил: "Она всегда так говорит?" "Да, всегда", — ответил М. А.

Я пишу об этом подробно, потому что эта маленькая глупая фраза повернула ко мне целиком Н. С. Он поехал меня провожать, и тут же сразу мы оба с беспощадной ясностью поняли, что это "встреча", и не нам ей противиться. Это была молодая, звонкая страсть. "Не смущаясь и не кроясь, я смотрю в глаза людей, я нашел себе подругу из породы лебедей", — писал Н. С. на альбоме, подаренном мне.

Мы стали часто встречаться, все дни мы были вместе и друг для друга. Писали стихи, ездили на "Башню" и возвращались на рассвете по просыпающемуся серо-розовому городу. Много раз просил меня Н. С. выйти за него замуж, *никогда* не соглашалась я на это; в это время я была невестой другого, была связана жалостью к большой, непонятной мне любви. В "будни своей жизни" не хотела я вводить Н. С.

Те минуты, которые я была с ним, я ни о чем не помнила, а потом плакала у себя дома, металась, не знала. *Всей* моей жизни не покрывал Н. С., и еще: в нем была железная воля, желание даже в ласке подчинить, а во мне было упрямство — желание мучить. Воистину он больше любил меня, чем я его. Он знал, что я не его — невеста, видел даже моего жениха. Ревновал. Ломал мне пальцы; а потом плакал и целовал край платья. В мае мы вместе поехали в Коктебель.

Все путешествие туда я помню, как дымно-розовый закат, и мы вместе у окна вагона. Я звала его "Гумми", не любила имени "Николай", а он меня, как зовут дома, "Лиля" — "имя похоже на серебристый колокольчик", — как говорил он.

В Коктебеле все изменилось. Здесь началось то, в чем больше всего виновата я перед Н.С.

Судьбе было угодно свести нас всех троих вместе, его, меня и М.А. – потому что самая большая моя в жизни любовь, самая недосягаемая – это был М.А. Если Н.С. был для меня цветение весны, "мальчик" (мы были ровесники, но он всегда казался мне младше), то М. А. для меня был где-то вдали, кто-то никак не могущий обратить свои взоры на меня, маленькую и молчаливую.

Была одна черта, которую я очень не любила в Н. С. – его неблагожелательное отношение к чужому творчеству; он всегда бранил, над всеми смеялся, – мне хотелось, чтобы он тогда уже был "отважным корсаром", но тогда он еще не был таким.

Он писал тогда "капитанов" – они посвящались мне. Вместе каждую строчку обдумывали мы. Но он ненавидел М. А., мне это было больно, очень здесь уже неотвратимостью рока встал в самом сердце образ М. А.

То, что девочке казалось чудом, совершилось. Я узнала, что М.А. любит меня, любит уже давно; к нему я рванулась вся, от него я не скрывала ничего. Он мне грустно сказал: "Выбирай сама. Но если ты уйдешь к Гумилеву, я буду тебя презирать". Выбор уже был сделан, но Н.С. все же оставался для меня какой-то благоухающей алой гвоздикой. Мне все казалось: хочу обоих, зачем выбор! Я попросила Н.С. уехать, *не сказав ему ничего*. Он счел это за каприз, но уехал, а я до осени (сент.) жила лучшие дни моей жизни. Здесь родилась Черубина. Я вернулась совсем закрытая для Н.С., мучила его, смеялась над ним, а он терпел и все просил меня выйти за него замуж. А я собиралась выходить замуж за М.А. Почему я так мучила Н. С.? Почему не отпускала его от себя? Это не жадность была, это была тоже любовь. Во мне есть две души, и одна из них верно любила одного, другая другого.

О, зачем они пришли и ушли в одно время! Наконец, Н. С. не выдержал, любовь ко мне уже стала переходить в ненависть. В "Аполлоне" он остановил меня и сказал: "Я прошу Вас последний раз – выходите за меня замуж". Я сказала: "Нет!" Он побледнел. "Ну, тогда Вы узнаете меня". Это была суббота.

В понедельник ко мне пришел Гюнтер и сказал, что Н.С. на "Башне" говорил бог знает что обо мне. Я позвала Н.С. к Лидии Павловне Брюлловой, там же был и Гюнтер. Я спросила Н.С., говорил ли он это. Он повторил мне в лицо. Я вышла из комнаты. Он уже ненавидел меня. Через два дня М.А. ударил его, была дуэль. Через три дня я встретила его на Морской. Мы оба отвернулись друг от друга. Он ненавидел меня всю свою жизнь и бледнел при одном моем имени.

Больше я его *никогда не видела.*

Я не могла оставаться с М.А. В начале 1910 г. мы расстались, и я не видела его до 1917 г. (или до 1916-го?).

Я не могла остаться с ним, и моя любовь и ему принесла муку.

А мне?! До самой смерти Н.С. я не могла читать его стихов, а если брала книгу – плакала весь день. После смерти стала читать, но и до сих пор больно.

Я была виновата перед ним, но он забыл, отбросил и стал поэтом. Он не был виноват передо мною, очень даже оскорбив меня, он еще любил, но моя жизнь была смята им, – он увел от меня и стихи и любовь...

И вот с тех пор я жила неживой; – шла дальше, падала, причиняла боль, и каждое мое прикосновение было *ядом.*

Эти две встречи всегда стояли передо мной и заслоняли все: и я не смогла оставаться ни с кем.

Две вещи в мире для меня всегда были самыми святыми:

СТИХИ
и
ЛЮБОВЬ.

И это была плата за боль, причиненную Н.С.: у меня навсегда были отняты

и любовь
и
стихи.

Остались лишь призраки их...

Ч.

СПб.
1926 г.
Осень

Два стихотворения Е.И. Дмитриевой [Васильевой], посвященные Гумилеву

1.

Да, целовала и знала
Губ твоих сладких след,
Губы губам отдавала,
Греха тут нет.

От поцелуев губы
Только алей и нежней.
Зачем же были так грубы
Слова обо мне?

Погас уж четыре года
Огонь твоих серых глаз,
Слаще вина и меда
Был нашей встречи час.

Помнишь, сквозь снег над порталом
Готической розы цветок?
Как я тебя обижала,
Как ты поверить мог!

5 дек. 1925 г.

2. Памяти Анатолия Гранта

Памяти 25 августа 1921

Как-то странно во мне преломилась
пустота неоплаканных дней.
Пусть Господня последняя милость
над могилой пребудет твоей.

Все, что было холодного, злого,
это не было ликом твоим.

Я держу тебе данное слово
и тебя вспоминаю иным.

Помню вечер в холодном Париже,
Новый мост, утонувший во мгле...
Двое русских, мы сделались ближе,
вспоминая о Царском Селе.

В Петербург мы вернулись — на север.
Снова встреча. Торжественный зал.
Черепаховый бабушкин веер
ты, стихи мне читая, сломал.

После в "Башне" привычные встречи,
разговоры всегда о стихах,
неуступчивость вкрадчивой речи
и змеиная цепкость в словах.

Строгих метров мы чтили законы,
и смеялись над вольным стихом,
мы прилежно писали канцоны
и сонеты писали вдвоем.

Я ведь помню, как в первом сонете
ты нашел разрешающий ключ...
Расходились мы лишь на рассвете,
солнце вяло вставало меж туч.

Как любили мы город наш серый,
как гордились мы русским стихом...
Так не будем обычною мерой
измерять необычный излом.

Мне пустынная помнится дамба,
сколько раз, проезжая по ней,
восхищались мы гибкостью ямба
или тем, как напевен хорей.

Накануне мучительной драмы...
Трудно вспомнить... Был вечер... И вскачь
над канавкой из Пиковой Дамы
полетел петербургский лихач.

Было сказано слово неверно...
Помню ясно сияние звезд...
Под копытами гулко и мерно
простучал Николаевский мост.

Разошлись... Не пришлось мне у гроба
помолиться о вечном пути,
но я верю — ни гордость, ни злоба
не мешали тебе отойти.

В землю темную брошены зерна,
в белых розах они расцветут...
Наклонившись над пропастью черной,
ты отвел человеческий суд.

И откроются очи для света.
В небесах он совсем голубой.
И звезда твоя — имя поэта
неотступно и верно с тобой.

16.IX.1921

"Творческое соревнование": сонеты Гумилева и Дмитриевой, буриме.

Сонет Гумилева

Тебе бродить по солнечным лугам,
Зеленых трав, смеясь, раздвинуть стены!
Так любят льнуть серебряные пены
к твоим нагим и маленьким ногам!

Весной в лесах звучит веселый гам,
Все чувствует дыханье перемены;
Больны луной, проносятся гиены,
И пляски змей странны по вечерам.

Как белая восторженная птица,
В груди огонь желанья распаля,
Проходишь ты, и мысль твоя томится:

Ты ждешь любви, как влаги ждут поля;
Ты ждешь греха, как воли кобылица;
Ты страсти ждешь, как осени земля!

Сонет Дмитриевой

Закрыли путь к нескошенным лугам
Темничные, незыблемые стены;
Не видеть мне морских опалов пены,
Не мять полей моим больным ногам.

За окнами не слышать птичий гам,
Как мелкий дождь все дни без перемены.
Моя душа, израненной гиены,
Тоскует по нездешним вечерам.

По вечерам, когда поет Жар-птица,
Сиянием весь воздух распаля,
Когда душа от счастия томится,

Когда во мгле сквозь темные поля,
Как дикая степная кобылица,
От радости вздыхает вся земля...

НИКОЛАЙ ГУМИЛЕВ
Отрывки из неизданных воспоминаний О.А.Мочаловой

Характер Гумилева, биографические данные

"В царскосельской гимназии товарищи звали меня [пробел],[1] т.е. "странный". Директором был Иннокентий Анненский, он меня выделял. Он поражал пленительными и неожиданными мнениями".

"Меня били старшие мальчики, более сильные, и я занялся упражнениями с гирями, чтобы достойней с ними сражаться".

"...лет в семнадцать изучил *Капитал* Маркса и летом объяснял его рабочим".

Зимой 1919 г. Гумилев и Кузмин приехали в Москву выступать в Политехническом Музее. Гумилев остановился у Коганых. В июле 1921 г. один знакомый предложил Гумилеву поездку на юг и обратно поездом. В Ростове Гумилев смотрел группу молодых актеров, которые представляли его *Гондлу*. Хотя Гумилев не любил театр, но эта постановка ему понравилась.[2] Возвращаясь с юга, Гумилев проводил два-три дня в Москве, читал стихи в Союзе поэтов (Тверская, 18). Разговоры:

"Вся Украина сожжена" (с горечью).

"Вещи, окружающие нас, неузнаваемы. Я не знаю, из чего это, это, это... мы потеряли с ними живую связь".

"Что делать дальше? Стать ученым, литературоведом, археологом, переводчиком? Нельзя. Только писать стихи".

Прочитал шуточные стихи о том, как поэты умирают (чьи – неизвестно):

Умер, не пикнув, Жорж Иванов,
Дорого продал жизнь Гумилев.

"Испытать ту предельную степень боли, которая вызывает уже не крик, не стон, а улыбку".

По словам Н.А.Пуни, Гумилев любил порядок, расписание в жизни.

Редкостную скрытность Гумилева отмечали все.

А. Белый: "Гумилев ходит по Питеру гордо, гордо, и каждый шаг его говорит: "Я мэтр! Я – мэтр!"

Любовь, женщины

"Никогда не ношу обручального кольца. Это – оковы".

Свой сборник *Колчан* Гумилев посвятил Татьяне Адамович, о которой говорил: "Очаровательная... Книги она не читает, но бежит, бежит убрать в свой шкаф. Инстинкт зверька..."

Он дразнил женщин, говоря, что стихи посвящены вам, и об одном стихотворении нескольким так...

"Каждая любовь перва́я... Я не признаю двух романов одновременно... В моей жизни – семь женских имен".

Познакомился с Адалис (кажется, в Москве в 1921 г.). О ней говорил, что она "слишком человек... А в женщине так различны образы – ангела, русалки, колдуньи..."

По словам Н.А.Павлович, Гумилев искренне думал, что "быть поэтом женщине – нелепость". Но прочитав *Вечер* (Ахматовой), был ошеломлен: "Что ты, Анечка – готовый поэт".

"Когда я наслаждаюсь стихами, горит только частица мозга, а когда я люблю, горю я весь..."

"Анечке надо давать сто рублей на иголки".

Ахматова "всегда была грустна, имела страдальческий вид; думали, что я тиранический муж, и меня за это ненавидели. А муж я был самый добродушный и сам отвозил ее на извозчике на свидания".

Ахматова "такой значительный человек, что нельзя относиться к ней только как к женщине".

Хвалил Цветаеву, Ходасевича.
Любил Купера, д'Аннунцио.
Любил читать стихи Горького:

А вы на земле проживете,
Как черви слепые живут,
Ни сказок о вас не расскажут,
Ни песен о вас не споют.

Стихотворение "О самой белой, о самой нежной..." посвящено Маргарите Тумповской.[3]

"Стихотворение "Дева-птица" написал о девушке, которая и любя тосковала о другом".

О Некрасове: "...раньше презирал из эстетизма, теперь люблю величавую простоту: "Медленно проходит городом/ Дядя Влас, старик седой..."."

ПРЕДПИСАНИЕ ГУМИЛЕВУ ПЕТРОГРАДСКОГО КОМЕНДАНТА ОТ 28 ЯНВАРЯ 1917 г.

Предписание:
Петроградский комендант
По части отп. офиц.
28 января 1917 г.
№ 2771

Прапорщику 5-го Гусарского
Александрийского полка
Гумилеву

Предписываю Вам по освобождении из-под ареста немедленно отправиться на ст. Турцевич Николаевской железной дороги для исполнения предписания корпусного интенданта XXVIII корпуса от 26 января за № 2027 и об отбытии мне донести.

Инженер-Генерал Н. И. Костенко

Секретарь, Гвардии Капитан [подпись]

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

"ОСТОВ"
или
АКАДЕМИЯ НА ГЛАЗОВСКОЙ УЛИЦЕ

Действующие лица

Гумми-Кот, поэт, редактор журнала "Остов". Глаза вареного судака. Тощ.

Пуффи, поэтесса с темпераментом и весом.

Портянкин, поэт, уволенный за пьянство из штабных писарей. Кошкодав. Ходит в студенческой тужурке.

Бриллиантин Вятич, поэт совершенно неизвестный, но служит в одной из фешенебельных канцелярий. Злоупотребляет фиксатуаром и неусыпно печется о проборе.

Макс Калошин, поэт, сделавший карьеру в веселых местах Парижа. Считается знатоком всех искусств, а в особенности – порнографических карточек. Любит молодежь.

Сергей Ерундецкий, специализировался на подробностях сексуальной жизни наших предков-славян.

Граф Дебелый, новоявленная знаменитость, подобранная в Париже на "внешних бульварах". Прическа парижских апашей.

Михаил Жасмин, тоже поэт и очень откровенный. Не любит женщин. Завит, нафабрен, нарумянен. На щеке мушка.

Действие происходит в Петербурге на Глазовской улице, в редакции "Остова".

Большая комната в первом этаже, в глубине – два окна. Обставлена комната с претензией на изящество и вкус. По стенам картины художников модернистов – мазня, нежить и нечисть.

Посередине комнаты огромный стол, заваленный книгами и бумагами. Среди книг – "Жизнь животных" Брема, Ницше в изложении для детей младшего возраста и "Путеводитель по вертепам Парижа и Вены", составленный сообща современными русскими поэтами.

Редакционное заседание. Белая ночь. Все действующие лица на сцене.

Гумми-Кот

Я пригласил вас, господа,
Чтоб номер "Остова" составить.
Моя задача не легка ведь,
И сколько стоит мне труда
Сей орган на ноги поставить...

Портянкин

Очаровательная Пуффи!
Из ваших уст я пью слова...
Я пленник ваш, хоть нынче в Буффе
Идет "Веселая вдова"...

Ерундецкий
(Вятичу)

Поведал я в трехактной драме
О том, как действует спермин,
И как одной почтенной даме...

Гумми-Кот
(перебивая)

За вами очередь, Жасмин.

Жасмин
(читает)

Где слог найду, чтоб описать Эстета,
И ерунду, и нежный блеск Мозта,
И в милой "Вене" мирный уголок...

О пастушок! Зажарена котлета,
Но опустел изящный кошелек.
Твой длинный нос, то красный, то зеленый,
Полувопрос, колдующие звоны,
Твоих речей игривая свирель...
Придет апрель... зазеленеют склоны,
И ты ко мне придешь, Полишинель!

Портянкин

Жасмин, почем котлеты в "Вене"?
— В "Капернауме" — четвертак.

Жасмин

Рубль двадцать пять, великий маг
Капернаумских вдохновений.

Гумми-Кот

Котлета в нежащей строфе
Эффект пленительный и смелый.
Стихи прочтет нам граф Дебелый,
Он их обдумывал в кафе,
А написал в кафе-шантане.

Все

Мы наслаждаемся заране.

Граф Дебелый
(читает)

Ковыль-трава, трава-ковыль,
В тебе — ягнячья кровь.
И замела густая пыль
Лесистую любовь.
Корова ль, бык, мне все равно.
Я — агнец, ты — овца.
Я куриц все люблю равно
Без меры, без конца.

Приди ко мне, лесной ведун,
Покинь лесную гать,
Но на язык тебе типун, –
Не смей заклятьем лгать.

Жасмин

(вскакивая и захлебываясь)

Немудрено... Одних мужчин
Печатать в "Остове" должны вы,
А вы без видимых причин,
Забыв, что жены злы и лживы
И несвежи и некрасивы,
Злосчастный сделали почин.

Пуффи

(полуобиженно, полукорректно)

Мой черный карлик, вы забавны,
Мой черный карлик, вы смешны...
Ведь с нимфами резвятся фавны
На светлом празднике весны
И молодые сатирессы
Живут с поэтами в ладу,
Хотя поэты все повесы,
И я причины не найду,
Зачем не петь нам вместе мессы...

Макс Калошин

Довольно споров, господа...
Мы всех печатать будем смело.
Наш путь широк, зовет нас дело,
Не надо ложного стыда.
Буржуй да будет огорошен
И возликует оргиаст...
В борьбе великой Макс Калошин
Умрет, но знамени не сдаст.

Портянкин

Милы мне таксы, фокстерьеры...
Я убежденный кошкодав,
И на заре моей карьеры
В любви поклялся мне удав,
Великолепные примеры
Я молодежи подаю...
В полночный час, в Капернауме
Я пиво пью и сказки вью
Из упоительных безумий.

Гумми-Кот

Прошу вас к делу перейти.

Портянкин
(гневно)

Для вас неведомы пути,
Какими шел я к светлой цели...
Вы мне внимать не захотели
И, хоть меня озолоти,
Но коль слова мои немилы
Иное счастье я найду
В объятьях пламенной гориллы
В зоологическом саду.

(Отходит в сторону)

Гумми-Кот

Здесь очень мило говорили
О шимпанзе и о горилле,
А о журнале ни гугу.
Но я исправить все могу
И вам прочесть стихотворенье.

Бриллиантин Вятич

Я весь горю от нетерпенья,
Читайте, милый Гумми-Кот.
(На ухо Калошину)
Небось поверил... Идиот!

Гумми-Кот
(читает)

Сегодня особенно как-то умаслен твой кок
И когти особенно длинны, вонзаясь в меня...
В тени баобаба, призывною лаской маня,
Изысканный ждет носорог...
Вдали он подобен бесформенной груде тряпья,
И чресла ему украшают такие цветы,
Каких бы в порыве экстаза не выдумал я,
Увидев которые пала бы в обморок ты...
Я знаю веселые сказки про страсть обезьян,
Про двух англичанок, зажаренных хмурым вождем,
Но в платье твоем я сегодня заметил изъян,
Ты вымокла вся под холодным осенним дождем.
И как я тебе расскажу про дымящихся мисс,
Про то, как безумные негры плясали кэк-уок...
Ты плачешь... Послушай! где цепко лианы сплелись
Изысканный ждет носорог.

(Гул одобрения)

Пуффи

Ах, я влюбилась в носорога...
И грациозен он и мил...

Ерундецкий

На жгучем ложе огнебога
Я англичанок возлюбил...

Бриллиантин Вятич

От Ваших чар хмелею быстро.
О, я ведь тоже, господа,
Взлетаю к высям иногда
Из канцелярии министра.

Макс Калошин

Я потрясен... Мне жалко мисс,
Прочтите что-нибудь на бис.

Гумми-Кот
(читает)

На ноге моей мозоли,
Их не срежу никогда.
Я пешком прошелся к Оле,
Но ходить не в силах боле
От щемящей жгучей боли и стыда.
На ноге прикосновенье
Чьих-то грубых, чуждых ног,
И, как нюх мой помнит тленье,
Так хранит их впечатленье
Мой сверкающий, изысканный сапог.
Есть у всех ножные боли,
Особливо же у тех,
Кто участвует в футболе —
У меня мои мозоли
Для мучительных и сладостных утех.

Макс Калошин

Ваш быстрый стих пышней магнолий
И сладкогласнее струи.

Портянкин

О, эти жгучие мозоли —
Переживания мои!

Гумми-Кот

Портянкин, очередь за вами.

Портянкин

Я брызну легкими стихами
(читает):
Вешних дней тепло и нега,
Не видать ни льда, ни снега.
Вновь горит созвездье Вега
Я зову Гордона Крега
Посмотреть часы Omega.
Задыхаемся от бега...
С дикой страстью печенега
Обнимаю гибкий стан.
Вы безжалостны, весталка!..
По спине гуляет палка
И цилиндра очень жалко...
Мне пророчила гадалка,
Что у вас охрипнет прялка,
Но охрипла в поле галка.
И не шатко и не валко
Подвигается роман.

Пуффи
(Портянкину)
О, Миннезингер из Пассажа,
Околдовали вы мой слух.

Ерундецкий
(Вятичу)
Вы эротического ража
Не наблюдали у старух?
Я ухожу в простор и в синь
Несеянных полей.

И всюду клин, куда ни кинь,
Весенний дождь полей.
Трава-ковыль, ковыль-трава,
Незнамая моя!
Иду к тебе, бреду едва
В болотные края.

Гуммми-Кот

Уже почти составлен номер,
А поэтическую нить
Не устают поэты вить.
Но чтоб читатель наш не помер,
Его пора и пощадить.

Бриллиантин Вятич
(не обращая на него внимания)
Я здесь в кругу зеленолицых.
Своим я чином пренебрег,
Чтоб на веленевых страницах
Печатать пышность вольных строк.
Моя воздушная химера,
Как легкий хмель, как едкий дым.
Я в назидание слепым
Стихи прочту вам без размера.

(читает)

ПАПА

Мужчины и женщины, плача, садились в трамваи.
Вагоновожатый требовал прибавки и давил.
Утро было радостным. Это было в мае...
Это было на площади, близ нарядных вилл.
Она возвращалась из загородного сада,
На ней было платье в стиле нуво.
Днем она — весталка, ночью — дриада,
В Крестовском на Эстраде она пляшет резво́.

Ночью ее звали в отдельные кабинеты,
Стариков и юношей пьянили духи.
Ее напоили декадентские поэты
И потом сочиняли глупые стихи.
Злые лакеи, ругаясь, им ставили знаки,
Добрые учили, где ставить букву "ять";
У нее ж в глазах горели красные маки.
Ей хотелось плакать, ей хотелось кричать,
Она заработала на больного папу,
Средь веселья и гомона, изнывая в тоске,
А папа нахлобучил набекрень свою шляпу
И целую неделю пропадал в кабаке.

Голоса

О, Боже мой, какая драма!
Стихи такие потрясут!

Пуффи

И неужели эта дама
Не подала на папу в суд?

Голоса

Хорош! Хорош! И тоже светский.

Гумми-Кот

Вы что прочтете, Ерундецкий?

Ерундецкий
(читает)

Охи, вздохи, рифмы плохи,
Рифмы плохи, стих коряв.
Плачу, плачу, мыслей крохи
По дороге растеряв.
Тройка мчится, конь ярится,
Светят яйца в терему.

В этой сказке небылица,
Недоступная уму!
Ярь-Ярило, чье мерило
Ты дарила пастуху?!
Все, что будет, все, что было,
Расскажи, как на духу.
Молодецки Ерундецкий
В темной детской был жесток,
В тихий сад замоскворецкий
Мать-игуменью завлек.

(Сенсация)

П у ф ф и

Ужель завлек? Смешной мужчина!
Кто ж завлекает нынче дам?

Ж а с м и н

Клянусь вам, Пуффи — молодчина!

(Посмотрев на часы)

Пора, однако, по домам...

Г у м м и - К о т

Заря зажглась так дивно-ало...
К нам будет плыть дыханье рек
Фонтанки, Мойки и канала...

(Звонит. Входит заспанный лакей)

Откройте окна, человек!

(Занавес).

Д. В. О-е.

Приложение 2: Коктебель

1. Стихотворение А.Н.Толстого

КОКТЕБЕЛЬ

(письмо)

Пишу я Вам, не торопясь.
К чему? Слежу мечтою длинной,
Как моря сладостная вязь
Взбегает на берег пустынный.
Здесь редко птица пролетит
Иль, наклонясь, утонет парус...
Песок и море. И блестит
На волнах солнечный стеклярус.
Прищурясь поп лежит в песке,
Под шляпою торчит косица;
Иль, покрутившись на носке,
Бежит стыдливая девица.
Стихом пресытившись, поэт
На берег ходит и дельфину
Вверяет мысли. Зной и свет...
Болят глаза, спалило спину...
Но вот раскатистый рожок
Пансионеров созывает –
И кофе (им язык обжег)
В штанах хозяйка наливает...
Творить расходимся потом.
В 12 ровно – час купанья.
Затем обед – и на втором,
Мой бог, всегда нога баранья.
И чай. Потом гулять идут
В деревню, в лавочку иль в горы.
И на закате ужин ждут,
Кидая нищенские взоры...

Но нет, нарушила вчера
Наш сон и грусть разнообразья
На берегу в песке игра:
"Игра большая китоврасья".
Описывать не стану я
Всех этих дерзких ухищрений,
Как Макс кентавр, и я змея
Катались в облаке каменей.
Как сдернул Гумилев носки
И бегал журавлем уныло,
Как женщин в хладные пески
Мы зарывали... Было мило...
Письмо начавши поутру,
Прервал для игр. Храню мечту я
Его окончить ввечеру...
Но сон песчит глаза. И сплю я.

1909

2. Описание комнаты, где жил Гумилев в Коктебеле.

...хотелось побывать в комнате Гумилева, уже описанной Всеволодом Рождественским в "Коктебельской Элегии". Это третий этаж, первая дверь налево от лестницы. Совсем маленькая комната, обращенная в сторону Сюрью-Кая и Святой Горы, с покатым деревянным потолком на шести балках. В ней жил Николай Степанович летом 1909 г., тогда же, когда в Коктебеле гостила Черубина. В келейке написаны Гумилевым "Капитаны".

Длина комнаты вдоль окна шесть с половиной шагов, ширина от двери к окну три с половиной шага. Окно вверху, два с половиной аршина от полу. Не то светелка, не то келья – прообраз будущей тюрьмы. В келье деревянная кровать и маленький белый столик под окном. Над входной дверью надпись на картонной дощечке "Комната Н.С. Гумилева". [...]

3. **Марк Тарловский:**

ВОСПОМИНАНИЯ В КОКТЕБЕЛЕ

Под этим низким потолком
С тюремным вырезом для света,
Здесь жил поэт. И самый дом
Уже тогда был Дом поэта.

Что́ было видно из окна,
Высокого и чуть косого? –
Безоблачная глубина,
Да горы, да соседки – совы...

Он слушал моря мерный вал,
А, может быть, не слушал даже,
И капитанов воспевал,
Душой с отважными бродяжа.

Свой лучший отдых от стихов,
От музы, иногда докучной,
Он видел в битвах пауков,
Плененных им собственноручно.

Он их, наверно, уважал,
Сидельцев спичечных коробок, –
Он сам от битвы не бежал
И в этой битве не был робок,

Когда безумные полки
Георгиевских кавалеров
Запрыгали, как пауки,
В тазу неслыханных размеров,

Когда нездешней розни власть,
Дразня дерущихся тростинкой,
В нем воскресали злую страсть
Тарантульского поединка.

И свой его народ разъял,
Свой Бог попрал, как тунеядца!
Мы все расстреляны, друзья,
Но в этом трудно нам сознаться...

Коктебель. 29. VII. 1922

4. С. И. Дымшиц-Толстая. Воспоминания об Алексее Николаевиче Толстом

[...] В Коктебеле, в даче с чудесным видом на море и на длинную цепь синих гор, Алексей Николаевич вернулся к стихам [...]

Однажды поэты устроили творческое соревнование. Они заставили меня облачиться в синее платье, надеть на голову серебристую повязку и "позировать" им, полулежа на фоне моря и голубых гор. Пять поэтов "соревновались" в написании моего "поэтического портрета". Лучшим из этих "портретов" оказалось стихотворение Алексея Николаевича, которое под названием "Портрет гр. С.И. Толстой" вошло в посвященную мне [...] книгу стихов, "За синими реками", выпущенную в 1911 году издательством "Гриф". Напечатали аналогичные стихи и Волошин и другие поэты.

Приложение 3

1. Стихотворение Н.О.Лернер и др.: "Гумилев"

Вот Николай Степаныч мчится
По Невскому, растерян, дик,
Морозной пылью серебрится
Его курьезный воротник.

Дивит зевак его оленья
Доха, лапландских плод ловитв.
Да, он рожден для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв.

Ах, мало ль во "Всемирной" гурий
До герцогини вплоть самой: –
А он, каналья, просит бури,
Как будто в бурях есть покой.

СПб., 1/14 ноября 1919

2. Э.Голлербах: Диалог между мной и Гумилевым по поводу моего отзыва на "Дракона"

1

"С лица земли сотру я Вас
За пасквиль, дерзостный, змеиный,
За описанье кос и глаз
В "Лесу" прославленной Ирины!
Насмешек я не потерплю!

Так будьте ко всему готовы:
Карьеру Вашу я сгублю
Своим могучим, веским словом".

2

Этой речи грозовой внимая,
"Звезды жались в ужасе к Луне",
Ровно "ничего не понимая",
Но сочувствуя, наверно, мне,
А под африканским небосклоном
Одобрительно чихнул жираф,
Строгой речи своего патрона
Явственное подтвержденье дав.

3

"Я не "изыскан". Пусть ответит Вам
Ваш собственный стыда румянец кроткий.
А я — за всех Вам симпатичных дам
Молюсь перед иконой Notre-Dame,
Внимательно перебирая "Четки".

"К чему все споры, если даже те,
Которые покорны лишь мечте,
"Чье тело — музыка, чье имя — пенье",
Обречены бессмысленной тщете
И "беспощадному исчезновенью"?

"Войдем, как в "лес", в загробную страну,
Незлобивы и благостны, как дети,
И ветви Вам я протяну.
"Безмолвно поднимаясь в вышину
Неисчислимые тысячелетья".

Приложение 4

1. Письма Анны Ахматовой П.Е.Щеголеву

1

11 декабря [1914]

Многоуважаемый Павел Елисеевич,

Посылаю Вам два стихотворения. По телефону справлюсь о их судьбе. Пожалуй, для рождественского номера они не годятся.

Уважающая Вас

Анна Ахматова.

P.S. Коля получил Георгия.

2

[1915]

Многоуважаемый Павел Елисеевич,

Благодарю Вас за приглашение в Ваши журналы. Когда у меня будет что-нибудь на современные темы, с удовольствием отдам Вам. Пока посылаю Колины стихи, кот[орые] я только вчера получила от него с позиций. Стихотворения "Новорожденному", о кот[ором] Вам говорил Ауслендер, у меня сейчас нет, но я его после достану.

До свидания.

Анна Ахматова.

2. Письма А. Ахматовой и Л.М. Рейснер

1

Письмо А. Ахматовой к Л.М. Рейснер

[1920]

Дорогая Лариса Михайловна,

Пожалуйста, опустите в Риге это письмо. Оно написано моей племяннице, о которой семья давно не имеет вестей. Отправив это письмо, Вы окажете мне очень большое одолжение. Желаю Вам счастливого пути, возвращайтесь к нам здоровой и радостной.

Вольдемар Вам кланяется.

Ваша Ахматова.

2

Письмо Л.М. Рейснер к А. Ахматовой

24 ноября 1921

Дорогая и глубокоуважаемая Анна Андреевна!

Газеты, проехав девять тысяч верст, привезли нам известие о смерти Блока. И почему-то только Вам хочется выразить, как это горько и нелепо. Только Вам — точно рядом с Вами упала колонна, что ли, такая же тонкая, белая и лепная, как Вы. Теперь, когда его уже нет, Вашего равного, единственного духовного брата, — еще виднее, что

Вы есть, что Вы дышите, мучаетесь, ходите, такая прекрасная, через двор с ямами, выдаете какие-то книги каким-то людям – книги, гораздо хуже Ваших собственных.

Милый Вы, нежнейший поэт, пишете ли стихи? Нет ничего выше этого дела, за одну Вашу строчку людям отпустится целый злой, пропащий год.

Ваше искусство – смысл и оправдание всего. Черное становится белым, вода может брызнуть из камня, если жива поэзия. Вы радость, содержание и светлая душа всех, кто жил неправильно, захлебывался грязью, умирал от горя. Только не замолчите – не умирайте заживо.

Горы в белых шапках, теплое зимнее небо, ручьи, которые бегут вдоль озимых полей, деревья, уже думающие о будущих листьях и плодах под войлочной оберткой, все они кланяются на языке, который и Ваш и их, и тоже просят стихи.

И горы и земля знают, как молчалива смерть.

Целую Вас, Анна Андреевна...

Искренне Вас любящая

Лариса Раскольникова.

P.S. При этом письме посылаю посылку, очень маленькую, "немного хлеба и немного меда".

Заявление А.И.Гумилевой [матери Н.С. Гумилева] в Правление Всероссийского Союза писателей в Петербурге о правах на литературное наследство Гумилева

Озабоченная судьбой литературного наследия покойного сына моего Николая Степановича Гумилева, права на которое после его смерти перепли к его детям, Льву, находящемуся на моем иждивении, и Елене, которую содержит вдова покойного Анна Николаевна Гумилева, прошу Правление Всероссийского Союза Писателей назначить какое-либо лицо для охраны литературного наследия Николая Степановича Гумилева, заключения договоров с издательствами и театральными предприятиями, получения причитающихся по этим договорам сумм и распределения таковых между наследниками.

Анна Ивановна Гумилева
Декабря 31 дня
1921 года

Жительство имею: Гор[од] Бежецк, Тверской губ., Рождественская улица, Дом Знаменской 15.

Приложение 6

Г. И. Чулков

ПОЭТ-ВОИН

Я вежлив с жизнью современною,
Но между нами есть преграда...

Н. Гумилев

Мы все без исключения пленники Современности, и мы почти все покорны нелегкому игу, которое возложила на человека история. С каждым столетием все новые и новые над нами тяготеют "труды и дни" наших предков. Мы все связаны круговою порукой. Но иные из нас по складу своей души влекутся к Завтра, иные пленяются очарованьем былых дней. И те, и другие нужны живому миру. Жизнь в конце концов определяется равнодействующей [силой?] этих желаний и стремлений. Прав тот, кто говорит, что смысл жизни в ее порыве, в ее полете, в ее отказе от примирения с действительностью. Но не менее прав и тот, кто утверждает прямую и бесхитростную любовь к древней земле, к ее скудному и скорбному, но людям милому бытию. Разумеется, высшая мудрость и живые истины откровения – суть верный залог для оправдания последних противоречий, но это оправдание выходит за пределы психологизма. Каждый день, каждый час включает в себя все многообразие прошлого и будущего. Правда, большинство наших современников носит на себе печать преходящей культуры, знак мгновенной испепеляющей жизни. Такие люди, скользящие по зеркальной поверхности истории, почти фантомы. Их лица не выразительны, их слова бедны. Значительны лишь дерзающие на "новую жизнь". С другой стороны, люди известного нравственного уклона, принявшие без переоценки семью, государство и все косное великолепие истории, необходимы в известном смысле и внутренне оправданы. В этом отношении поэты разделяют участь простых смертных. Их судьба

предопределена их волею к полету или к покою. Надо ли говорить о том, что внешняя подвижность человека вовсе не свидетельствует об его внутреннем élan, об его внутренней уверенности, что когда-нибудь и он чудотворно преобразится? Сколько ни путешествовал Теофиль Готье, как ни любил он разнообразие быта и культуры, как ни забавляли его метаморфозы искусства, всегда этот "poète impeccable" был внутренне неподвижен. Поэзия Гумилева в этом смысле близка поэзии Теофиля Готье. Само собою разумеется, что ни "мэтр и друг" Бодлера, ни наш талантливый [поэт] современник вовсе не нуждаются в оправдании, когда утверждается такое понимание их поэзии. Надо быть фанатичным и слепым сектантом, чтобы отрицать очарование Теофиля Готье только потому, что он прозевал мировые события, занятый исключительно собою и тем, что было вокруг него. Готье был верен самому себе, а в этом вся суть. Он завещал поэту честный труд – "sculpte, lime, cisèle" – и его переводчик, который так удачно перечеканил французские стихи Готье на русский лад, исполнил точно завещание "непогрешимого" мэтра, и не только в своих переводах "Emaux et Camées".

Книги стихов Гумилева хорошие книги, честно сделанные, а последняя, *Колчан*, едва ли не лучшая из них. И в этой книге, несмотря на новые формальные успехи и на новую внутреннюю сосредоточенность, поэт остался верен той "неподвижности", которая была свойственна Готье, Леконт де Лилю или Эредиа. Впрочем, русская душа поэта предопределяет в известной мере ту своеобразную непосредственность и живую сердечность, которые не свойственны латинскому гению.

Хотя цитаты из поэтов мало убедительны, ибо все знают, что "лирическая свобода" – самое первое и самое важное свойство истинной поэзии, и потому, естественно, в противовес любой цитате можно найти десятки противоречащих ей лирических утверждений того же поэта, и даже в той же книге, но несмотря на это приходится иногда пользоваться некоторыми выражениями самого стихотворца, чтобы

пояснить наше отношение к его поэзии, наше понимание его души и сердца.

Так, чтобы яснее показать, насколько чуждо Гумилеву современное мироощущение, антиномичное в существе своем, можно сослаться на его соответственное лирическое признание, не выдавая однако этих стихов за прямое доказательство высказанной мысли:

Я вежлив с жизнью современною,
Но между нами есть преграда...

Это сущая правда. Стоит только перечесть стихи поэта о войне, чтобы не сомневаться более в искренности и точности этого признания.

В недавно опубликованных дневниках Толстого есть между прочим примечательное рассуждение о войне; казалось бы, Толстой принципиально отрицал войну, не должен становиться на историческую точку зрения, но в своих интимных записках он как будто уклоняется от принципиальности: он недоумевает, как это теперь, именно теперь возможно воевать: прежде, во время Наполеоновских войн или даже во время севастопольской кампании, люди, по его мнению, воевали искренно, а вот сегодня, когда каждый гимназист понимает, что война есть зло, воевать уже нельзя, невозможно, противоестественно. Такое толстовское непонимание войны в большей или меньшей степени, несмотря ни на какие философические отговорки, свойственно почти всем современникам. Нелицемерно принимают войну как таковую, войну как "рыцарское и благородное" состояние, а не как необходимое, но всегда ужасное зло, лишь люди такого душевного строя, который вовсе не созвучен новой жизни, новой культуре, новому религиозному сознанию.

Гумилев один из них. Он даже не подозревает возможность рефлексии в деле войны. Он до конца искренен в своей любви к бранной славе. Вот почему так удачны его военные стихи:

Есть так много жизней достойных,
Но одна лишь достойна смерть,
Лишь под пулями в рвах спокойных
Веришь в знамя Господне, твердь.

Здесь нет и тени сомнений. Здесь искренность, твердость, непосредственность, которым позавидует, пожалуй, и самый убежденный из германских воинов.

И так сладко рядить Победу,
Словно девушку, в жемчуга,
Проходя по дымному следу
Отступающего врага.

Это превосходно. Нельзя не восхищаться великолепным сочетаньем слов и торжественным ритмом. Такую счастливую форму для песен [о] битвах мог найти лишь поэт, который ничего не знает о новом душевном опыте, мучительном и глубоком, противоречивом и ответственном.

Гумилев, как поэт, полон юных сил и творческих дерзаний, и, при всем том, он весь в прошлом, а не в будущем, и мы, его современники, воистину можем сказать: мы понимаем вас и ценим, "но между нами есть преграда..."

Я остановился так на теме войны, потому что в сущности здесь ключ к пониманию лирики Гумилева. Стихов, посвященных войне, немного в книгах поэта, но ко всему в этом мире он подходит, как воин, которого на время отпустили из стана, чтобы он отдохнул и пображничал. Гумилев как будто всегда чувствует, что все это "пока", а вот заиграют "марш величавый" и надо вновь садиться на коня по властному зову строгого вождя. Ему и в небе мерещится полководец:

Там Начальник в ярком доспехе,
В грозном шлеме звездных лучей,
И к старинной, бранной потехе
Огнекрылых зов трубачей.

Даже на пороге рая, моля Петра за свою душу, он сам напоминает о своей бранной жизни:

Георгий пусть поведает о том,
Как в дни войны сражался я с врагом.

Для него нет сомнений, что война дело святое и правое:

И воистину светло и свято
Дело величавое войны,
Серафимы, ясны и крылаты,
За плечами воинов видны.

Примечательно, что, несмотря на свой рыцарский воинственный пафос, столь свойственный германской культуре, лирика Гумилева ни в какой мере не зависит формально от поэзии немецкой. Воспитанный в прекрасных традициях родной поэзии, Гумилев и следует им покорно. И если и надо искать иных созвучий в его поэтических опытах, то найти их можно лишь в романских литературах, где есть подлинная любовь к земле и плоти. Гумилев любит земное наше бытие, как француз XIX века, и принимает этот мир, не переоценивая его.

ПРИМЕЧАНИЯ

Список условных сокращений, принятых в примечаниях.

Ап	— журнал *Аполлон* (СПб.)
б. д.	— без даты
Вагин	— "Материалы для биографии Н. С. Гумилева". Публикация и комментарий Е. Вагина. — *Russica 81. Литературный сборник.* Под ред. А. Сумеркина. Нью-Йорк, 1982, с. 361—378.
ВРХД	— *Вестник русского христианского движения* (Париж).
Всем. лит.	— Издательство "Всемирная литература".
Г.	— Гумилев
ГБЛ	— Рукописный отдел Государственной библиотеки СССР им. Ленина (Москва).
Гип	— журнал *Гиперборей* (СПб.).
ГПБ	— Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).
ГЧ	— *Гумилевские чтения.* — *Wiener Slawistischer Almanach.* Sonderband 15. Wien, 1984.
ИМЛИ	— Институт мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР (Москва).
ИРЛИ	— Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, Ленинград.
ЛН	— *Литературное наследство.*
НСП	— Н. С. Гумилев. *Неизданные стихи и письма.* Париж, 1980. (В соответствии с контекстом обозначается либо страница, либо № письма Гумилева к Брюсову).
ОРХС	— "Общество ревнителей художественного слова".
п. шт.	— почтовый штемпель.
РОПД	— Рукописный Отдел Пушкинского Дома.
СС	— Н. С. Гумилев. *Собрание сочинений в 4-х тт.* Под ред. Г. П. Струве и Б. А. Филиппова. Вашингтон, 1962—1968. (В соответствии с контекстом обозначается либо том — римскими, страница — арабскими цифрами, либо номер стихотворения).
стк.	— строка.

Суперфин и Тименчик	— Г. Г. Суперфин, Р. Д. Тименчик. "Письма А.А. Ахматовой к В.Я. Брюсову". — *Cahiers du Monde russe et sovietique*, 15, 1—2 (1974), pp. 183—200.
Тименчик, "Заметки I"	— Р.Д. Тименчик. "Заметки об акмеизме". — *Russian Literature*, 7/8 (1974), pp. 23—46.
Тименчик, "Заметки III"	— Р.Д. Тименчик. "Заметки об акмеизме, III". — *Russian Literature*, *vol.* 9 (1981), pp. 175—190.
Хэйт	— Amanda Haight. *Anna Akhmatova: A Poetic Pilgrimage*. Oxford, 1976.
ЦГАЛИ	— Центральный государственный архив литературы и искусства (Москва).
SEER	— *Slavonic and East European Review* (London).

СТИХОТВОРЕНИЯ

№ 1. Впервые в сб. *Северная речь*, СПб., 1906, с. 136; об этом издании см. прим. 4 к письму Гумилева Брюсову от 11 февраля 1906 г. (№ 1 в настоящем издании). Не переопубликовывалось.

№ 2. ГБЛ, ф. 386, к. 84, ед.хр. 18, л. 12 об. Приложено к письму Гумилева Брюсову от 11 ноября 1906 г. (№ 5 в настоящем издании). Публикуется впервые.

№ 3. Там же, лл. 15—15 об. Приложено к письму Гумилева Брюсову от 25 ноября 1906 г. (№ 6 в настоящем издании). Публикуется впервые.

№ 4. Там же, лл. 19—19 об. Приложено к письму Гумилева Брюсову от ноября 1907 г. (№ 8 в настоящем издании). Публикуется впервые.

№ 5. ИРЛИ, ф. 562. [?] Приложено к опубликованному в настоящем издании письму Гумилева Волошину от мая месяца 1909 г. Сонет написан по "творческому соревнованию" с Волошиным, на рифмы, заданные в его сонете "Облака" (подробнее см. ук. письмо и прим. к нему). Необычная форма "тускней" употребляется также Волошиным. Публикуется впервые.

№ 6. ГПБ, ф. 124, собр. П.Л. Вакселя № 1400. Впервые опубликовано в кн.: М.А. Кузмин. *Собрание стихов*, под ред. Дж.Е. Мальмстада и В. Маркова. Мюнхен, 1977, т. 3, с. 134—135. Этот вариант, который отличается по пунктуации, был предоставлен редакторам анонимным русским собирателем.

№№ 7—9. ГБЛ, ф. 109, к. 15, ед.хр. 15, лл. 6—7. Все три стихотворения приложены к письму Гумилева В.И. Иванову от 3 июня 1911 г. (№ 5 в настоящем издании).

Впервые опубликованы по другому источнику — альбому М.А. Кузьминой-Караваевой — в статье Р.Д. Тименчика, "Заметки III", с.175—177, со след. разночтениями:

№ 7, стк. 9: У нее есть хранитель, волшебно-
ревнивый и страшный
№ 8, стк.11: Но затем этот день, как больное дитя
№ 9, стк.10: Ковер подо мной, точно сеть

В упоминаемой статье Тименчика дается превосходный анализ этих стихотворений в контексте поисков Г. антисимволистской поэтики. В данных вариантах публикуются впервые.

№ 10. Впервые в сб. *Тамаре Платоновне Карсавиной*. Изд. "Бродячая собака", 26 марта 1914 г. Перепечатано в кн. *Русский альманах*, Париж, 1981, с. 79.

Эта версия, переданная нам анонимным русским собирателем, будто списана с рукописи с подписью "Н.С. Гумилев" и датой 16 марта 1914 г. (происхождение рукописи редакторам неизвестно).

Танцовщица Тамара Карсавина выступила в "Бродячей собаке" 26 марта 1914 г. Ей подарили сборник стихотворений, посвященных ей поэтами-завсегдатаями кабаре, в том числе Ахматовой и Кузминым. См. мемуары Карсавиной: *Theatre Street*, Лондон, 1948, с. 254—255.

№ 11. ЦГАЛИ, ф.147, оп.1, ед.хр.2. Дата: май 1917 г. А.Д. Радлова (рожд. Дармолатова, 1891—1949) поэтесса, переводчица; вращалась в кругах акмеистов. Публикуется впервые.

№ 12. ЦГАЛИ, ф.147, оп.1, ед.хр.15, л.2. Б.д. Стихотворение включено в изложение греческого мифа о Девкалионе для детей. Публикуется впервые.

№ 13. ЦГАЛИ, ф.147, оп.1, ед.хр.5, л.16. Б.д. Возможно, это перевод. Публикуется впервые.

№ 14. ГПБ, ф. 625, ед.хр. 728 [?]. Текст и архивная ссылка предоставлены нам анонимным русским собирате-

лем. Ссылка нам кажется сомнительной, без номера картона. Публикуется впервые.

№ 15. ЦГАЛИ, ф. 147, оп. 1, ед. хр. 5, л. 1. Б. д. Возможно, что это фрагмент более длинного стихотворения или перевод. Строфа в квадратных скобках вычеркнута Гумилевым. Публикуется впервые.

№ 16. Текст предоставлен нам анонимным русским собирателем с информацией, что это шуточное стихотворение находится в альбоме Д. С. Левина (1891—1928). Сын адресата, Ю. Д. Левин, опубликовал статью об альбоме отца, "Поэты о дровах", в *Прометее* 4, 1967, с. 414—421. Д. С. Левин отвечал за обеспечение изд. Всем. лит. дровами в голодную и голую зиму 1919—1920 гг. В статье печатаются шуточные стихотворения других сотрудников изд. — Блока, Чуковского, Кузмина, Н. О. Лернера, Н. Оцупа и др., — но не Гумилева, хотя его имя не раз упоминается в статье. Публикуется впервые.

№ 17. Текст предоставлен нам анонимным русским собирателем. Пародия на известные стихи Пушкина.

Роза Васильевна Рура работала буфетчицей в изд. Всем. лит. Альбом ее, с записями и стихотворениями 1920—1921 гг. писателей-сотрудников издательства, хранится в ИРЛИ (см. *Ежегодник РОПД* на 1971 г., с. 126; на с. 127 печатается шуточное стихотворение К. Чуковского, посвященное ей. О ней писал В. А. Рождественский: "...существо неопределенного возраста и необъятных размеров. Закутанная в добрый десяток платков, завязанных толстым узлом на пояснице, седая и краснощекая, торжественно восседала она за небольшим столиком, на котором были соблазнительно разложены папиросы, мелкая галантерея и немудреные сласти той поры..." (В. А. Рождественский. *Страницы жизни. Из литературных воспоминаний*. М., 1962, с. 227. См. также кн.: Н. Оцуп. *Современники*. Париж, 1961, с. 46—48).

ФРАГМЕНТЫ ПОЭМ И ДРАМАТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Мик (фрагменты). ЦГАЛИ, ф. 147, оп. 1, ед.хр. 8. Б.д.

Первый фрагмент написан на листке, пронумерованном Г. "16". Несколько строк совпадают (с небольшими разночтениями) со строками гл. 8 окончательной версии (*СС* II, с. 226), а именно 10 стк., начинающиеся с "Проснулся. ... Старый павиан"; 2 стк. "На той скале Луи лежал, / Руками раны зажимал"; и 4 стк., начинающиеся с "А восемь яростных пантер".

Второй фрагмент, на 2 листках, пронумерованных Г. "20—21", представляет собой эпизод, которого нет в окончательной версии, рассказывающий о фантастическом путешествии Мика по Африке и его возвращении в Аддис-Абебу. Однако, 3 стк. о небесном блаженстве Луи входят — с небольшими разночтениями — в гл. 9 окончательной версии (*СС* II, с. 233, стк. 126—128).

Строки в квадратных скобках — вычеркнуты Г.

Публикуется впервые.

Поэма начала, кн. I. "Дракон", Песнь II. ЦГАЛИ, ф. 147, оп. 1, ед.хр. 9. Б.д.

В четырехтомнике профессор Глеб Струве сослался (*СС* II, с. 340) на существование черновика 2-й части эпической поэмы "Дракон", которая должна была состоять из 12-ти частей, и, как оказалось, он был прав, предполагая, что черновые наброски сохранились в бумагах Г. в ЦГАЛИ. Строфы, впервые опубликованные в настоящем издании, являются тремя версиями Песни II. Каждая версия кажется законченной, за исключением отсутствующих строф 2-й версии, где за ч. 1 и 2 (кончаясь стк. "Отражая огни небес") сразу следует ч. 5. Нам кажется вероятным, что потерялся сложенный листок бумаги, на котором были написаны части 3—4 (Г. нередко писал на сложенных вдвое листках).

В 3-й версии последняя строфа ("Стали образы без названья" и пр.) вычеркнута Г.

К сожалению, почерк Г. ухудшается к концу каждой версии и несколько слов в последней строфе 3-й версии неразборчивы.

В краткой заметке после окончания 3-й версии Г. указывает на план остальных песней поэмы:

Мировые Драконы и их преображ. в земл.
Преобр. зем. др.
Преобр. челов.

По словам В.Н.Осипова, Г. начитал 26 частей "Дракона" на фонографную пластинку, которая хранилась в кабинете изучения художественной речи при Государственном институте истории искусств в Ленинграде, но запись как будто пропала. (См. статью "Памятное слово о Гумилеве", *Вече*, 3 [1971], с. 74).

В Китае (начало поэмы) [1917—1918].

В отделе рукописей ГБЛ хранятся 2 рукописи, написанные Г., которые являются двумя сходными фрагментами начала поэмы: один с заглавием "Два сна. Китайская поэма", другой — "В Китае (начало поэмы)". Судя по фрагменту из той же поэмы в коллекции покойного Г.П.Струве, Г. намеревался написать длинную поэму для детей в 12-ти частях (*СС* II, с. 342).

На рукописи, пронумерованной ф. 1 (С.А.Абрамова), к. 1, ед. хр. 21, заглавие, написанное рукою Г., "В Китае (начало поэмы)", вычеркнуто другой рукой и заменено заглавием "Два сна. Китайская поэма"; той же рукой вычеркнута подпись "Н. Гумилев" и поставлены инициалы "Н. Г.". Согласно пометке архивиста, заглавие заменено Блоком. Этот фрагмент состоит из 37 строф и написан старой орфографией и коричневыми чернилами (дальше будет обозначаться "1, 1, 21").

Рукопись, пронумерованная ф. 1, к. 5, ед. хр. 6 (дальше "1, 5 6"), написана новой орфографией и зелеными чернилами, которые расплывались от сырости, так что она читается с большим трудом. Местами на полях другим почерком написано "рисунок 1", и так до "рисунка 6" (предполагаем, в типографии или редактором). Этот фрагмент состоит из 38 строф, и последняя отмечена редактором [?] "концовка". "Добавочная" строфа в этой версии — строфа № 36. Заглавие этого фрагмента — "Два сна. Китайская поэма".

Основные различия возникают после 14-й строфы обеих версий; самыми заметными являются: 1) распределение строф 15—18; 2) "добавочная" строфа в 1, 5, 6; 3) стихи, прочитанные Тен-Веем: в 1, 1, 21 его стихотворение написано пятистопным ямбом с точными рифмами (в то время, как остальные строфы фрагмента написаны четырехстопным), а в 1, 5, 6 стихотворение написано дольником, с неточными рифмами или ассонансами.

Возникает вопрос, куда поместить фрагменты 1 и 3 из собрания Г.П. Струве (*CC* II, с. 249 и 250—252). Можно предполагать, что фрагмент 1 должен был войти в гл. 2, 4 или 6 (судя по имени "Муаяни"), хотя он слишком короток, чтобы сказать об этом с уверенностью. Фрагмент 3, возможно, является частью гл. 3 ("Печаль. Разговор об Индии... Дракон недоволен": *CC* II, с. 342).

Строфы 3—4 второго фрагмента в *CC* походят на некоторые строфы в 1, 1, 21, кроме имени героини — Лай-Це в 1, 1, 21. Строфы 1 и 5—8 того же фрагмента близко совпадают с обеими рукописными версиями.

Трудно разбираемый текст 1, 5, 6 мы не успели списать, но копией этой версии нас снабдил анонимный русский собиратель, и мы решили напечатать этот вариант, как вероятно более поздний.

Следует отметить следующие разночтения в 1, 1, 21:

стк. 45: Пусть в куче брошенных камней
48: Играть до ужина со мною
97: Как вдруг испуганный Тен-Вей
105: А в этот самый миг за стол
110: Обед окончен, и беседу
117: И гости посреди стола
138: Он обернулся и, краснея,
140: В руках вторая орхидея

Строфы 15, 16, 17, 18 в версии 1, 5, 6 находятся в другом порядке в 1, 1, 21: 17, 18, 15 и 16 соответственно, с разночтением в 1-й стк. строфы 15: "Бежим скорей, кричал Тен-Вей". Строфа 37 в 1, 5, 6 = строфе 36 в 1, 1, 21. Последние 2 стк. строфы 37 в 1, 1, 21 отличаются от двух последних (т.е. строфы 38) в 1, 5, 6 следующим образом:

Забавы детства — весь наш свет,
Все благо — так сказал Конфуций.

Стихи, прочитанные Тен-Веем:

На карминные ущелья пролился огонь луны,
Покрывало водопада свисло с серого утеса,
Лунный отсвет — точно воды, воды — точно небеса.
Холод утра воровато входит в сердце ненюфара.

Сон спокоен, лодка-лист легка,
Слабый ветер, рябь дрожит слегка,

Вплоть до утра, берег-государь,
Двигай осень в шуме тростника.

Воздух солнечный скрывает дождь отсталый,
В туче темной слышен грохот запоздалый,
Звук источника проглочен тяжким камнем,
Прелесть солнца холодна в зеленых соснах.

Фрагменты из драматической поэмы [?]. ЦГАЛИ, ф. 147, оп. 1, ед.хр. 5, лл. 14—15 и 15 об. Б.д.

Все 4 фрагмента, как нам кажется, отрывки из драматической поэмы и являются частями монолога женского персонажа. О теме поэмы трудно судить. Возможно, что это фрагменты перевода. Почерк Г. местами нечитаем, но мы решили опубликовать их, хотя и со многими пробелами, в надежде на то, что они могут быть полезны исследователям творчества Г. Это относится также и к следующим двум фрагментам, "Зеленый тюльпан" и "Не нравится мне это, внук мой Куно!.."

Публикуются впервые.

Зеленый тюльпан. ЦГАЛИ, ф. 147, оп. 1, ед.хр. 10, л. 1, 1 об.-2. Б.д., но на папке рукой архивиста написаны слова "до 1917 г." (на каком основании — неизвестно). К концу фрагмента почерк ухудшается и несколько слов неразборчивы. Возможно, фрагмент перевода.

Публикуется впервые.

"Не нравится мне это, внук мой Куно!.." ЦГАЛИ, ф. 147, оп. 1, ед.хр. 10, л. 2. Б.д. Почерк во многих местах неразборчив. Возможно, что это перевод.

Публикуется впервые.

Гондла, действие I, явления 1—2. ЦГАЛИ, ф. 147, оп. 1, ед.хр. 12. Б.д.

Г. выпустил эти сцены из окончательной версии *Гондлы*, в которой нет ни христианских пленников, ни исландской провидицы.

Публикуется впервые.

Красота Морни. ЦГАЛИ, ф. 147, оп. 1, ед.хр. 11. Б.д. Впервые: в статье Ш. Греем: "N.S. Gumilyov and Irish Legend: An Unpublished Fragment from «The Beauty of Morni»", *Irish Slavonic Studies*, 5 (1984), pp. 167—180.

Е. Вагин приводит цитату "Из отчета о деятельности Секции исторических картин Наркомпроса с 26 августа [sic] по 1 марта 1920 г.": "Готова пьеса Н.С. Гумилева, «Красота Морни»". Из этого следует, что пьеса относится к периоду, когда Г. работал в изд. Всем. лит. (Вагин, с. 378). Подробнее об этом фрагменте в ук. статье Ш. Греем.

ПЕРЕВОДЫ С ФРАНЦУЗСКОГО

1—3. "Привиденье" ("Le revenant") Бодлера. ЦГАЛИ, ф. 147, оп. 1, ед.хр. 29, л. 1; "Слезы медведя" ("Les larmes de l'ours") Леконта де Лиля: там же, л. 2; "Немея" ("Némée") Эредиа: там же, л. 3. 1919 г. Эти переводы связаны с работой Г., как переводчика и редактора переводов французских авторов, в изд. Всем. лит. И.Ф. Мартынов дает интересный обзор работы издательства, вместе со списком переводов и редакторских работ Г., в статье: "Гумилев и "Всемирная литература", *ГЧ*, с. 77—95. Вышеупомянутые переводы, так же как и "Третья элегия" (см. ниже), датируются по списку Мартынова.

В рукописи стихотворения "Слезы медведя" слова, стоящие в начале стк. 6 и 7, смыты водой. Мы позволили себе вставить наиболее вероятные слова на основании французского оригинала и метрики, а именно "море", "рыдаешь" и "зачем".

В стихотворении "Немея", в 9-й стк., — явная ошибка в гумилевской версии: она содержит 14 слогов вместо нужных 13. В беловике Г. несомненно заменил бы слова "Видел он" (может быть, словом "узрел"?).

"Привиденье" было впервые опубликовано в *ВРХД*, № 144 (1985), с. 160 (публикация Ш. Греем). Другие переводы публикуются впервые.

4. "Третья элегия" ("Elégie troisième") Мореаса: ИМЛИ, ф. 188, оп. 2, ед.хр. 29 (фотокопия оригинала, местонахождение которого нам неизвестно), 1919 г. Перевод Г. был отредактирован М. Лозинским (пометка на тексте рукой М. Л.), который заменил слова Г. "Там мы увиделись вдвоем" (строфы 1 и 3) словами "Там, где бродили мы вдвоем", вставил слово "ей" во 2-й стк. 4-й строфы и изменил порядок слов гумилевской фразы "Душа моя" в последней стк.

Публикуется впервые.

5. Стихотворный эпиграф к рассказу Т. Готье "Даниель Жовар". ЦГАЛИ, ф. 147, оп. 1, ед. хр. 41. Б. д.

Эти стихи, написанные на отдельном листке рукой Г., вложены в машинопись перевода рассказов Готье некоей Шунаевой, отредактированного Г., так что они безусловно относятся к периоду его работы в изд. Всем. лит.

Стихи, переведенные Г., стоят в качестве эпиграфа к рассказу.

Публикуется впервые.

СТАТЬИ, ФРАГМЕНТЫ СТАТЕЙ И ЗАБЫТЫЕ РЕЦЕНЗИИ

"Поэзия Бодлера". ЦГАЛИ, ф. 147, оп. 1, ед. хр. 14, лл. 1—6. 1919—1920 гг. И. Ф. Мартынов пишет (*ГЧ*, с. 43), что предисловие, написанное Г. для сборника стихов Бодлера, который должна была выпустить Всем. лит., потеряно. Несомненно, эта статья является тем самым предисловием.

Опубликована впервые в *ВРХД*, № 144 (1985), с. 154—159 (публикация Ш. Греем).

"Африканское искусство" (начало статьи). ЦГАЛИ, ф. 147, оп. 1, ед. хр. 14, л. 14. Б. д., но статья Г. об африканском искусстве была объявлена в рекламе подписки *Ап* на 1914 г. См.: *Ап*, 1914, №№ 1—2, ненум. с.

Публикуется впервые.

[Отрывки из лекции о литературе]. ЦГАЛИ, ф. 147, оп. 1, ед. хр. 14, лл. 11—12.

Насколько нам известно, публикуется впервые.

"Информация: Театр. Книги". ЦГАЛИ, ф. 147, оп. 1, ед. хр. 63. Б. д., но по содержанию можно датировать текст 1918—1919 годом. Редакторам неизвестен перевод Г. корнелевского *Сида*. *Матрона из Эфеса* была опубликована с предисловием Г. в 1923 г. (об этом изд. см.: *ГЧ*, с. 43; предисловие переопубл. там же, с. 204).

Насколько нам известно, публикуется впервые.

Рецензии Гумилева, не вошедшие в четырехтомник. Со времени появления четвертого тома *СС*, было опубликовано еще шесть, не вошедших в него, критических статей Гумилева. Самая длинная и значительная из них — его пост-революционная рецензия на сб. *Арион*, опубликованная с предисловием Г.П. Струве в *Новом журнале* (кн. 133 [1978], с. 105—119). Кроме того, три ранние рецензии из газ. *Речь* и два коротких отзыва из *Гип*, не вошедшие в *СС*, были недавно включены в *ГЧ*.

Четыре рецензии, опубликованные в настоящем издании, все либо не подписаны, либо подписаны лишь инициалами: причины, по которым они могут быть приписаны Г., излагаются в примечаниях. Насколько нам известно, ни одна из них раньше не переопубликовывалась.

Весьма вероятно, что в будущем обнаружатся и другие критические статьи Г. в периодической печати.

№ 1. М. Кузмин. *Осенние озера. Вторая книга стихов*. М., изд. "Скорпион". 1912. — Впервые — *Нива. Ежемесячные литературные и научно-популярные приложения*, № 11, ноябрь 1912, стлб. 489—490, под инициалами Н. Г.

Авторство Гумилева, как будто, подтверждается в сравнении с его рецензией на ту же книгу в октябрьском номере *Аполлона* за 1912 г. (№ 8, с. 61—62; перепеч.: *СС* IV, с. 305—307). Особенно примечательно повторение образа Амура "с его стрелами и колчаном", связанного в обеих рецензиях с эмфатическим ударением на идею о первенстве любви в поэзии Кузмина. Есть сходства и в описаниях разнообразности кузминских тем, и в общих положительных оценках книги.

№№ 2, 3. В первых двух выпусках журнала Цеха поэтов, *Гиперборей* (за октябрь и ноябрь 1912 г.), появилось 11 очень коротких, не подписанных отзывов о новых сборниках стихов. Судя по объявлениям в первой книжке журнала ("редактор-издатель — М. Лозинский"; "при непосредственном участии Сергея Городецкого и Н. Гумилева"), и также на основании подписанных инициалами рецензий в следующих номерах, можно предположить, что рецензентами были Гумилев, Городецкий и Лозинский. Определить авторство каждого из этих отзывов без доступа к архивам журнала, однако, весьма трудно, тем более, если иметь в виду их предельную сжатость и некоторые совпадения в критической терминологии того времени у Гумилева и Городецкого. В настоящее издание мы решаемся включить лишь две рецензии, которые, как нам кажется, почти

достоверно принадлежат Гумилеву. Два других отзыва — на *Вечер* Анны Ахматовой и *Cor Ardens* Вячеслава Иванова — только предположительно можно приписать Гумилеву, поэтому в настоящее издание они не включены.

Рецензия на кн.: В. Брюсов. *Зеркало теней* – *Гиперборей*, № 1 (1912), с. 27. Без подписи.

Приписывается Г. по сравнению с его рецензиями на второй том *Путей и перепутий* Брюсова и на то же *Зеркало теней* (*СС* IV, сс. 199—200, 287—299). В гиперборейской, как и в обеих подписанных рецензиях, делается особенное ударение на сложное внутреннее единство брюсовского творчества при необыкновенной широте охвата (с тем же оборотом: "его творчество представляется нам..." — как в *СС* IV, с. 288). В рецензии на *Пути и перепутья* та же идея, что и в *Гиперборее*, — о необходимости признать техническое совершенство Брюсова даже для тех, кто не любит его поэзию; и в подписанной рецензии на *Зеркало теней* — сходное с гиперборейским замечание об уверенности, с которой Брюсов подходит к своим образам.

С. Городецкий. *Ива.* – *Гиперборей*, № 2 (1912), с. 25. Без подписи.

Рецензия почти автоматически может быть приписана Гумилеву: она слишком открыто акмеистична, чтобы принадлежать называвшему себя символистом Лозинскому (о ней см. ниже, в прим. к его письмам); трудно предположить также, что она является авто-рецензией Городецкого. Есть, однако, и текстологические причины, чтобы приписать ее Гумилеву. Прежде всего, определение акмеизма как "расцвета всех духовных и физических сил" дословно повторяется в рецензии Г. на ту же книгу в *Ап* (1912, № 9; перепеч.: *СС* IV, с. 309). Там же можно найти сходные размышления о постепенном "преодолении символизма" в творчестве Городецкого; и заключительные замечания о мужской и нежно-женской стихиях в его поэзии можно сравнить с упоминаниями о ее "силе и нежности", "гордости и нежности" в гиперборейской рецензии. О "певучей силе" Городецкого Гумилев писал в рецензии на его следующую книгу, *Цветущий посох* (*СС* IV, с. 333—334).

Сдержанный отзыв Г. о творчестве его соратника по акмеизму весьма характерен для "беспристрастности" акмеистического подхода к анализу стихов и для той

"беспартийности", которой придерживался, по утверждению своих редакторов, *Гиперборей* (см., в особенности, редакционные примечания в № 5, с. 26). При этом, однако, заметна существенная разница между неприкрытым пропагандированием некоего идеала акмеизма и строгой оценкой его приблизительного воплощения в творчестве его представителей.

№ 4. Орлы над пропастью. Предзимний альманах. – *Гиперборей*, № 3 (декабрь, 1912), с. 28, под инициалами Г. Н.

Принадлежность этой рецензии Г. подтверждается, отчасти, сравнением с его более поздней рецензией на *Громокипящий кубок* Игоря Северянина, где, между прочим, Г. распространяется о значении "вульгарности" в его поэзии и переиначивает приводимую в рецензии на альманах цитату: "Для Северянина Державиным стал Пушкин" (*СС* IV, с. 321—323). К тому же, сам редактор-издатель этого "третьего альманаха эго-футуризма", И. Игнатьев, по-видимому не сомневался, что автором рецензии был Гумилев, и смотрел на нее как на следствие конфликта Мандельштама с покровительствующим Северянину Ф. Сологубом (см.: Суперфин и Тименчик, с. 196, прим. 1; а также в настоящем издании — о письме И. Северянина). Рецензия, действительно, достаточно полемична: наверное, именно поэтому — и прежде всего из-за колких замечаний в адрес старших писателей — Гумилев и подписался "обратными" инициалами Г. Н. Однако, повод для полемики нужно искать не дальше, чем в самом альманахе: в программной статье Казанского (настоящее имя И. Игнатьева), с которой начинается и кончается рецензия, можно было узнать, что эго-футуризм "светит только имеющим душу. Для импотентов Души и Стиха есть "Цех поэтов", там обретают пристанище Трусы и Недоноски Модернизма". Гиперборейская рецензия, по сравнению с этим, весьма сдержанна.

ПИСЬМА

За редкими исключениями, которые специально оговариваются в примечаниях, все письма воспроизводятся по автографам и, насколько нам известно, публикуются здесь впервые. Многие из них вообще не датированы, или датированы

их авторами не полностью. В таких случаях они датируются нами в квадратных скобках, либо по почтовому штемпелю (если нет повода сомневаться в принадлежности текста к приложенному конверту), либо в соответствии с содержанием, по подробно изложенным причинам. Все письма из-за границы датируются по новому стилю: остальные дореволюционные письма датируются по старому стилю.

Публикацию писем Гумилева, не вошедших либо в настоящее издание, либо в *НСП*, можно найти в *ЛН*, т. 92, кн. 2, с. 56 (к Вл. Пясту); в *ГЧ*, с. 97—98 (к Г. Т. Робакидзе); и в статье: A. Haight. "Letters from Nikolay Gumilyov to Anna Akhmatova". *SEER*, 50, 1 (1972), pp. 100—106 (6 писем). Кроме того, отрывок из еще одного письма Г. к Ахматовой приводится Р. Д. Тименчиком и А. В. Лавровым в *Ежегоднике РОПД на 1974 г.*, Л., 1976, с. 60. Другие письма, адресованные Гумилеву, опубликованы в кн.: *СС* IV, с. 545—548, 563 (от А. Н. Энгельгардт и С. К. Маковского); А. А. Блок, *Собрание сочинений*, т. 8, М.-Л., 1963, с. 386; и *ГЧ*, с. 69—73 (от Ахматовой и Ф. Сологуба).

Письма к В. Я. Брюсову

Письма Г. к Брюсову, хранящиеся в настоящее время в архиве ГБЛ, безо всякого сомнения представляют собой самое ценное из дошедшего до нас эпистолярного наследия поэта. Большинство из них (53 письма) уже опубликованы в *НСП*, и поэтому мы считаем, что было бы неуместным распространяться здесь о значении этой переписки для отражения творческой биографии Гумилева. Опубликованные нами 14 писем, тем не менее, существенно дополняют предыдущую публикацию. Первые 7 писем относятся к 1906 г. Они предшествуют по времени своего написания первым опубликованным в *НСП* письмам и значительно обогащают наши знания об этом раннем периоде жизни Гумилева. Письма 8—12 относятся к последним месяцам 1907 г. — тяжелому, но творчески плодотворному для Г. времени, когда, по его собственным словам, он "забрасывал" Брюсова целой "канонадой" писем. Настоящую публикацию завершает письмо 1912 г. из Италии, касающееся зарождения акмеизма, и письмо, которое датируется нами началом 1920 г. и наверняка является последним письмом Г. к Брюсову. Самое позднее из опубликованных до сих пор писем относится к началу 1913 г. (*НСП* № 53), когда их переписка, по-видимому, оборвалась в связи с неприязненным отношением Брюсова к акмеизму.

Письма 1—8 и 10 уже опубликованы Ш. Греем (*SEER*, 61, 4 [1983], pp. 583—593), и воспроизведены здесь с любезного разрешения редакции этого журнала, с некоторыми исправлениями в тексте и с расширенными примечаниями.

№ 1

ГБЛ, ф. 386, к. 84, ед. хр. 18, лл. 1—2.

1. Имеется в виду рецензия Брюсова на *Путь конквистадоров* – *Весы*, 1905, №11, с. 68. По всей видимости, Г. первым написал Брюсову и послал ему на рецензию свой первый сборник стихов: упоминаемое здесь ответное письмо Брюсова, вероятно, и положило начало их переписке.
2. См. цитату "из прошлогоднего письма" Брюсова в письме к нему Г. от декабря месяца, 1907 г. (№12 в настоящем издании): "говорю Вам, что мне очень бы хотелось, чтобы Вы стали нашим постоянным вкладчиком: присылайте... стихи, рассказы, статьи, заметки о книгах".
3. Прилагавшихся к письму стихов в архиве нет.
4. Сб. *Северная речь*. СПб., 1906. Сборник царскосельских писателей следующего содержания: "Волки", драма П. Загуляева; "Ночью", очерк В. Кривича; "Счастливый брак", рассказ Д. Полознева; "Лаодамия", трагедия И. Анненского; стихи В. Кривича, Н. Гумилева, Д. Коковцева и Никто (И. Анненского). В него вошли стихотворения Г. "Смерти" (№25 в *СС*, с указанными там же разночтениями) и "Огонь" (переопубликованный в настоящем издании).
5. Стихи Г. появились в *Весах* за 1906 г. лишь в № 6 ("После победы", "Умный Дьявол", "Пещера сна": №№ 30, 32, 41 в *СС*, с указанными там же разночтениями. Однако, в "Пещере сна" отсутствуют не 4-я и 5-я строфа, а 4-я и 6-я).
6. Петербургская газета. В 1906 г. (до закрытия газеты в июле) ее литературным отделом заведовал С. В. фон Штейн (о нем см. ниже, прим. 4 к письму Гумилева Кривичу от 2 октября 1906 г.). В *Слове* печатались модернистские поэты, в том числе Брюсов, Анненский, Блок и Сологуб. Несмотря на неудачи со стихотворениями "Там, где похоронен..." и "Крокодил", о которых сообщает Г. в последующих письмах Брюсову (№№ 2 и 4), там же, как будто, появились и его стихи: "У нас... дебютировал мой давнишний царскосельский знакомец Н. С. Гумилев", написал впоследствии

фон Штейн ("Воспоминания об Александре Блоке" — в кн.: *Александр Блок в воспоминаниях современников*. т.1, М., 1980, с.190); в вышеупомянутом письме к Кривичу Г. жаловался, что в *Слове* "даже гонорара не платят". Участие Г. в *Слове* подтверждается также Р.Д.Тименчиком ("Заметки III", с.182). К сожалению, подшивка газеты за 1906 г. осталась недоступной для нас, и мы не можем сказать, какие именно стихи Г. были в ней напечатаны.

Как сообщает Тименчик (*там же*, с.188), в №306 *Слова*, от 21 января 1906 г., напечатана рецензия фон Штейна на *Путь конквистадоров* Гумилева.

№ 2

Там же, лл. 3—4.

1. По-видимому, речь снова идет о сборнике *Северная речь*, на который Брюсов дал рецензию под псевдонимом Аврелий, в *Весах*, 1906, №6, с.64. Его рецензия, в сущности, является довольно сдержанным отзывом лишь на трагедию Анненского "Лаодамия". О Гумилеве в ней не упоминается.
2. Сетования Г. по поводу "творческого одиночества", здесь и в двух последующих письмах, до некоторой степени опровергают утверждения о его ранней близости с И.Ф. Анненским (см. комментарии к его письмам Анненскому и Кривичу). Они показательны и для его отношения к жизни в Царском Селе вообще.
3. *СС* №41, в опубликованном в *Весах* варианте (см. прим. 5 к предыдущему письму).

№ 3

Там же, лл. 5—6.

1. Аттестат зрелости Г., а также сведения о служебной карьере и пенсии его отца ("Аттестат С.Я. Гумилева") — см.: Вагин, с.368—371.
2. Переводы Бальмонта были наиболее полно представлены в кн.: *Собрание сочинений Эдгара По в переводе с английского К.Д. Бальмонта*. т.1. Поэмы. Сказки. М., "Скорпион", 1901. (В этот том вошло 24 стихотворения). Но к маю 1906 г. Брюсов опубликовал переводы всего лишь двух стихотворений По: "Ворон" (*Вопросы жизни*, 1905, №1,

с. 187—190) и "Леоненн" (*Понедельники, литературные приложения к газете "Слово"*, 1906, № 2, 12 февраля, с. 1).

3. Летом 1906 г. Гумилев уехал в Париж, но прожил там лишь до конца апреля — начала мая 1908 г.: его письмо к Брюсову от 12 мая 1908 г. (*НСП* № 27) было написано после его окончательного возвращения в Царское Село (устанавливается по п.шт.: ГБЛ, ф. 384, к. 86, ед. хр. 19). За время своего пребывания в Париже Г. совершил несколько поездок в Россию — отчасти для того, чтобы повидаться с Анной Горенко (Ахматовой); ранним летом 1907 г. он побывал также и в Турции (см.: *НСП*, с. 17). Возможно, что он вернулся оттуда в Париж через Грецию (анонимное сообщение).
4. Встреча Г. с Брюсовым тогда не состоялась. В этой связи см. также *НСП*, с. 49—50 (письмо № 29) — ответ на письмо Брюсова, в котором тот сообщает, что к указанному Г. времени он собирается уехать в Швецию. Это письмо Гумилева ошибочно расположено в архиве ГБЛ (ф. 386, к. 84, ед.хр. 19, л. 28) и поэтому, должно быть, ошибочно датировано (15 июня 1908 г.) в *НСП*: его следует датировать (по п.шт.) 15 июня 1906 г. О том, что Брюсов поехал в Швецию именно в конце июня 1906 г., см. также: Н. Ашукин. *Брюсов в автобиографических записях, письмах, воспоминаниях современников и отзывах критики*. М., 1929, с. 215. Летом 1908 г. он был во Франции (*там же*, с. 243—244).

   Первое личное свидание Г. с Брюсовым состоялось 15 мая 1907 г. (подробности см.: *НСП*, с. 163).

№ 4

Там же, лл. 7—10. Первое дошедшее до нас письмо Гумилева к Брюсову из Парижа. Дата — как и во всех письмах Г. из-за границы — по новому стилю.

1. См.: письмо 1, прим. 6. Газета закрылась в июле 1906 г.
2. Приложенный к этому письму ранний вариант стихотворения "Беатриче I" (*СС* № 105).
3. Первая строфа стихотворения "Beethoveniana" неточно процитирована. Четвертая строка у Иванова: "И прозрачный грустит Зевес".
4. Начало стихотворения "Пан и Психея" тоже неточно процитировано Гумилевым. У Иванова: "Я видел: лилею в глубоких лесах / Взлелеял Пан".

5. Это стихотворение в *Прозрачность* не было включено. Оно целиком цитировалось в статье Иванова "Копье Афины" (*Весы*, 1904, №10). Под заглавием "Subtile virus caelitum", вошло потом в *Северные цветы ассирийские* (М., "Скорпион", 1905), а впоследствии в отдел "Arcana" книги *Cor Ardens*.
6. Из приложенного к данному письму стихотворения "Император" (*СС* №62, под названием "Каракалла").
7. Гумилев цитирует рецензию Брюсова на *Путь конквистадоров* (*Весы*, 1905, №11, с.68).
8. Возможно, что молчание Бальмонта объясняется отчасти возникшим у него к этому времени озлоблением против Брюсова и *Весов* (см.: *ЛН*, т.85, с.688). Несмотря на возмущение, выраженное Гумилевым в данном письме, в январе 1907 г. он снова надеялся встретиться с Бальмонтом (*НСП*, с.9).
9. Судя по письму Гумилева от 8 января 1907 г. (*НСП*, №1), Брюсов в скором времени предложил ему связаться с И.И.Щукиным и Р.Гилем (см. также письмо №8 в настоящем издании).
10. Рекомендательное письмо было от царскосельской писательницы Микулич (см.: *НСП*, с.7, 153). Сам Брюсов рекомендовал Гумилева Гиппиус (см.: *ЛН*, т. 85, с.689), но визит к ней Г., состоявшийся наконец в начале января 1907 г., оказался неудачным (см. то же письмо Гумилева от 8 января 1907 г. и пространный комментарий к нему — *НСП*, с.155—162; ср. также письмо Белого к Брюсову от 14/27 февраля 1907 г. — *ЛН*, т.85, с.405—406).
11. Когда именно познакомился Г. с Ивановым — нам неизвестно. Ахматова вспоминала впоследствии, что Брюсов, в своих письмах к Г. в Париж, "настойчиво рекомендует Коле не встречаться с Вячеславом Ивановым". (Л.Чуковская. *Записки об Анне Ахматовой*, т.1, Париж, 1976, с.46). Однако Иванов, вернувшийся в Россию из-за границы весной 1905 г., как будто и не бывал в Париже во время пребывания там Гумилева. В октябре 1906 г. он точно находился в Петербурге (см., например, *ЛН*, т.92, кн.3, с.259). Судя также по упоминаниям об Иванове в более поздних письмах Гумилева к Брюсову (*НСП*, №№ 28, 33, 37), можно предполагать, что их знакомство произошло — без посредничества Брюсова — лишь по возвращении Г. из Парижа, во второй половине 1908 г.

С Волошиным же Г. познакомился, кажется, именно в Париже (см., например: Е.С. Кругликова. "Из воспоминаний о Максе Волошине" в кн.: *Максимилиан Волошин – художник. Сборник материалов.* М., 1976). Более подробно об отношениях Г. с обоими поэтами см. ниже.

12. См. в настоящем издании ответное письмо Брюсова от 2/15 ноября 1906 г. Названные статьи не были опубликованы, и неизвестно, сохранились ли они или нет. О "Культуре любви" см. также письмо № 6 Гумилева к Брюсову, от 25 ноября 1906 г.
13. Леон Дьеркс (Dierx: 1838—1912) — французский поэт-парнассец. См. также письмо № 6, от 25 ноября 1906 г.
14. Михаил Федорович Ликиардопуло (1883—1925) — близкий сотрудник и секретарь редакции *Весов*. Одна записка к нему Г. опубликована в *НСП*, с. 119.
15. *СС* № 61 (под названием "Императору"), с вариантом в 5-ой строке:

Горе мне! Я не купец, не сенатор,

— и с процитированной в *СС* I, с. 312, добавочной предпоследней строфой.

16. *СС* № 62 (под названием "Каракалла"), со следующими разночтениями:

стк. 10: Цезарь Юлий, Август и Помпей,

13—16: Черное безумье Калигулы,
Конь его, позорящий сенат,
Дикие, тревожащие гулы
Ничего тебе не говорят.

стк. 22: Когда тени упадают ниц
(слово "когда" подчеркнуто).

стк. 23: И когда, как золото на черни,

29: Там в садах торжественное небо,

Вместо 11-й, 12-й и 13-й строф, следуют две строфы:

Меж ветвей раскидистых платана
Притаился безобразный пар.
Стон земли несется из тумана,
Стон земли, больной от диких чар.

И великой мукою вселенной
На минуту грудь свою омыв,
Ты стоишь божественно-надменный,
Император, ты тогда счастлив.

Две последние строки:

Ты красиво-звонкими стихами
Пробуждаешь юную зарю.

17. *СС* № 63 (без названия), со следующими разночтениями:

стк. 11: Беспечально с ночью споря
14: Император стал у моря,
16—20: И утонченного слуги
В мире странного скитальцы
Становились друг за друга
Поднимая в знак испуга
Изукрашенные пальцы.
22: Чуждой людям и природе,
23: Крокодил блистал у судна
25: На серебряной подводе.

18. *СС* № 105 (без названия, как первое стихотворение цикла "Беатриче"), со следующими разночтениями:

стк. 2: Грусть свою в песнях излейте,
5: Прочь, козлоногие фавны,
18: В сердце его беспокойном
19: Сделались вихрями света
20: Полднем горящим и знойным.
21: Музы, в красивом пеанте

№ 5

Там же, лл. 11—13.

1. Ср. другие, отчасти противоречивые, рассуждения Г. о влиянии на него Парижа в его письмах к Брюсову от 20 августа 1908 г. (*НСП* № 31) и к Анненскому от начала 1909 г. (в настоящем издании).
2. Элифас Леви — псевдоним Alphonse-Louis Constant'a (1810—1875) — пожалуй, самая влиятельная фигура французского оккультного "возрождения" XIX века.
3. Выставка русского искусства, организованная Дягилевым, состоялась в парижском Осеннем Салоне 1906 г.
4. Кажется, что, как и статья о выставке Дягилева, предложенная Брюсовым статья о французских поэтах осталась

не написанной. Первые печатные высказывания Г. о французской поэзии — его отзывы о переводах Брюсова в газете *Речь* от 24 ноября 1908 г. и 20 июля 1909 г. (перепеч.: *СС* IV, с. 382—386).

5. Скорее всего — пьеса *Шут короля Батиньоля*, на которую Г. ссылается в следующем письме и которую он впоследствии якобы "предал забвению" (письмо № 10, от 30 ноября 1907 г.). Кажется, однако, что он вновь обсуждал — и отверг — возможность ее постановки в разговоре с А. М. Ремизовым в начале 1909 г. (Тименчик, "Заметки III", с. 188, прим. 34).
6. Первый вариант стихотворения "Думы". Здесь — без названия, в версии, близкой к *СС* № 27 а, со следующими добавочными разночтениями:

стк. 1—7: Мне было грустно, думы обступили
Меня, как воры в тишине предместий,
Унылые, как взмахи черных крылий,
Толпились и требовали мести.
Я был один, мои мечты бежали,
Моя душа сжималась от волненья,
И я читал на каменной скрижали,

11: За то, что я кровавыми руками

7. В *СС* не вошло: публикуется впервые в первом разделе настоящего издания.

№ 6

Там же, лл. 14—15.

1. Опубликованное в настоящем издании письмо от 2/15 ноября 1906 г.
2. В *СС* не вошло: публикуется впервые в первом разделе настоящего издания. Это же стихотворение — судя по началу ("Недавно у берега нашего..."), в несколько другом варианте — Г. уже послал Кривичу в письме от 2 октября 1906 г. (№ 1 в настоящем издании).

№ 7

Там же, лл. 20—21.

1. В опубликованном в настоящем издании письме от 2/15 ноября 1906 г.

2. В настоящее время только одно стихотворение, "Неоромантическая сказка" (в варианте, близком к № 64 а в *СС*), приложено к этому письму.
3. О *Золотом руне* см. ниже, примечание к письму Н.П. Рябушинского.

№ 8

Там же, лл. 18—19. Это письмо ошибочно помещено в архиве среди писем 1906 г.

1. Рене Гиль (псевдоним Rene Ghilbert'a, 1862—1925), поэт "второй волны" французского символизма. Главный представитель и теоретик "научной поэзии", автор целого ряда статей и "Писем" о французской поэзии в *Весах*. Гиль также принял близкое участие в составлении и редактировании № 6 *An* (1910 г.), целиком посвященного французской литературе и искусству. О его возможном влиянии на Г. см.: Elaine Rusinko. "Acmeism, Post-symbolism and Henri Bergson". *Slavic Review*, 41 (1982), pp. 497—500 *et passim*.

   Ко времени данного письма Брюсов написал большой очерк о Р. Гиле (*Весы*, 1904, № 12, с. 12—31) и уже давно состоял с ним в переписке (подробнее см.: Е. Маргарян. "В. Брюсов и Рене Гиль". *Брюсовские чтения 1966 года*. Ереван, 1968, с. 511—538). В конце 1906 г. он же, по-видимому, предложил Гумилеву познакомиться с Гилем. Но Г., после своего злополучного визита к Мережковским, "боялся идти" к нему (*НСП* № 1) и, действительно, долго уклонялся от встречи. В письме от 6 сентября 1907 г. он благодарит Брюсова за письмо к Гилю и сообщает, что он "пойдет к нему через неделю" (*НСП* № 7), но 2-го октября, ссылаясь на свое "мрачное настроение", он признается, что у Гиля все еще не был (*НСП* № 9). Встреча Гумилева с Гилем наконец-то состоялась неделю спустя, 9 октября 1907 г. (см.: *НСП* № 10).

   На этом основании и датируется настоящее письмо.
2. В августе 1907 г. Брюсов стал литературным редактором "левой" московской газеты *Столичное утро*. В письме, условно датированном в *НСП* "после августа 1907" (с. 79; в действительности, письмо датировано самим Брюсовым "3/16 сент. 1907": см.: ГБЛ, ф. 386, к. 71, ед. хр. 3, л. 1), он предложил Гумилеву печататься в ней. За это Г. поблагодарил Брюсова в письме от

28 сентября (н. ст.) 1907 г. (*НСП* № 8). Но почти сразу же после письма Брюсова к Г., в газете *Русское слово* от 7 сентября 1907 г., появилось коллективное письмо об уходе из редакции *Столичного утра*, под которым стояла и подпись Брюсова. Об этом, судя по данному письму, Брюсов немедленно сообщил и Гумилеву. Однако на этом дело не кончилось: бойкотирование оказалось непродолжительным (подробнее см.: *ЛН*, т. 92, кн. 1, с. 502), и через некоторое время Г. опять благодарит Брюсова за предложение "устроить" его в *Столичном утре* (*НСП* № 12). Но на этот раз газета была "приостановлена в административном порядке"; и до ее закрытия, 19 октября 1907 г., стихи Гумилева в ней не появились.

3. Гумилев бойкотировал *Золотое руно* также по просьбе Брюсова — в том же письме от 3/16 сентября 1907 г. (*НСП*, с. 79). Более подробно об этом см. ниже, примечание к письму Н. П. Рябушинского.
4. В №№ 32 и 33 *Руси* за 1907 г. вошли стихотворения Г. "Воспоминание" (*СС* № 34, без заглавия, и с ук. в *СС* I, с. 308, разночтениями) и "Мечты" (*СС* № 35).
5. В письме от 28 сентября 1907 г. (*НСП* № 8).
6. Стихи Г. (перечисленные ниже, прим. 5 к письму № 1 Брюсова) появились между стихами В. Гофмана и Б. Садовского в *Весах*, 1907, № 7; стихи С. Соловьева, Е. Тарасова и Ф. Сологуба были опубликованы в *Весах*, 1907, № 8 (за август) — вместе с вызвавшей восторженный отзыв Г. шестой главой *Огненного Ангела* Брюсова.
   О Сологубе Г. счел возможным писать уже через год — в газете *Речь* от 18 сентября 1908 г. (перепеч.: *СС* IV, с. 200—202).
7. Рецензия Брюсова на *Цветы и ладан* С. Соловьева опубликована в *Весах*, 1907, № 5. Рецензия далеко не такая лестная, как намекает Гумилев.
8. Гумилев имеет в виду начало стихотворения С. Соловьева: "Я блуждал в лесу родимом, / Где звенела тишина..." (*Весы*, 1907, № 7, с. 11).
9. Цитата из *Моцарта и Сальери* Пушкина.
10. Опубликовано впервые в настоящем издании.

№ 9

ГБЛ, ф. 386, к. 84, ед. хр. 20, лл. 39—41. Это не датированное письмо лежит вне последовательности, в конце архивного собрания писем Гумилева к Брюсову.

Письмо датируется нами на основании приложенных к нему стихотворений и по связи с другими письмами Г. к Брюсову того времени. Двумя "уже известными" Брюсову стихотворениями, должно быть, являются "Над тростником..." (*СС* № 45, под названием "Гиена") и "Улыбнулась и вздохнула" (*СС* № 39, под названием "Самоубийство"), приложенные в письмах к нему Гумилева от 28 сентября и 2 октября 1907 г. (*НСП* №№ 8 и 9). Из других приложенных к данному письму, стихотворение "Приближается к Каиру судно" (*СС* № 52, под названием "Зараза") было вторично отправлено Брюсову, как "одно из моих старых", в письме от 16 декабря 1907 (*НСП* № 13); стихотворение "От кормы..." (*СС* № 57, под названием "Помпей у пиратов") было также вторично отправлено в письме от 7 января 1908 г. (*НСП* № 15. Последние строки этого письма, и указание на приложенные стихотворения, отсутствуют в *НСП*: окончание письма таково: "Поэтому я буду очень благодарен, если в "С. Утр." появятся какие-нибудь мои стихи из имеющихся у Вас до его выхода. Искренне преданный Вам. Н. Гумилев" — ГБЛ, ф. 386, к. 84, ед. хр. 19, л. 1). Таким образом, данное письмо можно датировать между 2 октября и 16 декабря 1907 г.; такая датировка косвенно подтверждается упоминанием о журнале *Луч* (см. ниже).

Исходя из этого, можно заключить, что это письмо было написано либо до отъезда Г. в Россию в октябре 1907 г., либо после его первого письма по возвращении в Париж, от 30 ноября (см. письмо № 10 в настоящем издании и прим. к нему). Более ранняя датировка, на наш взгляд, является самой вероятной — не только из-за упоминания о "Заразе" как о "старом стихот." в письме от 16 декабря, но и по возможной связи данного письма с *НСП* № 12. Последнее, наверное, является откликом на то же неизвестное нам письмо Брюсова, и по всей видимости представляет тот самый список стихотворений, о котором и упоминается в начале данного письма. По причинам, изложенным в прим. к последующему письму, *НСП* № 12 датируется нами серединой — концом октября 1907 г.

1. Первый номер недолговечного журнала *Луч* вышел к 20 сент./3 окт. 1907 г. (ср. письмо Блока к матери от 20 сентября: А. А. Блок, *Собрание сочинений*, т. 8, М.-Л., 1963, с. 207). Третий номер, приуроченный к 28 октября, так и не появился в печати (там же, с. 216, 588).
2. О встрече Г. с Брюсовым в Москве см. выше, прим. 4 к письму № 3. Гумилев снова упоминает о "соблазне" парнассизма в письме к Брюсову от 14 июля 1908 г. (*НСП* № 30).

3. *СС* № 96, под названием "Маэстро" и с незначительным вариантом в 9-ой строке:

К золотым спускались рыбкам.

Возможно, что и в других прилагавшихся к письму стихотворениях были разночтения по сравнению с *СС*, но этими текстами мы не располагаем, поэтому сверить не удалось.

№ 10

ГБЛ, ф. 386, к. 84, ед.хр. 18, лл. 16—17. Что касается датировки, то это письмо, как и предыдущие, неправильно расположено в архиве.

1. Если принять четко поставленную Г. в начале данного письма дату, на основании вступительных слов нужно считать ошибочной дату 26 ноября 1907 г. в письме № 11 *НСП*. По всей видимости, последнее следует датировать 2 декабря 1907 г.: вместо весьма неразборчивого на этот раз гумилевского 26^{11} 07, можно читать 2^{XII} 07 (ГБЛ, ф. 386, к. 84, ед.хр. 18, л. 50). К тому же, *НСП* № 12, условно датированное ноябрем 1907 г., относится по содержанию к опубликованным там же №№ 9 и 10 и к письму № 8 в настоящем издании. Оно является ответом на письмо Брюсова, в котором тот, в свою очередь, ответил на *НСП* № 10, от 9 октября 1907 г.; и как таковое, оно явно предшествует как данному письму, так и *НСП* № 11. На основании тех же вступительных слов к данному письму, а также имея в виду, что письма из Парижа в Москву иногда доходили за 3-4 дня (см. почтовые штемпели), можно предполагать, что *НСП* № 12 скорее всего датируется серединой—концом октября 1907 г.
2. Гумилев заехал в Киев в октябре 1907 г., чтобы повидаться с Анной Горенко (см.: Хэйт, с. 14). Дата указана по старому стилю, и поэтому только подтверждает вышеприведенную датировку *НСП* № 12 (написанного, должно быть, до отъезда Г. из Парижа) серединой—концом октября по *новому* стилю.
3. В киевском журнале *В мире искусств* было опубликовано по крайней мере одно стихотворение Гумилева: "Я долго шел по коридорам" (*СС* № 48; вошло в № 20—21 журнала за 1907 г., с. 5). Судя по прим. в *СС* I, с. 307, 310, сам Г. еще не знал об этом, когда готовил к печати *Романтические цветы* в начале 1908 г.
4. *Радости земной любви. Три новеллы* (посвященные Анне Андреевне Горенко) — впервые опубликованы в *Весах*,

1908, № 4, с. 31—37. О них см. также в двух последующих письмах.

5. См. письмо № 5, прим. 5.
6. *СС* № 51 — без названия, и со следующими разночтениями:

стк. 7: И — кто поймет намек священной тайны? —
16: Сплетаяся в молитвенном экстазе.
18: С отливами змеиными на шкуре.
19: Над скалами, где кроются пещеры,
23: Пускай сирокко носится в пустыне,

7. *СС* № 43 (под названием "Любовники"), со следующими разночтениями:

стк. 1: Печаль их душ родилась возле моря,
6: Едва ль была людская красота,

8. Стихи Гумилева в *Золотом руне* опубликованы не были. См. ниже, примечание к письму Н.П. Рябушинского.

№ 11

ГБЛ, ф. 386, к. 84, ед.хр. 19, лл. 54—55. Это и следующее не датированное письмо близко совпадают как по содержанию, так, по-видимому, и по времени написания. Письма датируются на основании ссылки на статью о выставке (письмо № 12), по связи с письмом от 16 декабря 1907 г. (*НСП* № 13). Они публикуются в данном порядке на основании просьб Г. передать его рукописи на чтение "редактору" *Весов*, хотя упоминание в обоих письмах о *Радости земной любви* может подвергать эту последовательность некоторому сомнению.

1. По письмам от октября (?) 1907 г., *НСП* №№ 10 и 12.
2. Все три стихотворения напечатаны, кажется, впервые — в виде цикла под названием "Озеро Чад" в *Романтических цветах*: "Носорог" — под названием "Барабанный бой племени Бурну" (ср. *СС* I, с. 311).
3. *СС* № 56, в ук. там же (I, с. 311—312) ранней редакции, со следующими добавочными разночтениями:

стк. 9: Я была женой великого вождя,
12: Совершала тайну древнего обряда.
39: Шкур пантерных и тканей восточных.
54: Чтобы спать, вечернею порою
58: Взор мой с каждым часом потухает,

№ 12

Там же, л. 42.

1. Наверное, в том письме, на которое Г. ссылается в письме № 1, от 11 февраля 1906 г.
2. См. выше, письмо № 5.
3. Т.е. о Кавальканти. Речь снова идет о *Радостях земной любви*.
4. Статья Гумилева "Выставка нового русского искусства в Париже" (*СС* IV, с. 423—425) напечатана в *Весах*, 1907, №11, с. 87—88. Ее появление в ноябрьском номере объясняется опять-таки разницей между старым и новым стилями.
   Об этой статье см. также: *НСП* №№ 13 и 14.

№ 13

ГБЛ, ф. 386, к. 84, ед.хр. 20, л. 33. Письмо частично процитировано в публикации Суперфина и Тименчика, с. 194. Датируется с учетом первого письма к Брюсову по возвращении Г. из Италии (б.д., как *НСП* № 49; в ГБЛ, ф. 386, к. 84, ед.хр. 20, с п.шт. от 22 мая (ст. ст.) 1912 г.).

1. О поездке Гумилева и Ахматовой в Италию в апреле—мае 1912 г. см.: Хэйт, с. 23. Бóльшая часть итальянских стихов Г. вошла потом в *Колчан*. Четыре не вошедшие туда — *СС* №№ 306—309.
2. Автограф прилагавшихся к письму стихотворений отсутствует. По последующему письму Гумилева (*НСП* № 49) можно заключить, что в числе приложенных были "Рим" и "Пиза" (*СС* №№ 163, 165). Они были опубликованы, вместе со стихотворением "Генуя" (*СС* № 94), в *Русской мысли*, 1912, № 7.

№ 14

Там же, л. 34. Архивную датировку "1918(?) г." нужно считать ошибочной (см. прим. 3 и 4).

1. Николай Авдеевич Оцуп (1894—1958) — поэт, ученик и друг Гумилева в последние годы его жизни. В 1922 г. — эмигрировал во Францию. Оцуп написал многочисленные очерки и статьи о Г., а также интересную докторскую

диссертацию (Nicolas Otzoupe. "N.S. Goumilev". Doctorat de l'Université, présentée à la Faculté des Lettres de l'Université de Paris, 1952). Он нередко упоминает о Г. в своих стихотворениях, является редактором его избранных стихов (Н.С. Гумилев. *Избранное.* Париж, 1959).

В отношении датировки данного письма следует добавить, что сам Оцуп относит свое сближение с Г. к концу 1919 г. (Н. Оцуп. "Николай Степанович Гумилев".—*Опыты*, № 1, Нью-Йорк, 1953, с. 137—138).

2. Михаил Леонидович Слонимский (1879—1972) — впоследствии видный советский писатель. С 1919 г. сотрудничал во Всем. лит., а в 1921 г. вошел в группу "Серапионовы братья". О его отношениях с Гумилевым нам ничего не известно.
3. Возможно, что имеется в виду издательство "Цех поэтов", выпустившее свой первый альманах, под названием *Дракон*, в Петрограде в 1921 г. Как известно, этот альманах стал комплектоваться уже в марте 1920 г. — еще до окончательного оформления "третьего" Цеха поэтов (*ЛН*, т. 92, кн. 3, с. 530): стихи Брюсова в него не вошли. На этом, не совсем твердом, основании предположительно датируется данное письмо.
4. Гумилев имеет в виду следующие книги В.Я. Брюсова: *Опыты по метрике и ритмике, по евфонии, созвучиям и формам. Стихи 1912–1918 гг.* М., "Геликон", 1918; *Краткий курс науки о стихе.* Часть первая. М., "Альцион", 1919.

Письма к В.И. Анненскому-Кривичу

Валентин Иннокентьевич Анненский-Кривич (1880—1936) — сын поэта И.Ф. Аненского. Поэт, критик (и, в качестве такового, автор рецензии на "Скрипку Страдивариуса" Гумилева — "Заметки о русской беллетристике". *Ап* №1, 1909, с. 24—26, 2-ая паг.), автор важных, хотя и не оконченных воспоминаний об отце ("Иннокентий Анненский по семейным воспоминаниям и рукописным материалам". *Литературная мысль*, № 3, Л., 1925, с. 208—255; упоминаний о Гумилеве здесь нет), блюститель его литературного наследия (ср. письмо №6). Более подробно о Кривиче см. вступительную статью Р.Д. Тименчика к публикации его писем к Блоку (*ЛН*, т. 92, кн. 2, с. 315—322).

Опубликованные в настоящем издании письма — существенное свидетельство приятельских отношений Гумилева и Кривича. Они могли познакомиться начиная с 1903 г., когда, как известно, Г. переехал из Тифлиса в Царское Село. Его семья поселилась недалеко от Анненских, и он поступил в Николаевскую гимназию, директором которой в то время был И.Ф. Анненский. Уже в начале 1906 г. Г. и Кривич вместе участвовали в сборнике *Северная речь* и, возможно, также в газете *Слово*, куда Кривич давал стихи и критические заметки (об этих изданиях см. выше, прим. 4 и 6 к первому письму к Брюсову). Тогда же, по сообщению Р.Д. Тименчика, они стали обмениваться новыми стихами ("Заметки III", с. 182; ср. также письмо № 1 Кривичу).

Первое письмо Гумилева, от 2 октября 1906 г., указывает как на семейную, так и на литературную основу их знакомства. Но в нем также несомненно чувствуется и разница в возрасте (Г. был лет на шесть моложе Кривича). Желание Гумилева получать "подробные мнения о своих последних стихах" отражается и в его письмах к Брюсову того времени (письма № 2 и № 4 в настоящем издании), и, судя по последним, можно заключить, что Кривич не удовлетворял его требованиям в этом отношении.

Следующие три письма, по нашим расчетам, относятся к 1908—1909 гг. В этот последовавший за возвращением Г. из Парижа период он особенно часто встречался с Кривичем (см. также опубликованные в настоящем издании письма Гумилева к И.Ф. Анненскому), и кажется, что к 1909 г. их отношения стали более равными. Они нередко бывали друг у друга на литературных собраниях; в 1909 г. Кривич также принимал некоторое участие в подготовке первых номеров *Ап* (см. "И.Ф. Анненский. Письма к С.К. Маковскому". Публикация А.В. Лаврова и Р.Д. Тименчика. *Ежегодник РОПД на 1976 г.* Л., 1978, с. 232).

В дальнейшем их литературные контакты стали более редкими и случайными. Как и Гумилев, Кривич иногда посещал заседания ОРХС (см.: *Ап*, 1914, №№ 1—2, с. 135; *ЛН*, т. 92, кн. 2, с. 315), но не разделял энтузиазма Гумилева относительно литературной жизни столицы. Его сотрудничество в *Ап* прекратилось после смерти отца, и характерно, что он не входил в Цех поэтов. Но оба они часто посещали "не модернистские" "Вечера Случевского" (см. извещения этого кружка и прошения Гумилева о зачислении в члены общества Е.А. Зноско-Боровского и П.П. Потемкина — ЦГАЛИ, ф. 5, оп. 1, ед.хр. 6); и весьма возможно, конечно, что они продолжали встречаться как соседи

по Царскому Селу. После революции — в то время, когда Г. уже жил в Петрограде, — они оба выступили на вечере Союза деятелей художественной литературы 24 марта 1919 г. (см.: *ЛН*, т. 92, кн. 2, с. 315; 320, прим. 7); и летом 1920 г. Кривич оказался одним из немногочисленных приглашенных в Петроградский филиал Союза поэтов, приемную комиссию которого составляли тогда Блок, Гумилев, Лозинский и Кузмин (см.: *Дом искусств*, 1921, №1, с. 74; *ЛН*, т. 92, кн. 3, с. 506).

Кроме опубликованных здесь писем, в личном фонде Кривича находится литературный альбом, в который, по всей вероятности, вошли автографы Гумилева. (ЦГАЛИ, ф. 5, оп. 1, ед. хр. 111).

№ 1

ЦГАЛИ, ф. 5, оп. 2, ед. хр. 2, л. 1. Самое раннее из известных нам писем Гумилева из Парижа.

1. Любовь Федоровна Деникер — сестра И.Ф.Анненского. Ее сын, поэт Nicolas Deniker, по всей видимости, стал хорошим другом Гумилева: о своем намерении посещать "пятницы" Р. Гиля "вместе с Nicolas Denicer [sic] — молодым французским поэтом, моим приятелем" Г. сообщил Брюсову в письме от конца следующего, 1907 г. (*НСП* № 13); в опубликованной в настоящем издании биографической справке П.Н. Лукницкого мы читаем, что в Париже Г. "охотно бывает в Jardin des Plantes и в других зверинцах, б. ч. с молодым франц. поэтом — Nicolas Denicer". К этому можно добавить, что Деникер-отец, видный этнограф и антрополог Joseph Deniker (1852—1918), был библиотекарем Музея в парижском Jardin des Plantes, — а сын был известен в семье как "единственный поэт, родившийся в зверинце" (F. Steegmuller. *Apollinaire*. Harmondsworth, 1973, p. 83. Здесь же приводятся сведения о его ранней дружбе с Аполлинером). Некоторые подробности о поэтической карьере Деникера можно найти в *НСП*, с. 170—171, и в статье: E. Rusinko. "Acmeism, Post-Symbolism, and Henri Bergson". *Slavic Review*, 41, 3 (1982), pp. 501—502).
   Возможно, что Гумилев встречался с Деникером и во время своих более поздних поездок в Париж.
2. Никакие переводы Гумилева стихов Деникера нам не известны.
3. О газете *Слово* см. выше, прим. 6 к письму № 1 В.Я. Брюсову.

4. Имеется в виду Сергей Владимирович фон Штейн (1882—1951?) — по словам Р.Д. Тименчика, "родственник и почитатель Анненского, родственник и корреспондент Ахматовой, ранний приятель Гумилева" (цит. по статье: В.Н. Топоров. "Две главы из истории русской поэзии начала века". *Russian Literature*, VII—VIII (1979), с. 303, прим. 17). О раннем знакомстве фон Штейна с Гумилевым см. выше, прим. 6 к письму № 1 В.Я. Брюсову. Он эмигрировал в 1921 г. (жил в Тарту, а потом в Риме, в Югославии и в Западной Германии), и тогда же, под псевдонимом В. Станицкий, написал некрологическую статью о Гумилеве ("Погиб поэт..." — газета *Последние новости*. Ревель, 1921, № 225, 16 сентября).

   Фон Штейн был мужем старшей сестры Анны Ахматовой, Инны Андреевны. О смерти последней (от туберкулеза) упоминается в данном письме Гумилева.

   В своем комментарии к письмам Ахматовой к фон Штейну Э. Герштейн приводит некоторые подробности о судьбе его архива (в кн.: *Анна Ахматова. Соч.*, т. 3, Париж, 1983, с. 609). Письма Ахматовой теперь находятся в личном фонде фон Штейна в ЦГАЛИ (ф. 1298); но о возможном наличии там и писем Гумилева к фон Штейну нам, к сожалению, ничего не известно.

5. Наталья Владимировна — сестра С.В. фон Штейна, жена Кривича. Мы не знаем, о какой поэме идет здесь речь (известно, что ее мужу была посвящена поэма в *Жемчугах* "Северный Раджа" — *СС* № 216). Помимо посвященного ей короткого стихотворения "Заводи" (*СС* № 94), нам известно лишь то, что 21 января 1906 г. Г. записал в ее альбоме два до сих пор не опубликованных стихотворения "Искатели жемчуга" и "Н.В. Анненской" ("В этом альбоме писать надо длинные, длинные строки, как нити...") (см.: Тименчик, "Заметки III", с. 188, прим. 29).

6. Первое из этих стихотворений, с разночтением в первом слове, также приложено в письме к Брюсову от 25 ноября 1906 г. (№ 6 в настоящем издании). Публикуется нами по этому источнику. Второе, вошедшее в *Жемчуга* под заглавием "Беатриче I" (*СС* № 105), также приложено в письме к Брюсову от 30 октября 1906 г. (№ 4 в настоящем издании).

№ 2

Там же, л. 4.

В архиве это не датированное Гумилевым письмо помечено (рукой архивиста?) "б.д. / Весна 1912/". Такую датировку можно допустить, во-первых, по связи с изданием единственного стихотворного сборника Кривича (*Цветотравы*. М., 1912); и во-вторых, по связи с известной поездкой Гумилева и Ахматовой в Швейцарию и Италию (на самом деле, однако, *через* Швейцарию *в* Италию, и обратно через Австрию) весной 1912 г. (см.: Хэйт, с. 23). Но, тем не менее, эта архивная датировка вызывает существенные сомнения. 3 апреля 1912 г. Гумилев уехал вместе с Ахматовой (*там же*) — в то время, как в данном письме он сообщает об отъезде лишь от первого лица. К тому же, он вернулся в Царское не в *декабре* 1912 г., а незадолго до 22 мая (см. выше, прим. к письму № 13 В.Я. Брюсову). Трудно представить себе, что его планы могли так существенно меняться; и не менее трудно поверить, что Гумилев вообще решился бы уехать из Петербурга на восемь месяцев (кстати, с уже беременной женой) именно весной 1912 г. Он тогда уже объявил о своем "отрицательном отношении к символизму" (см. ниже, прим. 1 к письму № 6 В.И. Иванову), и весьма живо интересовался теми "возможностями новых группировок" в "литературном Петербурге" (*НСП*, с. 73), которые непосредственно привели к первым декларациям акмеизма в декабре того же 1912 г. (ср. хотя бы его майское письмо к Брюсову, № 13 в настоящем издании).

Более приемлемая датировка данного письма, на наш взгляд, — начало сентября 1908 г. "Числа седьмого" сентября 1908 г., как Г. сообщил Брюсову в письме от 20 августа (*НСП* № 31), он отправился — один — из Царского, побывал, как известно, в Египте (см. следующее письмо и прим. к нему) и вернулся в Царское, правда, не в декабре, а около десятого ноября (ср.: *НСП*, с. 55). Из опубликованного в настоящем издании письма к Вере Аренс от [25 сент.] / 8 окт. 1908 г. мы также знаем, что он тогда уже "долго ждал" ее — или хотя бы ее письма — в Константинополе; в том же письме он сообщает свой адрес: "Греция. Патрос ... до востребования". Из всего этого можно заключить, хотя бы весьма условно, что, отправляясь из Царского, Гумилев, может быть, действительно намеревался поехать через Грецию в Европу, — пожалуй, в сопровождении В. Аренс (и ее родственников?). Но, отчаявшись дождаться ее, он вдруг уехал не в Грецию, а в Египет (о поездке

в Абиссинию он думал уже в июле — *НСП* № 30), где оказался через семь дней после упоминаемого письма к Аренс (ср. письмо № 3 к ней). Его дальнейшие планы были весьма неопределенными (см. прим. к следующему письму).

Следует добавить, что в пользу ранней датировки данного письма говорит также и форма обращения "Многоуважаемый Валентин Иннокентьевич" — та же самая, что и в письмах к Кривичу, датированных 1906—1908 г. В более поздних письмах Г. употреблял более интимное "Дорогой Валентин Иннокентьевич".

Несмотря на предположительный характер наших доводов, кажется, нет почти никаких оснований отнести данное письмо к какому-либо другому времени.

№ 3

Там же, л. 2. Написано на лицевой стороне открытки с видом пирамид.

В других известных нам открытках из Египта — к В.Е. Аренс с п.шт. от 15 октября (публикуется выше) и к В.Я. Брюсову с п.шт.: "Constantinopole, 19 oct. 1908" (*НСП* № 32, без даты; датируется нами по подлиннику — также с видом пирамид — ИМЛИ, ф. 13, оп. 3, № 85) — Гумилев еще замышлял поехать в Палестину или в Малую Азию. В открытке к Брюсову, однако, чувствуется какая-то неопределенность (ср.: "поеду не знаю куда, но только не в Рим": о возможных причинах см. выше); и по данной открытке можно заключить, что он в этих местах, наверное, не бывал.

О дате его возвращения см. прим. к предыдущему письму.

№ 4

Там же, л. 3.

1. Письмо датируется условно по архивной пометке. Упоминание об Абиссинии позволяет отнести его либо к ноябрю 1909, либо к сентябрю 1910 г. (ср. ниже, прим. к письмам № 1 и № 3 В.И. Иванову). За неимением сведений об упомянутой в нем драме Зноско-Боровского, мы не можем с уверенностью отнести его к какому-нибудь одному из этих годов; но хотя бы по тому, что в 1910 г.

Г. уехал чуть ли не в начале литературного сезона, архивная датировка является, пожалуй, наиболее убедительной.

2. Евгений Александрович Зноско-Боровский (1884—1954) — драматург, театральный критик и шахматист. Секретарь редакции *Ап* с 1909 г. по 1911 г. — он ушел из редакции, кажется, в связи с "большим шахматным турниром в Петербурге" (И. фон Гюнтер. "Под восточным ветром". — *Мосты*, 15 (1970), с. 339); с того же 1909 г. — близкий друг Гумилева (см. четыре коротких письма к нему Гумилева — *НСП*, с. 123—125). К акмеизму Зноско-Боровский относился скептически (см.: газ. *Русская молва*, №14, 22 декабря 1912), хотя возможно, что и впоследствии он продолжал быть в дружеских отношениях с Гумилевым. Согласно анонимной пометке на папке с "письмами от неустановленных лиц Гумилеву" (ЦГАЛИ, ф. 147, оп. 1, ед. хр. 38), ему же может быть условно приписано находящееся там, местами совсем неразборчивое, письмо от 1 июля 1914 г., с просьбой к Г. прислать оттиск его перевода поэмы Браунинга "Пиппа проходит" (опуб.: *Северные записки*, 1914, № 3, с. 39—98) — и письмо о том, "что он делает и где живет". Письмо написано на "ты", и тон его весьма дружеский. В пользу авторства Зноско-Боровского говорит и упоминание Ахматовой о наличии письма от него, в ее письме к Гумилеву из Слепнева от 13 июля 1914 г. (*ГЧ*, с. 69; Г. находился тогда в Териоках — см. в настоящем издании письмо № 2 М.Л. Лозинского).
С начала 20-х годов Зноско-Боровский жил в эмиграции.

№ 5

Там же, л. 6.

1. Письмо не датировано, и бесспорных оснований для его датировки нет. Можно, однако, предполагать, что, в отличие от лета 1909 г. (см. письмо № 3 Гумилева к Анненскому), Кривич не выходил бы по воскресеньям именно в конце сезона 1909—1910 гг., так как он тогда был в трауре по своему отцу. И.Ф. Анненский неожиданно скончался 30 ноября 1909 г. — уже после того, как Г. отправился в Абиссинию (см. письмо № 1 к В.И. Иванову) — и о новой привычке Кривича Г. узнал бы лишь по своем возвращении в феврале—марте 1910 г.

2. Сергей Абрамович Ауслендер (1886—1943) — прозаик, критик и драматург, племянник М.А.Кузмина. Близкий сотрудник *Ап*, который, как и Зноско-Боровский (см. выше), дружил с Г. особенно в ранний период журнала. Ему посвящено стихотворение Гумилева "Маркиз де Карабас" (*СС* № 85), а в 1912 г. Г. дал интересную в контексте акмеизма рецензию на его вторую книгу рассказов (*СС* IV, с. 415—416). Ауслендер посвятил Г. свой рассказ "Ганс Вреден", впервые опубликованный в том же выпуске газеты *Речь* (5 июля 1910 г.), что и его длинная и весьма положительная рецензия на *Жемчуга*.

№ 6

Там же, л. 5; на бланке журнала *Ап*. Датируется по сравнению с письмом К.Ю.Ляндау к В.Я.Брюсову от 29 марта 1916 г. (*ЛН*, т. 92, кн. 3, с. 460).

1. Константин Юлианович Ляндау (1880—1969), вместе с Е.Г.Лисенковым был "инициатором ... *Альманаха муз*, который предполагался как периодическое издание. Вышел только один выпуск в издательстве *Фелана* в 1916 г. (*там же*. В прим. к ук. письму можно найти список многочисленных сотрудников альманаха).
   Кроме того, Ляндау был автором сборника стихов *У темной двери* (М., 1916), на который Г. дал довольно суровую рецензию в *Биржевых ведомостях* (утр. вып., 30 сентября 1916; перепеч.: *СС* IV, с. 368—369).
   О его личных взаимоотношениях с Г. нам больше ничего не известно.
2. *Альманах муз* открылся ранее не публиковавшимся стихотворением И.Ф.Анненского "Если любишь — гори!". Кажется весьма вероятным, что инициатива в этом деле принадлежала всецело Гумилеву.
   Сам Г. дал в альманах свое произведение "Игра. Драматическая сцена" (перепеч.: *СС* III, с. 35—38).

Письма к В. Е. Аренс

Насколько нам известно, данные письма, датированные промежутком между июлем и октябрем 1908 г., являются единственной сохранившейся частью переписки Г. с Аренс.

Вера Евгеньевна Аренс (1890—1962; в замужестве — Гаккель) была сестрой Анны Евгеньевны (первой жены Николая Пунина, третьего мужа Анны Ахматовой), Зои Евгеньевны и Льва Евгеньевича Аренса, литературного критика, ученого и друга Ахматовой.

Как и когда Г. познакомился с Аренс — нам не известно, хотя можно предполагать, что они вращались в одних и тех же художественных и интеллектуальных кругах в Царском и в Петербурге: Л. Титов, в своих воспоминаниях об Ахматовой, упоминает мимоходом о Вере Аренс как об одном из "друзей первого призыва" Анны Ахматовой (в кн.: *Памяти Анны Ахматовой*. Париж, 1974, с 215). Но приводимые письма Г. к Аренс представляют интерес, отчасти, именно тем, что его явное романтическое увлечение ею относится к тому времени, когда он усиленно ухаживал за Ахматовой, посвятил ей книгу, стихи, рассказы и уже неоднократно просил ее руки (см.: Хэйт, с. 14; и ниже, прим. к письму № 3).

По всей видимости, "роман" Г. с Аренс, который, судя по его письмам, носил несколько односторонний характер, не продолжился после 1908 г. После революции они, должно быть, снова встречались: Аренс работала переводчицей при Всем. лит. (см.: *Ал. Блок. Переписка. Аннотированный каталог*. т. 1, М., 1975, с. 30—31; т. 2, М., 1979, с. 16—17) и была приглашена стать членом Петроградского филиала Союза поэтов (см.: *Дом искусств*, 1921, № 1, с. 74).

№ 1

ЦГАЛИ, ф. 1216, оп. 1, ед.хр. 7, л. 1. Конверт адресован: Ее Высокоблагородию Вере Евг. Аренс, Приморская Санатория. П.шт.: Царское Село, 3 [?] июля 1908 г.

№ 2

Там же, л. 3. Открытка с видом Константинополя. Адрес тщательно стерт.

Некоторые соображения о заграничной поездке Г. осенью 1908 г. см. в прим. к письму № 2 В.И. Кривичу.

№ 3

Там же, л. 2. Открытка с видом "Denderah, Temple of Athor". Адрес опять стерт.

Кажется, что в Египте Г. попытался покончить жизнь самоубийством (см.: Хэйт, с. 14; ср. также стихотворение "Эзбекие" — *СС* № 246). Приводимые письма наводят на мысль о том, что причиной этого являлась, пожалуй, не одна лишь Ахматова.

В Палестину Г., наверное, не поехал (см. выше, прим. к письму № 3 В.И. Кривичу).

Письма к И. Ф. Анненскому

Как известно, в 1903 г. Г. поступил в 7-ой класс Царскосельской Николаевской гимназии, которую окончил к началу июня 1906 г. Директором гимназии, до начала 1906 г., был поэт Иннокентий Федорович Анненский (1885—1909); на этом основании, но обычно при отсутствии точных свидетельств, высказывалось немало догадок о возможной ранней близости двух поэтов.

Анненский, не только директор гимназии, но одно время и классный наставник Гумилева (Тименчик, "Заметки III", с. 182), не мог не знать о поэтической деятельности своего ученика, пока тот был еще гимназистом. Между прочим, как указано выше (прим. 6 к письму № 1 В.Я. Брюсову), в феврале 1906 г. они одновременно выступали в "царскосельском" сборнике *Северная речь* и по приглашению родственника Анненского, С. В. фон Штейна, вероятно, оба участвовали в газете *Слово*. К тому же, на благосклонность Анненского к Г. несомненно указывает рекомендательное письмо к Деникерам, данное им Гумилеву (см. письмо № 1 Гумилева к Кривичу). Но, кажется, все-таки нет оснований предполагать какую-нибудь особенную близость между ними в этот очень трудный для Анненского период. Дарственные надписи Г. на экземплярах Анненского *Пути конквистадоров* и *Романтических цветов*, как нам сообщили, весьма почтительны и сдержанны; о достаточно отдаленном, уважительном отношении бывшего ученика к школьному директору свидетельствует и первое опубликованное здесь письмо от

самого конца 1908 — начала 1909 г. По этому письму можно заключить, что Г. — как и в последние гимназические годы — был значительно ближе знаком с сыном Анненского, В.И. Кривичем (ср. письма Гумилева к нему), чем с самим Анненским, и что у Анненского он далеко еще не был, как писал С.К. Маковский, "своим человеком". ("Н. Гумилев по личным воспоминаниям". *Новый журнал*, кн. 77 (1964), с. 163).

В течение последующих месяцев — до смерти Анненского в ноябре 1909 г. — Г. и Анненский, по-видимому, стали чаще и более близко общаться: Г. нередко бывал у Анненского и приглашал старшего поэта на литературные вечера, которые он в то время начал регулярно устраивать у себя. При этом Г., искренний почитатель Анненского и в каком-то смысле пропагандист его творчества (см. свидетельство Волошина в публикации А.В. Лаврова и В.П. Купченко "И.Ф. Анненский. Письма к М.А. Волошину". — *Ежегодник РОПД на 1976 г.*, Л., 1978, с. 242, прим. 1) играл важную роль, введя Анненского в модернистские литературные круги и связав его со многими литераторами столицы (ср. письмо № 2). В частности, Г. познакомил его с Маковским, с Волошиным, может быть, и с В.И. Ивановым, и тем решающе способствовал возникновению *Аполлона* (см.: Лавров и Купченко, *ук. соч.*, с. 242—243 *et passim*; и публикацию А.В. Лаврова и Р.Д. Тименчика, "И.Ф. Анненский. Письма к С.К. Маковскому". — *Там же*, с. 223, 225—226 *et passim*). Но от опубликованной переписки этих "старших писателей" создается впечатление, что все они смотрели на молодого Г. слегка свысока, как на полезную, энергичную, но второстепенную фигуру (кроме упомянутых публикаций, см. также в настоящем издании прим. 1 к письму С.К. Маковского). Тон второго и третьего письма Г. к Анненскому остается почтительным и корректным; и сам Анненский, который, кажется, немного двусмысленно оценивал творчество Г. (см. письмо № 1, прим. 1) до самого конца своей жизни, по-видимому, не относился к Г., как к равному (ср. прим. к письму № 3 и стихотворную надпись Анненского "Меж нами сумрак жизни длинной" на экземпляре Г. *Тихих песен* — в кн.: И.Ф. Анненский. *Стихотворения и трагедия*. Л., 1959, с. 221).

№ 1

ЦГАЛИ, ф. 6, оп. 1, ед. хр. 316, л. 1. Частично процитировано (без указания источника) в статье Р.Д. Тименчика, "Заметки III", с. 183.

1. Речь идет о рецензии И.Ф. Анненского на *Романтические цветы* Гумилева, опубликованной впервые в газете *Речь*, 1908, № 308, 15 декабря; перепечатанной, с ценным комментарием, в статье Г.П. Струве "Иннокентий Анненский и Гумилев: "Неизвестная" статья Анненского". *Новый журнал*, кн. 78 (1965), с. 279—287. Рецензия подписана инициалами И. А., "несмотря на настойчивую просьбу редакции... подписать ее полным именем" (Тименчик, *ук. соч.*, с. 188, прим. 31). Возможно, это было связано с некоторой двусмысленностью данной рецензии — более заметной в отвергнутых вариантах (см. отрывки из них, *там же*, с. 182—183).

№ 2

Там же, л. 3.

Это и следующее не датированное письмо неправильно расположены в архиве: данное письмо, по-видимому, было написано немного раньше другого. Основаниями для его точной датировки мы не располагаем: однако, можно заметить, что одно из посещений Анненским литературного вечера у Г. состоялось 3 апреля 1909 г., когда он вписал в альбом племянницы Г. свое стихотворение "Среди миров" (см. прим. в кн.: И.Ф. Анненский, *Книги отражений*. М., 1979, с. 665).

№ 3

Там же, л. 2.

Письмо процитировано почти целиком в вышеупомянутой публикации Лаврова и Тименчика, с. 236, прим. 2. Речь идет о воскресенье, 30 августа 1909 г. — как можно определить по опубликованному там же письму Анненского к Маковскому от 31 августа: "Гумилеву мы бедному вчера все faux bond сделали — и Вы, и я, и Вяч. Ив. Вышло уже что-то вроде бойкота. Если бы я получил Вашу телеграмму до отправки своей, то, пожалуй, потащился бы к нему есть le veau gras (je l'exècre... le veau) и больной". В словах Анненского нельзя не заметить очевидного оттенка снисходительной иронии.

Следует добавить, что Кузмин, по всей вероятности, также не поехал на этот вечер Г. (ср. дневники В.И. Иванова, в его же *Собрании сочинений*, т. 2, Брюссель, 1974, с. 757).

1. По предположению Лаврова и Тименчика, Г. имеет в виду свою короткую поэму "Сон Адама" (*СС* № 116).

Письмо к М.А. Волошину

ИРЛИ, ф. 562. Текст предоставлен нам анонимным русским собирателем.

По всей вероятности, Г. познакомился с Максимилианом Александровичем Кириенко-Волошиным (1877—1932) в Париже в 1907—1908 гг. (см. письмо № 4 к Брюсову, прим. 11). Но хотя у них в Париже были общие знакомые, как среди русских, так и среди французских писателей (в числе последних — Р. Гиль и Н. Деникер), сближение между ними, о котором свидетельствует данное письмо, произошло, наверное, лишь после окончательного возвращения Волошина в Россию в январе 1909 г. С того времени Г. стал, по-видимому, сравнительно часто встречаться с ним (ср.: "И.Ф. Анненский. Письма к М.А. Волошину". Публикация А.В. Лаврова и В.П. Купченко. *Ежегодник РОПД на 1976 г.* Л., 1978, с. 242, прим. 1). Оба они активно сотрудничали в предварительной организации *An* (там же, *passim*), и в письме Гумилева содержится упоминание о том, что летом 1909 г. он гостил у Волошина в Коктебеле. К тому же, Волошин был одним из трех поэтических "мэтров", к которым обратились Гумилев, А.Н. Толстой и П.П. Потемкин весной 1909 г. с намерением учредить "Академию стиха" (В. Пяст. *Встречи.* М., 1929, с. 137; об "Академии" см. также письмо № 2 к В.И. Иванову, прим. 2). Лекции Волошина в "Академии", кажется, не состоялись, но сам факт почтительного отношения Г. к творчеству Волошина, которое сквозит и в его довольно дружеском письме, достоин внимания: интересный вопрос о влиянии Волошина на поэтическую теорию и творчество Г. еще ждет своего исследователя.

Как известно, Г. и Волошин порвали всякие отношения в ноябре того же 1909 г., когда между ними состоялась дуэль по поводу Е.И. Дмитриевой-Черубины (см., отчасти, в биографическом отделе настоящего издания). Они снова встретились, по-видимому, лишь во время поездки Г. в Крым, за два месяца до его смерти: "подали друг другу руки, но разговаривали недолго: Гумилев торопился уходить". (М.А. Волошин. "Воспоминания о Черубине де Габриак". Публикация А.Н. Тюрина. *Новый журнал*, кн. 151 (1938), с. 207).

1. Письмо Волошина нам неизвестно, но далее речь идет о присылке его сонета "Облака" ("Гряды холмов отусклил марный иней", вошедшего в цикл "Киммерийские

сумерки"; перепеч. в кн.: М. Волошин. *Стихотворения*, т. 1, Париж, 1982, с. 76) и о его вызове Гумилеву написать сонет на те же рифмы. Ответный сонет Г., приложенный к данному письму, публикуется впервые в первом разделе настоящего издания.

2. Речь идет о сонете Г. "Освобождение" (впервые — *НСП*, с. 102) и о вошедшем в Cor Ardens "Sonetto di risposta" Иванова ("Не верь, поэт, что гимнам учит книга"; перепеч. в его *Собрании сочинений*, т. 2, Брюссель, 1974, с. 336) — в котором, кстати, Иванов "уточняет" "не вполне точные" рифмы Гумилева. Сонета Волошина на эти же рифмы мы не знаем; но можно добавить, что его "Сехмет" ("Влачился день по выжженным лугам"), из того же цикла "Киммерийские сумерки" (перепеч.: *Стихотворения*, т. 1, с. 76—77), также является буримэ — откликом на еще один "конкурс сонетов", который Г. затеял в то время с Е.И. Дмитриевой (см. их сонеты и прим. к ним в биографическом разделе настоящего издания). Другой случай совместного участия Г. и Волошина в частых тогда "творческих соревнованиях" косвенно упоминается в воспоминаниях С.И. Дымшиц-Толстой (настоящее издание, приложение 2 и прим. к нему).
3. Гумилев уехал из Петербурга 25 мая и приехал в Коктебель 30 мая 1909 г. (см. ниже, прим. к сонетам Г. и Дмитриевой).
4. В 1908—1909 гг. у М.А. Кузмина, кажется, был роман с Сергеем Сергеевичем Позняковым (у Г. — неправильно написана фамилия). См. акростихи и др. посвященные Познякову стихотворения в сб. Кузмина *Осенние озера* (М., 1912).
5. Петр Петрович Потемкин (1886—1926), поэт и переводчик, был близок в то время к Г., в частности по учреждению "Академии стиха" (см. выше) и журнала *Остров*.
6. В первый номер *Острова* Волошин отдал свои стихотворения: "Вещий крик осеннего ветра в поле" и "Священных стран...". Об истории журнала см. *СС* IV, с. 531 и *НСП*, с. 186. Ср. также пародийную статью "Остов" — приложение 1 в настоящем издании.
7. Имеется в виду Елена Оттобальдовна (1850—1923) — мать Волошина.

Письма к В.И. Иванову

Отношение Гумилева к видному символисту Вячеславу Ивановичу Иванову (1886—1949) несомненно является одной из ключевых тем для изучения творческой биографии Г., и прежде всего для понимания формулировки и сущности его акмеизма. До сих пор, однако, эта тема была весьма мало исследована, и многое в сложных отношениях двух поэтов остается неясным. Опубликованные нами письма существенно помогают зафиксировать, хотя бы в общих чертах, первые этапы их отношений, которые рассматриваются здесь лишь во "внешием", биографическом плане. Отдельные моменты сложного отражения этих отношений в творчестве Г. наиболее до сих пор полно обсуждались в статьях: Р.Д. Тименчик. "Заметки III"; и M.G. Basker. "Gumilyov's *Akteon*: A Forgotten Manifesto of Acmeism". *SEER*, 63, 4 (1985), pp. 498—517.

С Ивановым Гумилев познакомился, по нашим соображениям (письмо № 4 к Брюсову, прим. 11), к середине 1908 г. В письмах того времени он часто уверял Брюсова, что остается его верным учеником и что "в дионисианскую ересь" Иванова (*НСП*, с. 60) не совратится. За его словами, однако, несомненно слышится сильное желание при возможности ближе сойтись со знаменитым петербургским "мэтром" символизма. К февралю 1909 г. Гумилев, кажется, всего только три раза встретился с Ивановым (*там же*), но с тех пор произошло быстрое и настоящее сближение двух поэтов: — сначала, должно быть, по "Академии стиха" (см. письмо № 2, прим. 2); отчасти, может быть, по изданию *Острова* (ср. *НСП*, с. 120); и по организации *Ап* (см. ниже, прим. к письму С.К. Маковского). Хорошее представление о достаточно интенсивном общении между двумя поэтами дают дневники Иванова за 1909 г., охватывающие, к сожалению, лишь период с 25 июня по 8 сентября (В.И. Иванов. *Собрание сочинений*, т. 2, Брюссель, 1974 г., с. 773—806).

К этому этапу наиболее близких отношений относятся первые два письма Гумилева, от конца 1909 г. — когда, как известно, Иванов чуть было не поехал с Гумилевым в Абиссинию (*ЛН*, т. 85, с. 523). Для характера отношений показательно, что тон писем хорошо определяется дневниковой записью самого Иванова от 25 августа: "Я многим молодым какой-то друг, старший брат; меня, кажется, любят — так, что даже не боятся исповедоваться, и почтительны настолько, что никто никогда не спрашивает ничего обо мне, все со мной говорят о себе и о своем". (*Ук. соч.*, с. 795).

Третье письмо, относящееся к концу следующего, 1910 г., свидетельствует о сравнительном охлаждении в отношениях Гумилева и Иванова. Причины этого, по-видимому, надо искать в более широком контексте отношений Иванова к *Ап* — которые стали ухудшаться еще с конца 1909 г. (*ЛН*, т.92, кн. 3, с. 361, 370) — и прежде всего в полемике вокруг его знаменитого доклада о символизме, известного в переработанном виде как "Заветы символизма". Доклад был прочитан в Петербурге в ОРХС (при редакции *Ап*) 26 марта 1910 г.; и в ходе прений, продолжавшихся еще на следующих двух заседаниях ОРХС, было четко выявлено враждебное отношение к позициям Иванова со стороны "поэтической молодежи", сгруппировавшейся вокруг редакции журнала (см., например, *ЛН*, т. 92, кн. 3, с. 336). Среди оппонентов Иванова сразу же оказался и Гумилев (ср.: А.А.Блок. *Записные книжки*. М., 1965, с.170). Возможно, что его статья "Жизнь стиха", опубликованная в апрельском номере *Ап* (№ 7, 1910), является до некоторой степени отголоском этих прений. В этом плане, без сомнения, надо расценивать напечатанную там же рецензию Иванова на *Жемчуга*.

Два месяца спустя "Заветы символизма" были опубликованы в *Ап* вместе с сопроводительной статьей Блока, "О современном состоянии русского символизма" (*Ап* № 8, за май—июнь 1910 г.). Как известно, уже в 9-ой книжке журнала (за июль—август) последовал полемический ответ Брюсова, "О "речи рабской" в защиту поэзии" — который "очень покорил" Гумилева, "как, впрочем, и всю редакцию" (*НСП*, с. 69). Как мы теперь знаем, последствием брюсовской статьи было оставшееся не опубликованным "письмо в редакцию" Иванова и одно время казалось, что причины, побудившие его написать это письмо, заставят Иванова окончательно покинуть журнал (см.: *ЛН*, т.92, кн. 3, с. 370). Гумилев снова отправился в Африку во время затянувшихся пререканий по поводу "Заветов", но порывать с Ивановым по-видимому не рассчитывал. На фоне изложенных событий, его третье письмо можно воспринимать, как примирительное.

Следующее письмо Гумилева — короткое печатное приглашение, отправленное сразу же по его возвращении из Африки — также может быть связано с возможным примирением между ним и Ивановым (см. ниже). Но лишь несколько дней спустя Г. прочел в ОРХС свое стихотворение "Блудный сын" (*СС* №155) — которое, по словам Н.Я. Мандельштам, "Вячеслав Иванов подверг... настоящему разгрому. Выступление было настолько резкое и грубое,.. что друзья Гумилева

покинули "Академию" и организовали "Цех поэтов" в противовес ей". (*Вторая книга*. Париж, 1978, с. 47; — об уходе из "Академии" не совсем верно). Некоторые соображения по поводу возможных идеологических причин поведения Иванова содержатся в вышеупомянутой статье М. Баскер: к ним можно добавить, что к тому времени, должно быть, стало известно, что стихотворный отдел *Ап* был отдан всецело в заведование Гумилева (см. прим. 1 к письму С. К. Маковского). В этом Иванов мог усмотреть некий личный отпор и зафиксирование его отстояния от молодого поколения.

Пятое письмо Гумилева, написанное через три месяца после инцидента с "Блудным сыном", превосходно прокомментировано в ук. статье Тименчика как "не лишенная лукавства" проверка отношений с Ивановым. Ответ Иванова был сухим и двусмысленным (см. ниже) и, вероятно, положил конец всей сколько-нибудь существенной переписке между двумя поэтами. Но, тем не менее, они продолжали встречаться на литературных собраниях следующего "сезона", пока Иванов не уехал из Петербурга в мае 1912 г. — сначала надолго за границу, а затем в Москву. Приглашением на одно литературное собрание того сезона — вечер Цеха поэтов 1 февраля 1912 г. у Гумилевых в Царском — и заканчивается наша публикация писем Гумилева к Иванову. Несмотря на его чисто деловой характер, возможно, что оно также "не лишено лукавства". На первых собраниях враждебно настроенного к нему Цеха, открывшихся 20 октября 1911 г., Иванов по-видимому не бывал; а собрание 1 февраля лишь на две с половиной недели предшествовало первым открытым заявлениям Гумилева и Городецкого о своем отречении от символизма в целом (см. ниже). Не исключено, что это и было то собрание у Гумилевых, на котором, по воспоминаниям Ахматовой, "был решен акмеизм". (А. Ахматова. *Сочинения*, т. 2, Мюнхен, 1968, с. 174).

В дальнейшем Иванов и Гумилев, по всей видимости, весьма редко встречались: нам достоверно известно лишь то, что они иногда присутствовали одновременно на иных заседаниях ОРХС (см., например, *Ап*, 1914, № 5, с. 53; *Ап*, 1916, № 2, с. 55). Отголоски их (двусторонней) полемики — которая, кстати, чаще всего носила скрыто-косвенный характер — можно найти и в поздних стихах Гумилева; но в заключение интересно заметить, что, несмотря на литературные распри 10-х гг., Иванов не переставал сохранять добрую память о своем строптивом ученике. По словам О. А. Дешарт, Иванов "всю жизнь свою непосредственно, неизменно любил трех главных представителей [акмеизма]":

... Гумилева, не говоря уже о высокой оценке его творчества, В. И. горячо любил, порою бывал в него восторженно влюблен, в его безумную дерзость, в его рыцарское бесстрашие. Когда Гумилев рассказывал ему о своих абиссинских походах на львов и леопардов, В. И. слушал его, замирая от волнения, как дети слушают сказки. А военные доблести Гумилева, его два георгиевских креста, вызвали в душе В. И. "восторг и умиление". Даже в старости ему было "весело" вспоминать о тех подвигах, вопреки всему печальному ужасному (прим. в кн.: Иванов. *Собрание сочинений*, т. 1, Брюссель, 1971, с. 848—849).

Частичное подтверждение этих слов содержится в упоминании Иванова о "Гумилеве, нашей погибшей великой надежде" в предисловии 1931 г. к книге И. Голенищева-Кутузова (перепеч. в кн.: *Russica 81. Литературный сборник*. Под ред. А. Сумеркина. Нью-Йорк, 1982, с. 383).

№ 1

ГБЛ, ф. 109, к. 15, ед. хр. 15, л. 1. Написано на почтовой открытке с видом Одессы.

В мемуарах, справочниках и книгах о Г. можно найти весьма разноречивые сведения о времени и даже количестве его поездок в Африку. Это и следующие два письма позволяют с уверенностью утверждать, что в "настоящую Африку" (письмо № 2) Г. ездил три раза — зимой 1909—1910 гг. (письма № 1 и № 2), зимой 1910—1911 гг. (письмо № 3), и затем — что более достоверно установлено — с апреля до сентября 1913 г. (см.: A. Haight. "Letters from Nikolay Gumilyov to Anna Akhmatova". *SEER*, 50, 1 (1972), pp. 102—103; и в настоящем издании биографическую справку Лукницкого). На основании этих писем мы можем также попытаться восстановить некоторые подробности его путешествий.

В 1909 г. Гумилев отправился из Петербурга после ноябрьской дуэли с Волошиным — сначала в Киев, где он был еще 29 ноября (Л. Титов. "К шестидесятилетию книги *Вечер*", — в кн.: *Памяти Анны Ахматовой*. Париж, 1974, с. 214), и оттуда в Одессу. 3 декабря, по пути в Константинополь, он послал Брюсову открытку из Варны (датируется нами по п. шт.: *НСП* № 40, с неверной датировкой от 31 декабря 1909 г.). Приехав из Константинополя в Каир, Г. действительно "поехал дальше" (письмо № 1) — через Джибути

вглубь Абиссинии, надеясь попасть в Аддис-Абебу (письмо № 2). О своем намерении отправиться из Джибути "по направлению к Аддис-Абебе", охотясь по дороге, Г. также сообщил Брюсову (*НСП* № 41). Но если отнести именно к этой поездке его не датированное письмо из Африки к Кузмину (*НСП*, с. 121—122) — а такая датировка кажется наиболее вероятной, помимо всего прочего, хотя бы по схожести его замечаний о природе в ук. письмах к Брюсову и Иванову, и по общей восторженной свежести его африканских впечатлений, — то до Аддис-Абебы он в этот раз, наверное, не доехал.

Гумилев написал Кузмину из Харрара, куда он приехал якобы из "Дир-Абауа", но такого места на картах Абиссинии нет, и мы предполагаем, что в подлиннике — Дир(е)-Дауа. Приехать из Дире-Дауа в Харрар, как кажется, естественно только по пути из Джибути, км. в 300 к северо-востоку от первого из этих сравнительно недалеко расположенных друг от друга мест, но завернуть из Дире-Дауа в Харрар на обратном пути из Аддис-Абебы (еще, кстати, км. в 350 к западу) было бы достаточно странно. К тому же, в письме к Кузмину из Харрара (в котором не содержится ни малейшего намека на пребывание в абиссинской столице), Г. уже сообщает о своем скором возвращении в Россию. Из этого же письма известно, что он передвигался медленно — на мулах; и поэтому можно заключить, что Харрар был конечным пунктом этой первой его поездки. Это, наверное, и является одной из главных причин, почему он вернулся на значительно более продолжительный срок в следующем году (см. ниже).

Из своей первой поездки Г. возвратился в Петербург, согласно справке Лукницкого, в феврале 1910 г. (ср. также *НСП*, с. 64).

№ 2

Там же, л. 3. На почтовой карточке с изображением "Djibouti. Un Jardin à Ambouli".

1. Ср. сходные замечания в открытке Гумилева к Брюсову, с п.шт. от 6 января 1910 г. (*НСП* № 41).
2. "Академия Стиха" — первоначально — курс из восьми лекций по стихосложению и истории стиха, прочитанный Ивановым для группы молодых поэтов весной 1909 г. Инициаторами, кажется, были Гумилев, Ал. Толстой и П. Потемкин (см.: В. А. Пяст. *Встречи*. М., 1929, с. 136—139; М. Гофман. "Поэтическая Академия". — *Вестник*

литературы, № 8, август 1909). В сентябре 1909 г. Гумилев говорил с Ивановым о продолжении этих чтений, и в октябре "Академия" возобновилась, переименованная в "Общество ревнителей художественного слова", и со значительно расширенной программой лекций и поэтических вечеров (см.: *ЛН*, т. 85, с. 523—524; *ЛН*, т. 92, кн. 3, с. 356 и ук. там же литературу).

3. Мария Михайловна Замятнина (1865—1919) — домоправительница и секретарь Иванова.
4. Вера Константиновна Шварсалон (1890—1920) — дочь второй жены Иванова, Л.Д. Зиновьевой-Аннибал, от ее первого брака. С 1910 г. — третья жена Иванова.
5. Михаил Алексеевич Кузмин (1875—1936) — в то время близкий друг Гумилева. Об их отношениях см. письма Гумилева к Кузмину и комментарий к ним в кн.: *НСП*, с. 120—123, 201—203; а также J. Malmstad. *Mihail Kuzmin: A Chronicle of His Life and Times*. — В кн.: М.А. Кузмин. *Собрание стихотворений*, т. 3, Мюнхен, 1977, с. 131—143 *et passim*; и ценные наблюдения в статье: Р.Д. Тименчик, В.Н. Топоров, Т.В. Цивьян. "Ахматова и Кузмин". *Russian Literature*. VI—3 (1978), с. 218—305.
6. "Башня" — знаменитая петербургская квартира Иванова: Таврическая, 25 (ныне 35), кв. 24.

№ 3

Там же, л. 2. На почтовой карточке с фотографией "Port Sudan Station: Boat Express Ready to Start".

Поездка Г. в Африку зимой 1910—1911 гг. была значительно более длительной, чем в предыдущем году. По воспоминаниям Ахматовой, он уехал из Петербурга 25 сентября 1910 г. (Хэйт, с. 17) и вернулся ровно через полгода — "25 марта ст. ст. 1911 г." (А. Ахматова. *Сочинения*, т. 3, Париж, 1983, с. 150); но о маршруте мы имеем еще меньше подробностей, чем о путешествии 1909—1910 гг. До своего отъезда, в начале сентября, Г. сообщил Брюсову, что он "думал через Абиссинию проехать на озеро Родольфо, оттуда на озеро Виктория и через Момбад в Европу" (*НСП*, с. 69). Сомнительно, однако, чтобы он осуществил этот план. Данное письмо к Иванову, написанное, по-видимому, по пути в Джибути, ничего не разъясняет; но существует лаконичное сообщение Ахматовой о том же времени: "Гумилев был в Аддис-Абебе, через Джибути" (*ук. соч.*, с. 150). Учитывая

также военный "меморандум" Г. об Абиссинии, в котором он сообщает, что прожил три месяца в Харраре и четыре в Аддис-Абебе, можно — хоть и с некоторым опасением — предполагать, что именно к 1910—1911 гг. относится его длительное пребывание в абиссинской столице: "где познакомился со многими министрами и вождями и был представлен ко двору бывшего императора российским поверенным в делах в Абиссинии" (*СС* IV, с. 440). В Харраре, следовательно, он жил в 1913 г. (Эти предположения, кажется, совпадают и с информацией П. Н. Лукницкого — см. в настоящем издании). К сожалению, вероятно из-за своего неуклонного желания служить в союзных войсках в Африке, Г. явно преувеличивает в своем меморандуме, утверждая, что в Абиссинии он провел "почти два года". Но если правда, что в 1910—1911 гг. он пробыл около четырех месяцев в Аддис-Абебе, то ясно, что он вряд ли успел бы вернуться через озера Родольфо и Виктория.

1. Речь идет о поэме "Открытие Америки", опубликованной в *Ап*, 1910, №12. Впоследствии в *Чужом небе* (*СС* №156), без четвертой песни (*СС* № 217).
   Ср. открытку Гумилева к Зноско-Боровскому о той же поэме — *НСП*, с. 124.

№ 4

Там же, л. 9. Печатное приглашение.

1. П. шт. слегка стерт и вторую цифру числа и цифру месяца нельзя с уверенностью разобрать. Приглашение датируется по связи с вышеупоминаемым утверждением Ахматовой о том, что Г. вернулся из Абиссинии в Петербург 25 марта 1911 г.
2. Ср. письмо Г. И. Чулкова к жене от 6 апреля 1911 г.: "Вчера был в "Аполлоне": Гумилев вернулся из Абиссинии и читал доклад о дикарях, зверях и птицах" (цит. по статье: Р. Д. Тименчик, А. В. Лавров. "Материалы А. А. Ахматовой в Рукописном Отделе Пушкинского Дома". — *Ежегодник РОПД на 1974 г.* Л., 1976, с. 68, прим. 66). Возможно, что Г. также читал стихи, так как на заседании ОРХС, имевшем место неделю спустя (13-го апреля), "Вячеслав Иванов сообщил... свою оценку образцов абиссинской народной поэзии, записанных и переведенных Н. С. Гумилевым во время его недавнего африканского путешествия. ...После

доклада, Вячеслав Иванов прочитал стихотворение в форме газэлы, на абиссинские мотивы, связанное с рассказами Н.С. Гумилева о вышеупомянутом путешествии". (В. Чудовский. "Литературная жизнь. Собрания и доклады". — *Русская художественная летопись*, май 1911, №9, с. 142—143). Это несомненно указывает на некоторое возрождение того энтузиазма, который Иванов раньше испытывал к рассказам Г. об Африке (см. выше, и в письме № 3), и намекает на возможность нового сближения между двумя поэтами. Но именно на том же заседании ОРХС Г. читал своего "Блудного сына", и произошло не сближение, а бесповоротный разрыв.

Образцы абиссинской народной поэзии, которые упоминаются Чудовским, по-видимому, нельзя отождествлять с вошедшими в *Чужое небо* "Абиссинскими песнями" (*СС* №№ 146—149), написанными, по заявлению самого Г., "независимо от настоящей поэзии абиссинцев" (*СС* IV, с. 269). Его переводы из этой "настоящей поэзии" нам, к сожалению, не известны, хотя он собирался их печатать еще и после революции (см. в настоящем издании его: "Информация. Театр. Книги").

№ 5

Там же, лл. 4—7. Второй абзац этого письма процитирован почти целиком в статье Тименчика, "Заметки III", с. 175.

1. Письмо датировано Гумилевым "3 мая 1911 г." — но это, наверное, описка. П.шт. на конверте — "Бежецк, Твер. г. 4.6.11", и эта июньская дата более соответствует содержанию письма. Ср. также не датированное письмо Гумилева к Б.Н. Бугаеву (в настоящем издании).
2. Вторая часть книги В. Иванова *Cor Ardens* (М., изд. "Скорпион"), объявленная, как и первая, на 1911 г., вышла лишь в апреле 1912 г.
3. Иванов, кажется, стихов не посылал. Ни в августовской, ни в какой-либо из последующих книжек *An* они не появились.
4. Евгений Александрович Зноско-Боровский (1884—1954) — секретарь редакции *An*, близкий друг Гумилева. О нем см. выше, прим. 2 к письму № 4 В.И. Кривичу.
5. Отрывок из ответного письма Иванова процитирован в статье Тименчика: "Много Анненского, но это вовсе не дурно. Восхищения не испытал. Печатать советую, если

Вы не ограничиваетесь стихотворениями безупречными и вполне оригинальными". ("Заметки III", с.177—178). "Уклон" этих стихотворений в сторону Анненского, как доказывает Тименчик, может быть воспринят в связи с поисками Г. антисимволистской программы. Этим, вероятно, и объясняется не только тон ответного письма Иванова (а может быть и то, что он своих стихов не посылал), но и сам факт обращения к нему Г. по поводу своих "стихотворений в новом... духе": Тименчик также напоминает, что в то время "печатать стихи в *Аполлоне* Гумилев смел и без санкции Вяч. Иванова" (*там же*, с.175: ср. хотя бы письмо к Бугаеву в настоящем издании).

Приложенные в данном письме стихотворения Г. все-таки не появились в *Ап*, и в августе 1911 г. он поместил там свои стихотворения "Жизнь" и "Константинополь" (*СС* №№ 126 и 131, с указанными там же разночтениями).

6. Первые три стихотворения, не опубликованные при жизни Г., см. в первом разделе настоящего издания. Четвертое — *СС* № 122, с маленьким изменением в стк. 17: "Что ж? Вы слушали влюбленно" — было впервые опубликовано в альманахе *Ап* (СПб., 1912).

№ 6

Там же, л. 8. Записка, рукой Гумилева.

1. Мы не знаем, присутствовал ли Иванов на собрании 1 февраля. 18-го того же месяца, в прениях по поводу новых докладов Иванова и Белого в ОРХС, "синдики" Цеха впервые открыто объявили о своей совместной оппозиции не только к Иванову, но и к символизму как таковому (см.: Н. В. Недоброво. "ОРХС (в Петербурге)". — *Труды и Дни*, 1912, № 2, с. 26—27).

Письмо к Б. Н. Бугаеву

ГБЛ, ф. 25, к. 14, ед. хр. 24.

Борис Николаевич Бугаев — настоящее имя писателя-символиста Андрея Белого (1880—1934).

Между Гумилевым и Белым, как будто, не было особенно близких отношений. По-видимому, они чаще всего встречались в тот период, к которому относится данное письмо: т.е. в 1910—1912 гг., когда Белый иногда подолгу гостил на "Башне" у Вячеслава Иванова (см., например, А. Белый. *Воспоминания о А.А. Блоке*. Мюнхен, 1969, с. 636 и след.; 648; 698—699). К акмеизму Белый относился отрицательно (см.: *А.А. Блок – Андрей Белый. Переписка*. М., 1940, с. 311—312), но впоследствии, как нам сообщили, в одном неопубликованном письме 30-х годов, он отозвался о Г., как о "крупном поэте", имеющем "самостоятельный, оригинальный подход к стиху".

О единственной и неопределенной рецензии Гумилева на стихи Белого, и о некоторых случаях влияния Белого на поэзию Г., писал Г.П. Струве (*НСП*, с. 160—162; *СС* II, с. VII, XXII—XXIV).

1. В письме от 3 июня 1911 г. (№ 5 в настоящем издании), на основании которого и датируется данное письмо. Упомянутое письмо Белого к Гумилеву, должно быть, тоже было написано в первых числах июня: ср. в письме Белого к А.М. Кожебаткину от 7 июня 1911 г.: "Изредка пишу стихи. Послал Гумилеву для *Аполлона*". (Цит. по статье: К. Бугаева и А. Петровский. "Литературное наследство Андрея Белого". — *ЛН*, т. 27—28, с. 591).
2. Иванов стихов не посылал, и в августовскую книжку *Ап*, наряду с двумя стихотворениями Гумилева (*СС* №№ 131 и 126), вошли стихотворения Белого "Барбаруса"; "Близкой" (две части); и "День в Боголюбах" (*Ап*, 1911, № 6, с. 30—32).
3. Имеется в виду *Антология* книгоиздательства "Мусагет" (М., 1911), в редактировании которой Белый принимал ближайшее участие. (О задачах *Антологии*, как "смотра" тех, кто верен истинному символизму", см.: *ЛН*, т. 92, кн. 3, с. 385). В нее вошли "Я тело в кресло уроню" и "Абиссинские песни" Гумилева (*СС* №№ 134, 146—149), который, между прочим, также рецензировал *Антологию* в *Ап* (1911, № 7; перепеч.: *СС* IV, с. 268—271).
4. В альманахе *Ап* появилась "Баллада в пяти частях" А. Белого — "Шут". Об этом издании см.: *НСП*, с. 194—195.

Письмо к Г.И. Чулкову

ГБЛ, ф. 371, к. 3, ед. хр. 14. На открытке с шуточной картинкой, изображающей купающегося охотника и глотающего его одежду крокодила. Надпись: "Rather Tough".

Георгий Иванович Чулков (1879—1939) — поэт, прозаик и литературный критик, представитель символизма. О его отношениях с Г. мы почти ничего не знаем, хотя, помимо *Ап*, они иногда одновременно сотрудничали и в других изданиях и, должно быть, нередко встречались на литературных собраниях в Петербурге (см. прим. 2 к письму № 4 к В. Иванову, тоже относящемуся к 1911 г.; а также *ЛН*, т. 92, кн. 3, с. 429). Чулков неоднократно отзывался о Г. в печати, и ему же принадлежит ранее не публиковавшаяся статья "Поэт-воин" (в настоящем издании), свидетельствующая о серьезном интересе к творчеству Гумилева.

В архивных фондах Чулкова и его жены содержатся интересные материалы, касающиеся их прочной дружбы с А. Ахматовой (см.: Р. Д. Тименчик, А. В. Лавров. "Материалы А. А. Ахматовой в Рукописном Отделе Пушкинского Дома". — *Ежегодник РОПД на 1974 г.* Л., 1976, с. 66—71: здесь, кстати, мы узнаем, что в том же 1911 г. Чулков приехал в Париж одновременно с Ахматовой — и, должно быть, с ее мужем, Гумилевым). Возможно, что в этих фондах есть материалы, относящиеся также и к Гумилеву.

1. Рецензия Чулкова на кн.: В.И. Иванов. *Cor Ardens*, ч. 1. М., "Скорпион", 1911, напечатана под заглавием Поэт-кормщик" в *Ап*, 1911, № 10, с. 62—64. Чулков оценивает книгу своего давнишнего друга и литературного соратника значительно выше, чем Гумилев в двух своих рецензиях, помещенных в *Ап*, 1911, № 7 (на ч. 1) и *Ап*, 1912, № 6 (на ч. 2; перепеч.: *СС* IV, с. 266—268; 296—298). Любопытно, что в статье Чулкова содержится косвенная критика поэтики "Цеха поэтов".
2. С.К. Маковский, редактор *Ап*. Очевидно сам Г. попросил Чулкова "вспомнить" об *Ап* и посылать туда свои вещи; но печатать статьи без согласия Маковского он еще не мог (см. ниже, о письме Маковского). К тому же, в случае Чулкова были особенные причины добиваться предварительной санкции Маковского: его тенденциозный "некролог" о *Весах*, помещенный в № 7 *Ап* (за апрель 1910 г.), навлек немало неприятностей на редакцию журнала (см.: *ЛН*, т. 85, с. 314—315; 526—530).

Письмо к С.М. Городецкому

ЦГАЛИ, ф. 147, оп. 1, ед. хр. 27. Черновик, б. д. Слова в скобках были вычеркнуты Гумилевым.

Сергей Митрофанович Городецкий (1884—1967) — вместе с Гумилевым — "синдик" Цеха поэтов, лидер акмеистов. Однако, в глазах современников акмеистический союз Гумилева и Городецкого представлялся каким-то непрочным, даже "противоестественным". Блок, например, полагал, что акмеисты держат Городецкого "как застрельщика с именем", и что Г. "конфузится и шокируется им нередко" (*Собрание сочинений*, т. 7, М.-Л., 1963, с. 232); эго-футурист И. Игнатьев иронически указывал на "дипломатичность" Гумилева, не допускавшего Городецкого до страниц *Ап* (ср.: Тименчик, "Заметки I", с. 24, прим. 4); характерно также мнение близкого к акмеистам Г. В. Иванова: "Только правилом, что крайности сходятся, можно объяснить этот, правда, недолгий союз. Надменный Гумилев и "рубаха-парень" Городецкий — что было общего между ними и их стихами!" ("О Гумилеве". *Современные записки*, 47 (1931), с. 311). Впоследствии особенно сурово отзывалась о Городецком, как о "лишнем акмеисте", Н. Я. Мандельштам (*Вторая книга*. Париж, 1978, с. 36—46). Но точных подробностей о союзе Г. с Городецким все-таки очень мало, и сложный путь их взаимоотношений еще подлежит обстоятельному исследованию.

О времени знакомства Г. с Городецким у нас нет достоверной информации: известно лишь, что уже в ноябре 1908 г. Г. был приглашен участвовать в "альманахе Городецкого *Кружок молодых*" (*НСП*, с. 55), и не исключено, что в первой половине 1909 г. Городецкий был приглашен в журнал *Остров* (см.: *ГЧ*, с. 140). Но дружбы между ними в то время еще не было, и их первоначальные высказывания друг о друге, напротив, были весьма враждебными. Г. презрительно отзывался о графоманстве Городецкого в своих письмах к Брюсову 1908 г. (*НСП* №№ 21, 31); в первом номере *Ап* (за октябрь 1909 г.) он резко раскритиковал стихотворный сборник Городецкого *Русь*, как не имеющий отношения ни к поэзии, ни к теме России (*СС* IV, с. 209—211). Со своей стороны Городецкий (под псевдонимом Росмер) дал язвительную, крайне отрицательную рецензию на *Жемчуга* Гумилева, находя в сборнике типичный для того времени холодный эстетизм, "пустоту души за яркостью формы", "вялость и бедность, бескровную изысканность, утонченность

без тонкости". (Газета *Против течения*, №8, 3/16 декабря 1910, с. 2). И в другой газетной статье конца 1910 года, направленной против пагубного эстетизма В. Иванова, Маковского и др., он опять обрушился на Г., "у которого единицами считаются стихотворения, имеющие какое-нибудь содержание". ("Да, против течения!" — в газете *Против течения*, №5, 12 ноября 1910, с. 2).

Несмотря на такую малообещающую "предысторию", Гумилев и Городецкий быстро сблизились, должно быть, сразу же после возвращения Г. из Абиссинии в начале 1911 г.: уже в апреле они думали о том, чтобы возобновить, вместе с Пястом и Мандельштамом, издание *Острова* (см.: А.А. Морозов. "Письма О.Э. Мандельштама к В.И. Иванову". — *Записки Отдела Рукописей ГБЛ*, вып. 34, 1973, с. 263, 265); и в начале октября того же 1911 г. состоялось первое собрание основанного ими Цеха поэтов (см., например, *ЛН*, т. 92, кн. 2, с. 56). Их сближение, безусловно, было вызвано прежде всего их обоюдной неприязнью к В.И. Иванову (о нем см. выше); но современники вряд ли ошибались, полагая, что Гумилев, стремясь к творческой эмансипации от символизма, все же искал поддержки со стороны некой знаменитости; а Городецкий, как вспоминала Ахматова, "искал в то время "очередной спасательный круг" (SOS)". (Л.А. Мандрыкина. "Ненаписанная книга. "Листки из дневника" А.А. Ахматовой". — В кн.: *Книги. Архивы. Автографы*. М., 1973, с. 74). Но как бы то ни было, к 1912 г., если верить Г. Иванову, они стали "неразлучными друзьями". (*Петербургские зимы*. 2-ое изд., Нью-Йорк, 1952, с. 89).

С "идеологической" точки зрения, в предшествующей грубой газетной полемике Городецкого (который, кстати, с самого начала был явно более антисимволистски настроен, чем Г.) можно несомненно усмотреть некоторые положения акмеизма: своего рода проповедь стихотворного "равновесия", ударение на равноправие жизни и искусства, и т.д. С другой стороны, сделавшись союзником Гумилева, Городецкий — не впервые — существенно изменил некоторые свои идейные позиции (ср., к примеру, его газетные статьи 1910 г. и 1912 г.). Но Гумилев и Городецкий, по всей видимости, и не думали во всем стать единомышленниками: наоборот, "разность" между ними была возведена в некий принцип их литературной школы, в "синтетическую" программу акмеизма. Весьма вероятно, что воплощением этого принципа (которому мы надеемся посвятить отдельную работу) должен был стать журнал *Гиперборей*. К тому

же, возможно, что известные разногласия вождей акмеизма в их публичных выступлениях (см., к примеру, *Ап*, 1913, №1, с. 70—71) были до некоторой степени запланированными. На такую мысль наводят, например, их тогдашние печатные отзывы друг о друге, или такой факт, как помещение в №1 *Гип* полемических по отношению друг к другу стихотворений Г. и Городецкого о Фра Беато Анджелико. И все же, в их выступлениях можно было уловить и более глубокое несогласие, знаменующее не синтетичность, а именно ту несплоченность союза, на которую было указано выше. Надо полагать, что Г. действительно иногда "шокировался и конфузился" Городецким (ср., например, *ЛН*, т. 92, кн. 3, с. 413); опубликованное здесь письмо является самым существенным до сих пор свидетельством о предвоенном кризисе внутри акмеистической школы.

Как впоследствии писала Ахматова в своих воспоминаниях о Мандельштаме, "в зиму 1913—1914... мы стали тяготиться Цехом и даже дали Городецкому составленное Осипом и мною прошение о закрытии Цеха. Сергей Городецкий наложил резолюцию: "Всех повесить, а Ахматову заточить"." (*Сочинения*, т. 2, Мюнхен, 1968, с. 172). К сожалению, Ахматова не сообщает, какую позицию занял при этом Г.; и точных указаний о том, когда было подано это прошение, у нас не имеется. Можно, однако, думать, что, наверное, это было где-то после 16 января 1914 г., когда Гумилев, Городецкий и Мандельштам совместно выступили "в защиту акмеизма" (см. Щ. "Искусство и жизнь". — *День*, №16, 17 января 1914). Данное письмо, — которое датируется нами 6-м или 7-м апреля 1914 г., по указаниям одного безупречного источника, — было связано с очередными намечавшимися прениями об акмеизме, в которых Гумилев с Мандельштамом на этот раз не участвовали. Таким образом, в 1914 г. те, кто впоследствии остались верны акмеизму, подали "ветреному" Городецкому повод обвинить их в измене этому течению.

Согласно полученной нами информации, Гумилев и Городецкий помирились после этого незадолго до начала войны — в июне или июле 1914 г. (косвенным подтверждением тому служит, пожалуй, рецензия Г. на *Цветущий посох* Городецкого в *Ап*, 1914, №5). Но в течение следующих полутора лет они снова — может быть, и не раз — ссорились и затем мирились. О новом расхождении между Городецким и соратниками Гумилева по Цеху свидетельствует, например, его статья "Стихи о войне (в *Аполлоне*)", напечатанная в *Речи* от 3 ноября 1914 г. Однако, в январе 1915 г. Гумилев

и Городецкий вместе сфотографировались (см. эту фотографию в настоящем издании); весной того же года Мандельштам, Ахматова и Г. Иванов выступили вместе с Городецким на одном поэтическом вечере; и возможно, что Г. приблизительно тогда же дал согласие участвовать в одном организованном Городецким стихотворном сборнике (ср.: *ЛН*, т.92, кн.3, с.447—448). На новые разногласия намекает обзорная статья Г. Иванова о поэзии 1915 г., напечатанная в *Ап*, 1916, №1 (с.59—61); но 30 апреля 1916 г. появилась большая статья Городецкого "Поэзия как искусство" (*Лукоморье*, 1916, №18, с.19—20), которая во многом противоречит вышеупомянутой статье ноября 1914 г. и несомненно указывает на восстановление хороших отношений с Гумилевым и его соратниками.

Весной 1916 г. Городецкий уехал корреспондентом на Закавказский фронт и, вероятно, снова встретился с Г. лишь в июле—августе 1920 г., когда на месяц вернулся в Петроград. К тому времени, как известно, он уже коренным образом изменил свою политическую ориентацию (см.: *ЛН*, т.92, кн.3, с.506), и теперь, по его собственным словам, "встречи с Н. Гумилевым окончились полным разрывом". ("Мой путь" — в его кн.: *Жизнь неукротимая*. М., 1984, с.16).

К сожалению, уезжая в Закавказье в 1916 г., Городецкий отдал часть своего архива — в том числе и письма Гумилева — для хранения на склад в Петрограде. Во время революции склад был разрушен и письма навсегда потеряны (см.: *ЛН*, т.92, кн.2, с.5). В Пушкинском Доме, однако, находится одно не датированное письмо Городецкого к Гумилеву (см.: *Ежегодник РОПД на 1976 г.*, Л., 1978, с.126).

1. Эти инициалы почти нельзя разобрать, и возможно, что мы ошибаемся, расшифровывая их как М. Л. (т.е. М.Л.Лозинский, редактор-издатель *Гип*.).
2. Эти вычеркнутые Гумилевым слова интересны для истории *Гип* — который, вероятно, нужно считать "детищем" Городецкого. Можно добавить, что еще одним поводом для конфликта между ними, может быть, послужили тщетные попытки Городецкого, в отсутствие Г., посвятить восьмой номер журнала символизму (см., например, Суперфин и Тименчик, с.195). Данное письмо было написано вскоре после выхода в свет последнего номера журнала (ср.: Тименчик, "Заметки I", с.38).
3. Адрес городской квартиры Гумилевых в то время — Васильевский Остров, Тучков пер., 17, кв. 29.

Письма к Д. М. Цензору

Дмитрий Михайлович Цензор (1877—1947) — поэт, выпустивший свой первый сборник, *Старое гетто*, в 1907 г. В феврале 1913 г. он стал членом Цеха поэтов (Тименчик, "Заметки I", с. 37), продолжал встречаться с Г. и в разных послереволюционных литературных организациях (см., например, *ЛН*, т. 92, кн. 3, с. 503—504). Подробностями об их отношениях, однако, мы не располагаем.

№ 1

ЦГАЛИ, ф. 543, оп. 2, ед. хр. 3, лл. 1—2.

Письмо датируется по упоминанию о журнале *Златоцвет*, инициатором которого был Цензор. Приложенное к данному письму стихотворение Гумилева "Мое прекрасное убежище" вошло в *Златоцвет*, 1914, № 3.

В том же номере этого недоступного нам журнала появилась интересная анонимная заметка об одном собрании Цеха поэтов, которую Р. Д. Тименчик приписывает Дм. Цензору. Отрывок из нее цитируется в "Заметках I", с. 27, прим. 15.

№ 2

Там же, л. 3. На бланке журнала *Аполлон*.

Помимо опубликованных здесь двух писем, в единице хранения ЦГАЛИ также имеется: сложенный вдвое листок бумаги (лл. 4—5) со стихотворениями Г. "Вечер" и "На острове" (второе из них записано не его рукой: возможно — Ахматовой?); отрывки из пьес *Дитя Аллаха*, *Актеон* и *Гондла* (лл. 6—8); и сложенный вдвое листок бумаги (лл. 9—10), с составленным Г. списком избранных стихотворений из его четырех сборников, от *Романтических цветов* до *Колчана*, и "Отрывки из пьес: I. Дитя Аллаха" (на этом рукопись обрывается). Возможно, что это — предполагаемое содержание не реализованного издания его произведений, составленное Гумилевым по просьбе Цензора.

Хотя нет указаний по этому поводу, можно предполагать, что стихотворения "Вечер" ("Как этот вечер грузен...") и "На острове" были связаны с данным письмом. Упомянутой в письме новой книгой стихотворений Г., опубликованной

во время его общения с Городецким, может быть лишь *Чужое небо*, вышедшее в апреле 1912 г., или же *Колчан*, помеченный 1916 г., но вышедший из печати к середине декабря 1915 г. (ср. стихотворную надпись на экземпляре Лозинского, от 15 декабря 1915 г.: *СС* № 322). Насколько нам известно, только *Колчан* совпадает по времени с сотрудничеством Г. в отредактированном Цензором издании, — и на этом основании мы условно датируем письмо.

В *Колчан* вошли оба стихотворения, "Вечер" и "На острове" (*СС* №№ 193 и 167), которые также были напечатаны в альманахе *Цевница* (*Альманахи стихов, выходящих в Петрограде*. Под ред. Дмитрия Цензора. Вып. 1, Пг., "Цевница", 1915: дальнейших выпусков не было). Весьма вероятно, что стихотворение "Вечер" было приложено Г. к данному письму. В таком случае, остается непонятным, когда было добавлено — другой рукой — стихотворение "На острове": по просьбе ли Г., до отправления данного письма, или же потом, в редакции *Цевницы*.

Письмо к А.Л. Волынскому

ЦГАЛИ, ф. 95, оп. 1, ед. хр. 456.

Аким Львович Волынский (настоящая фамилия — Флексер; 1863—1926) — известный критик, редактор, искусствовед и философ. Он играл важную роль в становлении русского модернизма, как идеолог и руководитель журнала *Северный вестник*. В 1909 г. он был приглашен участвовать в *Ап*, но покинул редакцию журнала по идеологическим причинам в конце того же года (см.: "И.Ф. Аиненский. Письма к С.К. Маковскому". *Ежегодник РОПД на 1976 г.* Л., 1978, с. 227). После революции — коллега Г. по Всем. лит., в которой ведал итальянской словесностью.

1. По-видимому, речь идет о первой корреспонденции *Записок кавалериста* Г., появившейся в утреннем выпуске газеты *Биржевые ведомости* от 3 февраля 1915 г. (о появлении последующих корреспонденций см.: *СС* IV, с. 624—630).
2. В настоящее время известны лишь две рецензии Г. из *Биржевых ведомостей* (на книги М. Струве и К. Ляндау), обе напечатаны в утреннем выпуске от 30 сентября 1916 г. Возможно, что в газете появлялись и другие рецензии или статьи Г., опубликованные либо без подписи, либо под псевдонимом.

Письмо к О.Н. Арбениной

ЦГАЛИ, ф.147, оп.1, ед.хр.26.

Ольга Николаевна Арбенина (1899—1980) — актриса Александринского театра, художница, и — по свидетельству современников — замечательная красавица. Если верить Ирине Одоевцевой, Арбенина "была подругой по гимназии второй жены Гумилева, и его любовницей в течение 1919—1920 гг. Мандельштам влюбился в нее [осенью 1920 г. — ред.] но она, встретив на новогоднем вечере у Анненкова Юрия Юркуна, предпочла его обоим. ...Гумилев, хотя и в шутку, ...назвал Мандельштама предателем. Но ссоры между ними не было". (Цит. по кн.: Георгий Иванов. *Собрание стихотворений*. Под ред. В. Сечкарева и Маргарэт Дальтон. Вюрцбург, 1975, с. 345. См. также "Часть речи", №1, 1980. Слова Одоевцевой являются комментарием к шуточному стихотворению Иванова по поводу отношений Гумилева, Мандельштама и Арбениной). Арбениина вскоре вышла замуж за Юркуна, и вместе они составляли пресловутую "троицу единосущную" с Кузминым. Ей посвящено стихотворение Г. "Снова море" (*СС* № 383) и несколько стихотворений Мандельштама. В Пушкинском Доме хранится еще одно письмо к ней Г. (*Ежегодник РОПД на 1970 г.* Л., 1971, с.119).

1. С начала 1919 г. Г. преподавал в Институте истории искусств, а также — кажется, регулярнее — в Институте живого слова (подробнее о его занятиях в последнем см.: И. Одоевцева. *На берегах Невы*. Вашингтон, 1967, с.11—13, 22—26, 41—42, 59 и *passim*). Занятия обычно велись по вечерам.

Письма В.Я. Брюсова

В отличие от писем Г. к Брюсову, тщательно сохраненных в архиве последнего, большинство его писем к Г. неизвестны, и их, наверное, надо считать навсегда потерянными. К сожалению, к ним принадлежат и самые содержательные — те трактаты о стихосложении и подробный анализ стихов Г., о которых иногда упоминается в ответных письмах.

Опубликованные в настоящем издании четыре письма дополняют другие четыре письма, которые уже были опубликованы в *НСП*, с. 79—82. По крайней мере еще одно письмо

Брюсова к Г., от 29 августа 1910 г., сохраняется, как оказывается, в ЦГАЛИ (ф. 2567, оп. 2, ед. хр. 203; — см.: *ЛН*, т. 92, кн. 3, с. 371).

№ 1

ЦГАЛИ, ф. 147, оп. 1, ед. хр. 32, л. 1. Адрес на конверте: Франция, Париж / Monsieur Nicolas Goumileff, Paris, 68, Bd St. Germain, I France.

Ответ на письмо Гумилева от 30 октября 1906 г. (№ 4 в настоящем издании).

1. Статью о "Культуре любви" Г. все-таки не посылал. См. его ответное письмо от 25 ноября 1906 г. (№ 6 в настоящем издании).
2. Следующая публикация стихотворений Г. в *Весах* — в № 7 за 1907 г. ("Маскарад", "Каракалла" и "Императору" — *СС* №№ 29 а, 61, 62, с указанными там же (I, с. 312) разночтениями).
3. Г. получил этот "трактат" к концу года (*НСП*, с. 7). К сожалению, его текст нам неизвестен.

№ 2

Там же, л. 2. Датируется по связи с письмом Гумилева от 12 мая 1908 г. (*НСП* № 27).

1. Речь идет о статье "Два салона" (*СС* IV, с. 425—429), которую Г. послал Брюсову в письме от 28 апреля 1908 г. (*НСП* № 26). Она опубликована в *Весах*, 1908, № 5, с. 103—105, со следующим примечанием: "Редакция помещает это письмо, как любопытное свидетельство о взглядах, разделяемых некоторыми кружками молодежи, но не присоединяется к суждениям автора статьи".
   Статья подписана, как и советовал Брюсов, инициалами Н.Г.
2. Об издании *Жемчугов* Г. попросил Брюсова в вышеупомянутом письме от 12 мая 1908 г. Брюсов, по-видимому, предложил издать их к февралю 1909 г. (ср.: *НСП* № 33), но, отчасти по просьбе Г., книга вышла, наконец, лишь в апреле 1910 г.

№ 3

Там же, л. 3. Написано на открытке с репродукцией: Eyck, Hubert et Jean Van — Adam et Eve. Musée de Bruxelles, адресованной: Николаю Степановичу Гумилеву / Царское Село/ Бульварная / д. Георгиевского.

Ответ на не датированное письмо Гумилева (*НСП* № 42) — с п.шт. на приложенном в архиве конверте: "25.03. [19]10" (ГБЛ, ф. 386, к. 84, ед.хр. 20). На основании почтовых штемпелей в той же ед.хр., можно также условно датировать следующие не датированные письма Гумилева: *НСП* № 38 — п.шт. от 11.05. 09; № 39 — Царское Село, 21.04.09; № 41 — 6.01.10 (и. ст.) и Москва, 12.01.10; № 43 — Киев, 21.04.10; № 44 — Царское Село, 9.07.1910; № 45 — Царское Село, 2.09. 1910; № 46 — Ст. Подобнно, 24.05.11; № 47 — Царское Село, 4.09.11; № 48 — Царское Село, 15.11.1911; № 49 — Царское Село, 22.05. 12; № 50 — Ст. Подобино, 4.06.1912; № 51 — Ст. Подобино, 20.06.12; № 52 — Царское Село, 7.10.12; № 53 — Царское Село, 28.03.13.

1. Т.е. о вышедших в апреле 1910 г. *Жемчугах*, которые Брюсов рецензировал в *Русской мысли*, 1910, № 7, с. 206—208 (3-я паг.).
2. В своем предыдущем письме (*НСП* № 42) Г. спрашивает, получил ли Брюсов те письма, которые он послал ему из Египта и Абиссинии зимой 1909—1910 гг. Нам известно лишь одно из них (*НСП* № 41).

№ 4

Там же, л. 4. Машинопись, подписана от руки.

1. Брюсов отвечает на письмо Гумилева, датированное нами по п.шт. 15 ноября 1911 г. (*НСП* № 48). В этом письме Г. предлагает три стихотворения для *Русской мысли* и просит Брюсова, в случае, если они будут приняты, напечатать их не позже, чем в феврале, когда должно было выйти *Чужое небо*.
2. Оба стихотворения (*СС* №№ 133 и 145) были помещены в *Русской мысли*, 1912, № 1. Кроме них, в письме Гумилева было приложено стихотворение "Освобождение", впервые опубликованное лишь в *НСП*, с. 103.
3. В августе или сентябре 1911 г. Брюсов обещал прислать "трагедию" — скорее всего "Протесилай умерший" — для

альманаха *Ап* (см.: *НСП* № 47 и прим. к нему). Может быть, не окончив ее, впоследствии он послал взамен несколько стихотворений, в том числе и "Провинциальную картину" (в его *Собрании сочинений*, т. 2, М., 1973, с. 264), — то "неизвестное стихотворение", о котором идет речь в *НСП*, с.195. Но, как объясняет Г., ко времени их получения редакцией альманах "был уже наполовину отпечатан" (*НСП* № 48) и стихотворения Брюсова не вошли в него.

Примечательно, что после этого Брюсов никогда больше не печатался в *Ап*, хотя, как можно судить отчасти и по данному письму, лично к Гумилеву он продолжал пока хорошо относиться.

Письмо Н. П. Рябушинского

ГБЛ, ф. 386, к. 84, ед. хр. 18, л. 44. Копия, рукой Гумилева, приложенная к его письму к Брюсову от 9 октября 1907 г. (*НСП*, № 10).

Николай Павлович Рябушинский (1876—1951), редактор-издатель выходившего в 1906—1909 гг. символистского журнала *Золотое Руно*.

Гумилева уже в конце 1906 г. привлекала возможность печататься в *ЗР*, когда он попросил Брюсова переправить туда все одобренные им стихи, которые не могли быть напечатаны в *Весах* (письмо № 7 в настоящем издании). Но Брюсов, по всей видимости, не выполнил эту просьбу: его отношения с *ЗР* были напряженными, и, как известно, несколько месяцев спустя, в августе 1907 г., он во главе группы писателей — "весовцев" окончательно порвал с журналом (см., к примеру, *ЛН*, т. 85, с. 414). Об этом он известил Г. в письме от 3/16 сентября 1907 г. (*НСП*, с. 79; дата уточняется нами по подлиннику), прося его в *ЗР* не печататься. Но как раз перед этим Г. решил сам отправить туда свои стихи:

> Я послал в "Золотое Руно" три моих стихотворения, а на другой день получил Ваше письмо, где Вы просите меня не делать этого. Тотчас же я послал в "Золотое Руно" извинения за беспокойство и просьбу предать дело о моем сотрудничестве забвению". (Цит. по: ГБЛ, ф. 386, к. 84, ед. хр. 18, л. 42: *НСП* № 10, с пропуском нескольких слов. О каких стихотворениях идет речь — нам неизвестно).

Данное письмо Рябушинского было получено Г. недели три спустя, и он, наверное, прав, предполагая, что Рябушинский получил письмо о его нежелании печататься, но (должно быть, из тактических соображений) не обратил на него внимания (*НСП* №10). Поговорив по этому поводу с Гилем, Гумилев снова посоветовался с Брюсовым. Во второй половине октября, в соответствии с неизвестным нам ответом Брюсова, он пришел к решению "не требовать у г-на Рябушинского приостановки номера и исключения из него моих стихов" — но не вступать в переписку с редакцией и не посылать туда новые вещи (*НСП* №12: о датировке этого письма см. выше, прим. 1 к письму №10 В.Я. Брюсову). Предложенная Рябушинским встреча с Г. в Париже, вероятно, не состоялась; и никакого ответа от редакции *ЗР* он, по-видимому, не получил. В течение следующих двух месяцев Г. неоднократно спрашивал Брюсова, появились ли его стихи в *ЗР*, пока не заключил, в январе 1908 г., что "вопрос... можно считать совсем исчерпанным, потому что стихи, бывшие в *Руне*, войдут в [*Ром. цветы*]". (*НСП* № 16). Действительно, несмотря на обещание Рябушинского напечатать стихи Гумилева, ни одно из них в *ЗР* не появилось и его имя в число сотрудников не вошло.

Письмо С.К. Маковского

ЦГАЛИ, ф.147, оп.1, ед.хр. 36. На бланке журнала *Аполлон*.

Сергей Константинович Маковский (1877—1962) — основатель, редактор и издатель *Ап*; поэт и искусствовед. Оставил ценные, хотя не во всех подробностях достоверные воспоминания, в которых много места уделено Г. В них содержатся также интересные критические оценки его творчества. (См., в особенности, его кн.: *На Парнассе серебряного века*. Мюнхен, 1962; а также его *Портреты современников*. Нью-Йорк, 1955; "Николай Гумилев по личным воспоминаниям". *Новый журнал*, кн. 77 (1964), с.157—189).

1. Хотя молодой Г. с самого начала принял весьма активное участие в организации *Ап* (выходившего с октября 1909 г.), в первое время он пользовался значительно меньшим авторитетом в редакции, чем Анненский, В. Иванов, а также Волошин и Кузмин (см., к примеру, письма Анненского 1909 г., с ценным комментарием А.В. Лаврова и Р.Д. Тименчика, в кн.: И.Ф. Анненский. *Книга отражений*. М., 1979; и

обстоятельно прокомментированные письма Маковского-редактора — *ЛН*, т. 92, кн. 3, с. 358; 360—361; 369—371). Еще в сентябре 1910 г., оправдываясь перед Брюсовым, Г. утверждал, что "влияние (и то только некоторое) имею лишь на отдел стихов" (*НСП*, с. 69); и только по возвращении из Абиссинии, в апреле 1911 г., он получил в свое "безраздельное ведение" стихотворный отдел журнала (см.: Суперфин и Тименчик, с. 192, прим. 3). Год спустя, Г. написал Брюсову, с явным энтузиазмом, и по очевидной связи с зарождающимся акмеизмом, о той "будущей реформе" *Ап*, о которой, наверное, и идет речь в данном письме (письмо № 13 в настоящем издании; см. также *НСП* № 49).

2. Ср. в "Проспекте *Аполлона* на 1913 г.": "Отдел поэзии и литературы при непосредственном участии Н. Гумилева".
3. Не датированное ответное письмо Гумилева, с выражением его согласия и благодарности, опубликованное в *СС* IV с. 563.

Письмо Г. В. Иванова

ЦГАЛИ, ф. 147, оп. 1, ед. хр. 33.

Георгий Владимирович Иванов (1894—1958) познакомился с Гумилевым в 1911 г., а с 1912 г. — друг и коллега его по Цеху поэтов, сотрудник *Ап* (особенно в годы Первой мировой войны), сотрудник Всем. лит. и т. д. Впоследствии — крупный поэт эмиграции.

После смерти Гумилева, Иванов редактировал его стихи и критическую прозу, писал многочисленные, не всегда достоверные, критико-биографические очерки и воспоминания о нем (из самых важных: "О Гумилеве" *Современные записки*, кн. 47 (1931), с. 306—321; "Блок и Гумилев". *Возрождение*, 1949, № 6, с. 113—126; *Петербургские зимы*. 2-ое изд. Нью-Йорк, 1952, с. 200—219). Перед эмиграцией в 1922 г., Иванов также подготовил для издательства "Мысль" не вышедшую в свет *Книгу о творчестве Н. Гумилева* (см.: "Судьба и работы русских писателей, ученых и журналистов за 1918—1922 гг." — *Новая русская книга*, 1922, № 7, с. 32; и анонс в кн. М. Шкапской, *Час вечерний*. Пг., 1922).

1. Известны два "Письма в редакцию" об уходе Г. Иванова из кружка эго-футуристов. Первое из них, подписанное также

Грааль Арельским, но весьма сходное по содержанию с данным письмом к Гумилеву, было помещено в *Гиперборее* за ноябрь, 1912 г.:

> ...Кружок "Ego" продолжает рассылать листки манифеста "Ego-футуристов", где в списке членов "ректориата" стоят наши имена. Настоящим доводим до общего сведения, что мы из названного кружка вышли и никакого отношения к нему, а равно к газете "Петербургский Глашатай", не имеем (*Гип*, №2, с.29—30).

Второе, действительно, вошло в *Ап*, в августовскую книжку за 1913 г.:

> М. Г. г. Редактор,
>
> Несмотря на печатное мое заявление о выходе моем из кружка "Ego", несмотря на сделанные мною соответственные уведомления об этом в редакции футуристических газет, имя мое продолжает печататься в списках сотрудников издательства "Петербургский Глашатай" и "Нижегородец". ...Я считаю необходимым довести до общего сведения о моей полной непричастности к скандальной и позорной деятельности перечисленных издательств.
>
> Примите и пр.
>
> Георгий Иванов. (*Ап*, 1913, №6, с.91—92).

Письмо Иванова к Гумилеву, по всей видимости, предшествует появлению первого из его двух "писем в редакцию", ноября 1912 г.

Следует добавить, что после своего ухода из "Эго" Иванов сразу же вошел в Цех поэтов. Стихи его печатались в том же втором выпуске *Гип*; и, должно быть по редакторской инициативе Гумилева (см. письмо С.К.Маковского, прим. 1), им же был написан крайне предвзятый, проакмеистический обзор "Стихов в журналах 1912 г", появившийся в том же номере *Ап*, что и акмеистические манифесты Гумилева и Городецкого (*Ап*, 1913, №1, с.75—77).

2. Имеется в виду манифест "Академия Эго-поэзии" — так называемые "Скрижали" эго-футуризма, подписанные "Ректориатом", состоящим из Игоря Северянина, Константина Олимпова, Георгия Иванова и Грааль Арельского. Этот лаконичный манифест рассылался по редакциям газет, в виде листовки, с января 1912 г. (см.: V. Markov. *Russian Futurism: A History*. Berkley, 1968, pp. 64—65; 393). Полный текст "скрижалей" неоднократно цитировался в более

поздних манифестах эго-футуризма (см., например: И. В. Игнатьев. *Эго-Футуризм*. СПб., 1913: перепеч. в кн.: *Литературные манифесты. От символизма к Октябрю*, т. 1, под ред. Н. Л. Бродского, М., 1929, с. 53—54).

Письмо Игоря Северянина

ЦГАЛИ, ф. 2571 (коллекция Якова Евгеньевича Тарнопольского), оп. 1, ед. хр. 344.

Игорь Северянин (псевдоним Игоря Васильевича Лотарева; 1887—1941) — основоположник эго-футуризма.

По более позднему высказыванию М. А. Зенкевича, "оформление литературной программы акмеизма... было вызвано отчасти своего рода конкуренцией с Игорем Северяниным" (цит. по статье Тименчика, "Заметки I", с. 25, прим. 7). Несмотря на банальность содержания, письмо Северянина поэтому представляет некоторый интерес, как свидетельство о добрых отношениях между лидерами двух остро-конкурирующих литературных группи́ровок накануне главных печатных выступлений акмеистов.

Кроме того, письмо Северянина — и визит к нему Гумилева — интригующе совпадают по времени с разрывом самого Игоря Северянина с эго-футуризмом. Об этом (в результате ссоры с Константином Олимповым) Северянин объявил своим стихотворением "Эпилог эго-футуризм" (35-я стихотворная брошюра, ноябрь 1912 г. СПб., "Столица на Неве"); письмом в редакцию широко читаемых *Биржевых ведомостей* (см.: V. Markov. *Russian Futurism: A History*. Berkley, 1968, p. 74); — и кратким письмом в редакцию мало читаемого журнала *Гиперборей*:

> Будьте добры, при посредстве Вашего уважаемого журнала, огласить следующее мое заявление: Я вышел из Кружка "Ego" и больше не сотрудничаю в изданиях газеты "Петербургский Глашатай".
>
> С уважением,
>
> И. Северянин (*Гип.* № 2 (ноябрь, 1912), с. 29).

Это заявление Северянина — напечатанное наряду с процит. выше письмом об уходе из кружка "Эго" Г. Иванова и Грааль Арельского — появилось, должно быть, по инициативе Гумилева. Оно наводит на мысль, что Г. лелеял надежду

привлечь в Цех поэтов, вслед за бывшими его молодыми соратниками, самого лидера "враждебного" эго-футуризма.

Трудно поверить, что Северянин мог особенно прельститься такой перспективой: между прочим, даже в своем "Эпилоге эго-футуризм" он довольно язвительно отзывается о Цехе. Тем не менее, идея о возможном причислении Северянина к Цеху поэтов встречается не только (с обычными неточностями) в мемуарах Г. В. Иванова (*Петербургские зимы*. 2-ое изд. Нью-Йорк, 1952, с. 48), а также, например, у полемически настроенного главы *Петербургского глашатая*, И. Игнатьева ("...быть может, путь Северянина сольется с путем "акмеистов-первобытников" — из его ук. в прим. 2 к письму Г. В. Иванова кн. *Эго-Футуризм*). Любопытно к тому же, что одному тогдашнему критику Северянин показался более акмеистом, чем сами акмеисты. (И. Игнатов. "Литературные отголоски". *Русские ведомости*, 1913, № 80, 6 апреля, с. 3).

Здесь, конечно, не место углубляться в интересную тему о взаимоотношениях акмеизма и эго-футуризма. Ясно, однако, что месяца через два после этого письма Северянина уже не могло быть и речи о его включении в Цех поэтов: к тому времени вспыхнул конфликт между Мандельштамом и Сологубом, в течение которого Сологуб "поддерживал Северянина в противовес "Цеху"." (См.: Суперфин и Тименчик, с. 196). Отголоском этого конфликта, может быть, является и опубликованная в настоящем издании рецензия Г. на альманах *Орлы над пропастью*.

Как известно, в дальнейшем — весной 1913 г. — Северянин выпустил свой знаменитый *Громокипящий кубок* с предисловием Сологуба; а в конце года он заключил временный союз с "будетлянами", и оказался, таким образом, одним из подписавших, может быть, самый скандальный из всех манифестов футуризма, "Идите к черту!". Впоследствии Г. как будто "избежал встреч" с подписавшими его (Б. Лившиц. *Полуторараглазый стрелец* — разные изд., гл. 8, ч. 2).

Письмо И. М. Шапиро

ЦГАЛИ, ф. 147, оп. 1, ед. хр. 37.

Нам не удалось установить, кто такой Ис. Михайлович Шапиро, и никакими сведениями о нем мы не располагаем. (Судя по содержанию письма, возможно, что он был знакомый по

Киеву А. Ахматовой). Мы решили все-таки опубликовать данное письмо, как любопытный отклик на творчество Гумилева интеллигентного, "постороннего" читателя-современника: в нем сочетается высокая оценка поэзии Г. на общем фоне русского модернизма — с недоумением перед теорией акмеизма. Можно добавить, что аналогичные взгляды встречались и у других современников Гумилева (см., к примеру: В.Я.Брюсов. "Новые течения в русской поэзии. Акмеизм". — *Русская мысль*, 1913, № 4, с.134—142; В. Шершеневич. *Футуризм без маски*. М., 1913, с. 35—41).

Стихи Гумилева — точно процитированные Шапиро — из его стихотворения "Корабль" (*СС* № 46). Ответ Г. на данное письмо нам, к сожалению, также не известен.

Письма А. К. Лозина-Лозинского

Алексей Константинович Лозина-Лозинский (1888—1916) — поэт и литературный критик, выпустил три сборника стихов под псевдонимом Я. Любяр. Первый из них, о котором идет речь в письме № 1, состоит из трех книг: *Противоречия*. СПб., "Тип. акц. о-ва тип. дела", 1912: — кн. 1. *Эпикуру*; кн. 2. *Мы безумные...*; кн. 3. *Homo formica*. Следующие сборники: *Благочестные путешествия* и *Тротуар* вышли в Петрограде в 1916 г. В том же году автор покончил с собой.

С опубликованными здесь письмами к Г. можно сравнить имеющийся у нас неполный текст ранее не публиковавшегося письма Лозина-Лозинского к Анне Ахматовой, относящегося, вероятно, ко второй половине 1914 г.:

> Злой рок вспоминает обо мне каждый раз, когда я посещаю Вас, Анна Андреевна. Не знаю, когда я выберусь поблагодарить Вас за одно из Ваших стихотворений, помеченное 31 янв. 1914. Почему-то я [не] сделал этого при последней встрече.
>
> У меня к Вам просьба. М.б. Вы найдете свободную минуту написать мне... одно из Ваших стихотворений: оно мне нужно для эпиграфа, а книга, подаренная Вами, находится вместе со всей моей библиотекой в моем провинциальном [неразб.]. Стихотворение это я почти знаю наизусть. Вот оно:

["Мне с тобою пьяным весело" — с пропусками]
Стихотворение это прелестно, так как... [?]
Если Вы будете писать *Ник. Степ.* Вы не забудьте прибавить мои поклоны.

Целую руки.

А. Лозина-Лозинский.

Помимо этих писем, никакими сведениями о Лозина-Лозинском и его знакомстве с Г. мы не располагаем.

№ 1

ЦГАЛИ, ф. 147, оп. 1, ед. хр. 34, л. 1. Написано на визитной карточке.

1. Рецензия Г. на *Противоречия* напечатана в № 3 *Ап* за 1913 г. (с. 76; перепеч.: *СС* IV, с. 317). Еще один, сходный по содержанию, отзыв Гумилева отдельно о второй книге *Противоречий* появился в *Гип*, № 4 (1913), с. 28. В *СС* он не вошел, но перепечатан недавно в *ГЧ*, с. 63 (с неточностью в примечаниях, указывающих на тождественность предмета обеих рецензий).

№ 2

Там же, л. 2. Написано на почтовой карточке.

1. В феврале—марте 1915 г. Г. был на фронте в Восточной Пруссии. Но, как констатирует последний исследователь его военной деятельности, "в одну холодную мартовскую ночь 1915 г. Гумилев заболел, и несколько недель спустя его доставили на ближайшую железнодорожную станцию в сильной лихорадке. В Петрограде он был прикован к постели около месяца". (B. Hellman. "A Houri in Paradise. Nikolaj Gumilev and the War". *Studia Slavica Finlandensia*, 1 (1984), p. 24). Здесь, однако, явная описка, и вместо "недель" следует читать "дней" (ср.: *СС* IV, с. 507). Сам Гумилев подтверждает, что сначала, по крайней мере, он был отвезен в Петроград (*там же*; см. также IV, с. 628—629); но Ахматова впоследствии вспоминала, как в мае 1915 г. она посещала его в госпитале в Москве (см.: Хэйт, с. 44).
Данное письмо Лозина-Лозинского относится, должно быть, приблизительно к тому времени, когда заболевший

Г. вернулся с фронта; но мы можем только гадать, написал ли он его под влиянием точных известий о возвращении Г. в Петроград или нет.

2. Нам не удалось достоверно установить, кто это такой. Возможно, что речь идет о Владимире Ананьевиче Злобине (1894—1968) — бывшем с 1916 и до самой смерти З.Н.Гиппиус в 1945 г. секретарем и верным спутником Мережковских. Эмигрировав с ними в декабре 1919 г., он время от времени печатал стихи в эмигрантских журналах. В Париже в 1951 г. выпустил тоненький сборник стихов, *После ее смерти*; а в Вашингтоне, в 1970 г., — уже посмертно — вышла его книга о З.Н.Гиппиус, *Тяжелая душа*.
3. Об отношениях Гумилева с Л.М.Рейснер (между прочим, издательницей недолговечного журнала *Богема*) — см. их переписку, опубликованную с пространным комментарием в *НСП*; а также приложение 4 в настоящем издании.
4. Первым Георгиевским крестом (4-й ст.) Г. был награжден 13 января 1915 г. (*СС* I, XLVII).

Письма М.Л.Лозинского

Михаил Леонидович Лозинский (1886—1955) — поэт и переводчик. По словам Ирины Одоевцевой (которая утверждает, что у Г. не было настоящих друзей) — самый близкий из его приятелей (*На берегах Невы*. Вашингтон, 1967, с.58).

Лозинский был одним из первых и самых активных членов Цеха поэтов, хотя, как известно по воспоминаниям о нем А.Ахматовой, "когда зарождался акмеизм и ближе Михаила Леонидовича у нас [акмеистов] никого не было, он все же не хотел отречься от символизма, оставаясь... другом нас всех" (*Сочинения*, т.2, Мюнхен, 1968, с.189. Ср. определение его творчества как "некоего синтеза распадающегося символизма с раннеакмеистическими конструкциями", но не принадлежавшего ни к одному из этих течений, в статье В.Н.Топорова: "Две главы из истории русской поэзии начала века". *Russian Literature*, VII—VIII (1979), p.285). Он был также секретарем редакции *Аn* (заменив на этой должности Е.А.Зноско-Боровского), редактором и издателем журнала *Гиперборей* и владельцем одноименного издательства. Помимо опубликованных здесь писем, некоторое представление о близости Г. с Лозинским дают их стихи, посвященные друг

другу (см. ниже), а также упоминания о Лозинском в переписке Г. с Ларисой Рейснер 1916—1917 гг. (*НСП*, с. 135, 140, 143).

После революции Г. и Лозинский снова близко сотрудничали — наверное, с самого возвращения Г. в Петроград в мае 1918 г. — в возобновленном книгоиздательстве "Гиперборей" (см. в настоящем издании: "Информация. Книги. Театр"), и с осени того же года в редакционной коллегии Всем. лит., где Гумилев, Лозинский и Блок составляли специальную поэтическую комиссию, занимавшуюся редактированием стихотворных переводов. В этом качестве Г. и Лозинский иногда редактировали переводы друг друга, совместно приготовили сборник немецких пьес (см. составленный И. Ф. Мартыновым список переводов, выполненных Г. для Всем. лит. — *ГЧ*, с. 87—95). Как и Гумилев, Лозинский читал лекции о стихотворном переводе в Студии Всем. лит., а затем и в Студни Дома Искусств; вошел в первоначальный состав организационной группы и приемной комиссии Петроградского Союза поэтов; выступал одновременно с Г., а также с докладами о нем, на разных поэтических вечерах, и т.д. (см., например, *Жизнь искусства*, 1919, № 72, с. 2; *Дом искусств*, 1921, № 1, с. 70, 74; подробнее о Союзе поэтов см.: Н. А. Павлович. "Воспоминания об Александре Блоке". — *Блоковский сборник*, I, Тарту, 1964, с. 469—470, 479).

В личном архиве Лозинского, который, по крайней мере до недавнего времени, сохранялся в его семье, могут оказаться интересные материалы о Гумилеве.

№ 1

ЦГАЛИ, ф. 147, оп. 1, ед. хр. 35, л. 1.

В этом письме речь идет о книге: Теофиль Готье. *Эмали и Камеи*. Перевод Н. Гумилева. Изд. М. В. Попова, влад. М. А. Ясный. СПб., 1914. Книга была напечатана в типографии А. Лаврова и К°. Текст книги, по всей видимости, был отпечатан уже к 1 марта 1914 г. — день, в который Гумилев сделал стихотворную надпись на экземпляре своего перевода, подаренном Лозинскому (*СС* № 312).

В контексте данного письма интересны слова познакомившейся с Г. лишь несколько лет спустя И. Одоевцевой: "Роль Лозинского в кругах аполлонцев и акмеистов была первостепенной. С его мнением считались действительно все. Был

он также библиофил и знаток изданий. Это ему сборники стихов акмеистов обязаны своей эстетической внешностью..." (*ук. соч.*, с. 51).

№ 2

Там же, лл. 2—3.

1. Имение Гумилевых. Его описание можно найти в недавно опубликованных воспоминаниях А. Ахматовой (*Сочинения*, т. 3, Париж, 1983, с. 510—512), а также в не во всем достоверных воспоминаниях соседки Гумилевых, А.А. Неведомской ("Воспоминания о Гумилеве и Ахматовой". *Новый журнал*, кн. 38 (1954), с. 182—190).
2. Книга 1912 г. французского поэта Francis Jammes. По-видимому, о получении именно этой книги и идет речь в письме Ахматовой к Гумилеву из Слепнева от 13 июля 1914 г. (*ГЧ*, с. 69). Об интересе Г. к творчеству Жамма свидетельствует также его упоминание о нем в рецензии 1912 г. (*СС* IV, с. 294) и в интервью 1917 г. (E. Rusinko. "Gumilev in London: An Unknown Interview". *Russian Literature Triquarterly*, 16 (1979), p. 83).
3. Лозинский, вероятно, имеет в виду книги известных русских историков, академика С.Ф. Платонова и Н. Кареева, и книгу английского поэта прерафаэлита Dante Gabriel Rossetti.
4. Планы Г. расстроились, конечно, в связи с началом Первой мировой войны. По-видимому, Г. вернулся в столицу сразу же после объявления войны, 19 июля 1914 г. 20 июля, между прочим, он, должно быть, был у Лозинского: тогда же он написал свое первое военное стихотворение, "Новорожденному", по случаю рождения сына Лозинского (*СС* № 313).
   Как известно, месяц спустя, 24 августа 1914 г., Г. вступил добровольцем в уланский полк и был отправлен сначала под Новгород на обучение, а оттуда на фронт, на восточно-прусскую границу (*СС* I, XLVII; *СС* IV, с. 535, 443—447).

№ 3

Там же, лл. 4—5. На бланке журнала *Аполлон*. Конверт адресован: "Анне Андреевне Гумилевой или Н.С. Гумилеву от М. Лоз.".

1. Возможно, что этот абзац является откликом на рукопись гумилевского *Колчана*. Издание, несомненно, было подготовлено опять-таки с ближайшим участием Лозинского, и было выпущено в январе 1916 г. в его собственном издательстве, "Гиперборей". Еще до выхода книги в свет, 15 декабря 1915 г., Г. сделал стихотворную "надпись на Колчане М.Л. Лозинскому" (*СС* № 322).
2. Наверное, Лозинский имеет в виду свое намерение выпустить собственный сборник стихов, *Горный ключ* (М.-Пг., "Альциона", 1916). Сборник был положительно оценен Г. в *Ап*, 1916, № 1 (перепеч.: *СС* IV, с. 361—362).
3. Речь идет о прекрасном стихотворении Лозинского "Каменья" (1913 г.: *Горный ключ*, с. 40—41, с посвящением "Н. Гумилеву") и о "Пятистопных ямбах" Гумнлева (*СС* № 164) — второй, "колчановский" вариант которых посвящен "М.Л. Лозинскому". Следует заметить, что данное письмо преломляет в полушутливом ключе масонский и общеоккультный образный строй обоих стихотворений (более заметный в первом, "аполлоновском" варианте "Пятистопных ямбов" — *СС*, № 164а).
4. 6 июля 1915 г. Г. написал Ахматовой: "В конце сентября постараюсь опять приехать, может быть буду издавать *Колчан*" (A. Haight. "Letters from Nikolay Gumilyov to Anna Akhmatova". *SEER*, 50, 1 (1972), p. 104). В течение сентября он был участником отступления русской армии к Пинску (B. Hellman. "A Houri in Paradise. Nikolaj Gumilev and the War". *Studia Slavica Finlandensia*, 1 (1984), p. 35, nn. 4, 6); но о возвращении Г. в Петроград мы можем сказать лишь то, что он, должно быть, приехал около 12 декабря 1915 г., когда присутствовал на заседании ОРХС (см.: *Ап*, 1916, № 2, с. 55).
5. Таня, по-видимому, — жена Лозинского (ср. письмо № 2); Филипка — их старший (?) сын.
6. Михаил Александрович Струве (1890—1948) — друг Гумилева, участник второго (?) и третьего Цеха поэтов. Эмигрировал в 1921 г., откликнулся на смерть Г. в стихотворении "Я принял весть о гибели твоей" (*Русская мысль*, 1921, №№ 10—12, с. 86—87).

   В 1916 г. Г. дал рецензию на его изданный "Гипербореем" сборник стихов, *Стая* (*СС* IV, с. 367—368).
7. Скорее всего — Владимир Николаевич Соловьев (1884—1941?) — режиссер и театровед, давнишний друг Лозинского. 19 марта 1916 г. Соловьев выступил на очередном заседании ОРХС с разбором "постановочной стороны"

прочитанной там же пьесы Г. "Дитя Аллаха" (*Ап*, 1916, № 5, с. 86). О его предполагавшемся сотрудничестве с Г. см. также в настоящем издании раздел "Информация: Театр. Книги".

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ БИОГРАФИИ ГУМИЛЕВА

Павел Лукницкий. — Н. Гумилев. Биографический очерк.

ГБЛ, ф. 218, собр. отдела рукописей, к. 1072, ед. хр. 1. Машинопись. Датированная 20 июля 1926 г. Подпись "П. Лукницкий".

Павел Лукницкий (1900—1973), писатель, был другом А. Ахматовой. Несомненно, что к нему относятся слова Лидии Чуковской: "...Ахматова составляет "Труды и дни" Гумилева, вместе с одним из своих друзей, учеником Николая Степановича". (Л. Чуковская. *Записки об Анне Ахматовой*, т. 2, Париж, 1981, с. 243. См. также письмо Ахматовой к И.М. Брюсовой от 3 мая 1928 г., в кн.: Анна Ахматова. *Сочинения*, т. 3, с. 338). Следует заметить, что биографический очерк о Г. в кн.: *Писатели современной эпохи*, т. 1, под ред. Б.П. Козьмина, М., 1928, с. 109—111, во многом походит на очерк Лукницкого и наверное написан им же.

1. См. письмо Брюсова от 2/15 ноября 1906 г. (№ 1 в настоящем издании).
2. Nicolas Deniker (у Лукницкого фамилия неправильно написана) был племянником И. Ф. Анненского; его мать, Любовь Федоровна, была замужем за французским этнографом Жозефом Деникером. (О семействе Деникеров см. подробнее в прим. к письму № 1 Гумилева Кривичу).
3. О вопросе датировки гумилевских путешествий в Африку см. прим. к письму № 1 Гумилева Иванову. О дневниках Г. составители осведомлялись в Музее Этнографии в Ленинграде (в том самом, о котором пишет Г. в стихотворении "Абиссиния"); нам ответили, что таких дневников у них нет.
4. Как известно, Г. не выдержал экзамен и не был произведен в офицерский чин, но был переведен в 5-й Александрийский гусарский полк (см.: *СС* I, с. XXIV—XXV).

5. После слов "холод, голод и" 4—5 слов густо замазаны (кем — неизвестно).

"Дафнис и Хлоя" и "Аня"

(отрывки из воспоминаний В. С. Срезневской)

Валерия Сергеевна Срезневская (1889[?]—1964, девичья фамилия Тюльпанова) подружилась с Ахматовой еще в детстве и осталась ее подругой до конца жизни. Ахматова жила у Срезневских в 1918 г. после того, как ушла от Г. Рукопись воспоминаний Срезневской, написанных по просьбе Ахматовой (см.: Хэйт, с. 202, прим. 3), хранится в ГПБ (фонд Ахматовой). Название первого отрывка является ссылкой на последнюю строку стихотворения Г. "Современность" (*СС* № 127).

1. См.: Б. Анреп. "О черном кольце" в кн.: Анна Ахматова. *Сочинения*, т. 3, Париж, 1983, с. 439—453.
2. По другому источнику (Хэйт, с. 8), они познакомились в 1903 г. Ср. также биографическую справку Лукницкого в настоящем издании.
3. А. С. Гумилева, сестра Г.

Текст предоставлен нам анонимным русским собирателем. Публикуется впервые.

Черубина де Габриак

Исповедь

О нашумевшей в свое время истории "Черубины де Габриак" и последующей дуэли Г. с Волошиным писал не один свидетель (основную литературу см. ниже). Дело началось в Коктебеле, в доме М. Волошина на берегу Черного моря, где каждое лето собирались его многочисленные друзья — большей частью писатели и художники, — но Г. познакомился с Е. И. Дмитриевой ("Черубина де Габриак") раньше, как описано в ее "Исповеди", которая публикуется здесь впервые.

Любовь к мистификации Дмитриевой (а, может быть, и Архипова) видна в подзаголовке "Исповеди", в котором дается как место издания местность в пустыне Сахара!

Е. Я. Архипов или Архиппов (1882—1950) — литератор, библиограф, собиратель рукописей. Краткую заметку о нем см. в статье "Неопубликованное письмо Александра

Блока". (Публикация и комментарий М. Торбина) в журнале *Знамя*, 1964, № 1, с. 196—198.

В конце нашей копии текста "Исповеди" приводится цитата из письма Дмитриевой к Архипову от 1926 г.: "При жизни моей обещайте "Исповедь" никому не показывать, а после моей смерти — мне будет все равно".

Стихи Черубины де Габриак, посвященные Гумилеву

Эти стихи, как и все приведенные в этом, в предыдущем и последующем примечании материалы, за исключением цитаты из Эренбурга, публикуются впервые. Все материалы о Коктебеле и Черубине предоставлены редакторам анонимным русским собирателем.

А. Грант — псевдоним Г. 25 августа 1921 г. — предполагаемая дата смерти Г.

О жизни Е.И. Дмитриевой не много пока известно. В годы Первой мировой и гражданской войн она жила в Краснодаре; в 1922 г. она вернулась в Петроград. Писала стихи, подписывая их именем Черубины де Габриак. Часть их (если не все) сохранились (см.: *ГЧ*, с. 108—122). Приведем интересную цитату из кн.: И. Эренбург. *Люди, годы, жизнь*: "Е.И. Дмитриева продолжала и впоследствии [т.е. после истории "Черубины де Габриак"] писать хорошие стихи. Незадолго до своей смерти С.Я. Маршак просил меня приехать к нему. Он говорил мне о судьбе Е.И. Дмитриевой, рассказывал, что в двадцатые годы написал вместе с Елизаветой Ивановной несколько пьес для детского театра — "Кошкин дом", "Козел", "Лентяй" и другие. Пьесы эти вышли с именами обоих авторов. Потом Е.И. Дмитриеву выслали в Ташкент, где она умерла в 1928 году. В переиздании пьес выпало ее имя. Самуила Яковлевича мучило, что судьба и творчество Е.И. Дмитриевой, бывшей Черубины де Габриак, неизвестны советским читателям". (И. Эренбург. *Собрание сочинений* в 9-ти томах. М., 1962—1967, т. 8, с. 115). О работе Дмитриевой для детского театра в Краснодаре см.: *Советский театр. Документы и материалы. Русский советский театр 1917 – 1921*, под ред. А.З. Юзит и др., Л., 1968, с. 278, 289, 292.

Сонеты Гумилева и Дмитриевой

Впервые опубликованы в журнале *Scottish Slavonic Review*, 1 (1983), p. 55 (публикация Ш. Греем), с опечаткой в 3-й стк. гумилевского сонета.

Сонеты были приложены к письму Дмитриевой М. Волошину от 1 мая 1909 г., где она пишет: "...Гумилев прислал мне сонет, и я ответила; посылаю на Ваш суд. Пришлите и Вы мне сонет [...] Потом читали эпиграммы, вот кн. [sic] Толстого на Гумилева:

Косясь на дуло пистолета
Ты числишь мерные шаги
Ах, ямбы — вечные враги
Для тонконогого поэта".

Существует вариант этой эпиграммы в письме Маргариты Грюнвальд Волошину, написанном в мае 1909 г.; она пишет: "...Ревную Вас и Нелли [Дмитриеву], но кого к кому не понимаю [...] Я еду 26-го или 27-го с Нелли и вероятно с изысканным жирафом [Г.]. Вы уже слышали, что Артамоша [А.Н. Толстой] про него рассказал:

Косясь на дуло пистолета
Считает медленно шаги.
Ах, ямбы вечные враги
Для долговязого поэта".

М.К. Грюнвальд в этом письме ссылается на предстоящую поездку в Коктебель. Дмитриева пишет Волошину 13 мая 1909 г.: "...В Москве ко мне, м.б., присоединится Гумилев, если ему не очень дешево в III кл[ассе]. Но я бы лучше хотела ехать одна".

22 мая Дмитриева опять пишет Волошину:

"Дорогой Макс,
Уже взяты билеты и вот как все будет: 25-го мая в понед[ельник] мы с Гумилевым едем, с нами Майя и ее отец. В Москве мы останемся до 27-го вечера, а потом, уже с Марго [Грюнвальд] едем дальше, по моим расчетам мы приедем в субботу в 7 ч. утра в Феодосию, п[отому] ч[то] едем в III кл[ассе]. [...] Гум[илев] напросился, я не звала его, но т.к. мне нездоровится, то пусть..." (Г. и Дмитриева приехали в Коктебель 30 мая 1909 г.).

Все четыре письма, связанные с поездкой в Коктебель, хранятся в ИРЛИ, по всей вероятности в архиве Волошина.

Прилагаем еще одну цитату из письма, написанного Волошину в мае 1909 г. Это — приписка С.И. Дымшиц-Толстой на письме мужа, гр. А.Н. Толстого: "...На днях мы здесь кутили в отдельном кабинете с Бакстом, Сомовым, Мейерхольдом, Ауслендером и Гумилевым. Напились как собаки и Алехан [Толстой] потом очень ругался..." Вероятно и это письмо находится в архиве Волошина в ИРЛИ.

В дневниках Волошина, "История моей души", которые хранятся, кажется, в Доме-Музее Волошина в Коктебеле, есть такая заметка от 14 июня 1909 г.: "Первые дни после приезда Толстых, а неделю спустя Лили [Дмитриевой] с Гумилевым, было радостно и беззаботно. Мы с Лилей встретясь целовались. (...Рассказы Лили: "...И я все вспоминала: и как я была твоей и Г. и К. ...)". "Г." — Гумилев, а кто такой "К." — неизвестно.

Г. уехал из Коктебеля, по просьбе Дмитриевой, в начале июля 1909 г., а Дмитриева с Волошиным 1-го сентября.

Дуэль ("поединок декадентов", как писали газетчики) состоялась 29 ноября 1909 г. Приведем цитату из одной газеты: "Дуэль явилась результатом происшедшего между писателями в ресторане [sic] инцидента, во время которого Гумилев оскорбительно отозвался о какой-то поэтессе, а Волошин ударил его за это по лицу. Сама дуэль состоялась 29 ноября прошлого года под Петербургом, близ "Лисьего носа", куда явились дуэлянты со своими секундантами: Гумилев с Е.А. Зноско-Боровским и М.А. Кузминым, а Волошин с кн. Шервашидзе и гр. Толстым. Пистолет Волошина дал осечку, а Гумилев промахнулся. Тем дуэль и кончилась. Окружной суд приговорил обоих дуэлянтов к домашнему аресту: Гумилева на 7 дней, Волошина на 1 день".

Ниже следует перечень наиболее существенных воспоминаний об истории "Черубины де Габриак" и последующей дуэли:

М. Волошин. "Воспоминания о Черубине де Габриак" (публикация А.Н. Тюрина) *Новый Журнал*, 151 (1983), с. 188—208.

С. Маковский. *Портреты современников*. Нью-Йорк, 1955, с. 333—358.

М. Цветаева. "Живое о живом". *Избранная проза* в 2-х томах, под ред. А. Сумеркина. Нью-Йорк, 1979, т. 2, с. 27—79.

А. Толстой. "Памяти Н.С. Гумилева". *Последние Новости*, 23 и 25 октября, 1921.

Johannes von Guenther. *Ein Leben im Ostwind*, München, 1969, pp. 284—300.

Николай Гумилев

Отрывки из воспоминаний О.А. Мочаловой

"Литературные встречи". (Воспоминания о М. Цветаевой и др.). ИМЛИ, ф. 392, оп. 1, № 4. Страницы 41—49 касаются Г.

Неизданные воспоминания Ольги Алексеевны Мочаловой представляют собой несомненный интерес, но приходится

относиться к ним с некоторой осторожностью, так как они были записаны через много лет после описываемых событий (по полученной нами информации, О. А. записала или диктовала свои воспоминания в 60-е или 70-е годы). В связи с тем, что рассказ О. А. пространный и довольно сбивчивый, составители позволили себе разбить его на подглавки и снабдить их заголовками. Слова в кавычках — "прямая речь" Г.

О. А., по-видимому, познакомилась с Г. в 1916 г., в Крыму, где он лечился от воспаления легких; она пишет, что часто встречалась с Г. и "курсисткой В. М." (кто это — составителям неизвестно).

1. Здесь пробел в машинописи; наверное, какое-нибудь иностранное прозвище.
2. Та же группа, "Театральная мастерская", поставила *Гондлу* в Петербурге уже после смерти Г. См. рецензию М. Кузмина, переопубликованную в его кн.: *Условности*, Пг., 1923, с. 107—108.
3. Маргарита Марьяновна Тумповская (1891—1942), поэтесса, переводчица, написала одну из лучших статей о поэзии Г. (М. Тумповская. *"Колчан* Н. Гумилева". *Ап*, август—сентябрь 1917, №№ 6—7, с. 58—69). По словам О. А., у М. М. был роман с Г. и ей он посвятил стихи "Сентиментальное путешествие" и "За то, что я теперь спокоен...".

Предписание петербургского коменданта

ГБЛ, ф. 245, (фонд Л. М. Рейснер), к. 6, ед. хр. 20, л. 33. Впервые: Вагин, с. 377.

Переопубликовывается в связи с полученной составителями информацией о причинах ареста Гумилева: он был арестован на сутки, 28 января 1917 г. "за неотдание чести".

Каким образом это предписание оказалось в архиве Л. М. Рейснер — неизвестно; возможно, что оно было случайно вложено в конверт вместе с письмом к ней.

О любви Г. к Рейснер стало известно только после публикации их переписки в *НСП*. Не лишено интереса замечание Рейснер о Г. в письме, написанном ею в 1922 г. одному итальянскому знакомому, некоему Скарпа: "...Je vous envoie l'ode à d'Annunzio, écrite par un des meilleurs poètes russes, Nicolai Gumilioff. ...Il est mort à Petrograd l'année passée. Malheureusement il ne comprenait rien dans la politique, ce «parnassien» russe..." (ГБЛ, ф. 245, к. 5, ед. хр. 20).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. "Остов"

Эта пародия на группу поэтов, выпустивших 1-й номер журнала "Остров" в 1909 г. (журнал вышел всего 2 раза; см.: *НСП*, с. 119—120 и 186), была напечатана в газете *Царскосельское Дело* № 40 за 2 октября 1909 г., с. 2—3.

Глазовская ул.: редакция журнала находилась в квартире гр. А. Н. Толстого, Глазовская, д. 15. (См. письмо А. И. Котылева А. Белому от 23 марта 1909 г., *ЛН*, т. 92, кн. 3, с. 350).

Большинство прозвищ нетрудно расшифровать: "Гумми-кот" — Гумилев; Пуффи — Тэффи [Н. А. Бучинская]; Портянкин — П. П. Потемкин (о том, почему П. был назван "поэтом-кошкодавом", см. кн.: А. Белый. *Между двух революций*. Л., 1934, с. 197—198; о нем см. также в кн.: Н. Оцуп. *Современники*, с. 111—115); Макс Калошин — М. Волошин; Сергей Ерундецкий — С. М. Городецкий; граф Дебелый — А. Н. Толстой; Михаил Жасмин — М. А. Кузмин. Но кто такой "Бриллиантин Вятич" составители не могут сказать с уверенностью; возможно, что это Вячеслав Иванов.

Кто такой талантливый журналист-сатирик "Д. В. О-в", мы к сожалению не знаем.

Автор сумел пародировать стихи "действующих лиц". Так, например, стихотворение "Гумми-кота", "Сегодня особенно как-то умаслен твой кок..." — пародия на известное гумилевское стихотворение "Жираф" ("Сегодня, я вижу, особенно грустен твой взгляд...") и "На ноге моей мозоли..." — пародия на гумилевское стихотворение "Перчатка" ("На руке моей перчатка..."). Стихи "Михаила Жасмина" — "Где слог найду, чтоб описать Эстета..." — пародия на кузминское стихотворение "Где слог найду, чтоб описать прогулку...". Стихи "Сергея Ерундецкого" — "Охи, вздохи, рифмы плохи..." — пародия на стихотворение Городецкого "Весна (монастырская)" ("Звоны-стоны, перезвоны...").

Горячо благодарим анонимного русского собирателя, снабдившего нас текстом "Остова", за возможность перепечатать эту забавную и остроумную пародию.

Приложение 2. Коктебель

1. Стихотворение А. Н. Толстого "Коктебель (Письмо)": текст был передан нам анонимным русским собирателем. Текст помечен: "Стихотворения. Книга VIII. 1909". Рукописные черновики. ИМЛИ, ф. 43, к. 781, № 8/7".

"В штанах хозяйка..." — мать Волошина, Елена Оттобальдовна, любила ходить в мужском костюме.

"Китоврас" — древнерусское название кентавра.

2. Описание комнаты, где жил Г. в Коктебеле: текст был передан нам анонимным русским собирателем. Текст помечен: "Е. Я. Архипов. Коктебельский дневник. Часть II, с. 29—31. 12 июня 1931 года, 5-й день". Дневник Архипова (или Архиппова) хранится, кажется, в Коктебеле, у В. П. Купченко, крупного специалиста по Волошину.

3. Стихотворение М. Тарловского "Воспомнинания в Коктебеле": текст был передан нам анонимным русским собирателем. Стихи, кажется, находятся в Доме Поэта (доме-музее Волошина) в Коктебеле.

4. Из "Воспоминаний об Алексее Николаевиче Толстом" С. И. Дымшиц-Толстой. Печатается по переданному нам анонимным русским собирателем тексту (см. также ее воспоминания в кн.: *Воспоминания об А. Н. Толстом. Сборник*, М., 1973, с. 55—60).

"Творческие соревнования" проходили не только в Коктебеле, как видим по конкурсу сонетов Г. и Дмитриевой. (См. выше. См. также примечание к письму Гумилева Волошину в настоящем издании).

Стихотворение Волошина "Концом иглы на мягком воске...", с посвящением "Графине Софье И. Толстой", было напечатано в его кн.: *Стихотворения*. М., "Гриф", 1910 г., с. 26—27.

Стихи Гумилева и П. С. Соловьевой ("Allegro"), также принимавших участие в конкурсе, пока не найдены. Пятым поэтом была Е. И. Дмитриева; ее стихи не были напечатаны, но нам сообщили, что они как будто находятся в Коктебеле у В. П. Купченко.

Приложение 3.

1. Шуточное стихотворение Н.О. Лернер и др. (неуст. лиц), "Вот Николай Степаныч мчится..." ЦГАЛИ, ф. 147, оп. 1, ед. хр. 52. Автограф. Дата 1/14 ноября 1919 г. Название "Гумилев. Песня", с замечанием "Поется на голос: И колокольчик Дарвалдая. Сочинение Лернера и еще двух поэтов".

Н.О. Лернер (1877—1934) был коллегой Г. по Всем. лит.

Знаменитая оленья доха была куплена Гумилевым в Мурманске, когда он возвращался из Англии в 1918 г.

Публикуется впервые.

2. Шуточное стихотворение Э. Голлербаха "Диалог между мной и Гумилевым по поводу моего отзыва о "Драконе"."

Текст был передан нам анонимным русским собирателем. Происхождение текста нам неизвестно.

Э.Ф. Голлербах (1895—1942) напечатал рецензию на гумилевского "Дракона", кажется, в одном из номеров "Жизни искусства" за 1920 г. Составители не имели возможности установить в каком.

Публикуется впервые.

Приложение 4.

1. Письма Ахматовой к П.Е. Щеголеву. ИМЛИ, ф. 188, оп. 1, ед. хр. 7.

П.Е. Щеголев (1877—1931) — литературовед.

Нам не удалось установить, какие из своих и гумилевских стихотворений Ахматова послала Щеголеву. Стихи "Новорожденному" были написаны Г. 20 июля 1914 г. (*СС*, II, № 320).

Эти письма публикуются впервые. См. также письмо Ахматовой Щеголеву от 26 апреля 1914 г. в *Ежегоднике РОПД на 1974 г.*, с. 58.

2. Письма Ахматовой и Рейсиер

Письмо Ахматовой к Рейснер [от 1920 г.] хранится в ГБЛ, ф. 245, к. 5, ед. хр. 37. Публикуется впервые.

О какой племяннице идет речь, нам не удалось установить.

Вальдемар — В. К. Шилейко (1891—1930), второй муж Ахматовой.

Письмо Рейснер к Ахматовой, 1921 г. Перепечатывается из кн.: Лариса Рейснер. *Избранное*, М., 1965, с. 518—519.

Это загадочное письмо "вдове" Гумилева было написано лишь через три месяца после его расстрела, но Р. упоминает только смерть Блока, а не Г. Либо Р. писала осторожно, зная, что ее письма проходят цензуру, либо боялась, что ее муж может увидеть письмо. (Муж Рейснер, Ф. Ф. Раскольников [Ильин] имел репутацию ревнивого и жестокого человека; до составителей дошел слух, будто чекист Раскольников, зная о романе Г. с Рейснер, был замешан в его аресте). Не исключено, конечно, что письмо подверглось цензуре до публикации.

Приложение 5.

Заявление матери Г. в Союз Писателей

ЦГАЛИ, ф. 147, оп. 1, ед. хр. 62. Написано от руки, с подписью (другим почерком) А. И. Гумилевой.

Получила ли Анна Ивановна ответ, и если получила, то какой, нам неизвестно.

Публикуется впервые.

Приложение 6.

Статья Г. И. Чулкова "Поэт-воин"

ГБЛ, ф. 371, к. 1, ед. хр. 42. Наша версия отчасти списана с копии, хранящейся в ИМЛИ.

Об отношениях Чулкова и Г. см. прим. к письму Гумилева Чулкову в настоящем издании.

Публикуется впервые.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 7

Неизданные и несобранные стихи

№ 1 Огонь 13 213
№ 2 Он воздвигнул свой храм на горе... 13 213
№ 3 Сегодня у берега нашего бросил... 14 213
№ 4 На горах розовеют снега... 16 213
№ 5 Нежданно пал на наши рощи иней... 17 213
№ 6 Акростих (Михаилу Кузмину) 17 213
№ 7 Неизвестность 18 213
№ 8 В саду 18 213
№ 9 Лиловый цветок 19 213
№ 10 Т.П. Карсавиной 19 214
№ 11 Анне Радловой 20 214
№ 12 Песня Девкалиона 21 214
№ 13 Вы задумчивы, маркиза... 21 214
№ 14 Как я скажу, что тебя буду помнить всегда... 23 214
№ 15 Руки помнят о тебе и губы... 23 215
№ 16 Левин, Левин, ты суров... 23 215
№ 17 О дева Роза, я в оковах... 24 215

Фрагменты поэм и драматических произведений

Мик. Глава шестая. (Фрагменты) 27 216
Поэма Начала. Книга Первая. Дракон. Песнь II. 31 216
В Китае. (Начало поэмы) 40 217
Фрагменты из драматической поэмы [?] 46 219
Зеленый тюльпан. (Фрагмент) 49 219
[Фрагмент из пьесы]. ("Не нравится мне это, внук мой Куно...") 51 219
Гондла. (Вариант начала) 52 219
Красота Морни. (Фрагмент) 59 219

Переводы с французского

Бодлер. Привиденье 69 220
Леконт де Лиль. Слезы медведя 69 220

Эредиа. Немея 70 220
Мореас. Третья элегия 71 220
Т. Готье. Эпиграф к рассказу "Даниель Жовар" 72 221

Статьи, фрагменты статей и забытые рецензии

Поэзия Бодлера 75 221
Африканское искусство. (Начало статьи) 82 221
[Отрывки из лекции о литературе] 83 221
Информация: Театр. Книги. 85 221
Рецензии Гумилева, не вошедшие в четырехтомник
№ 1. М. Кузмин. Осенние озера. 87 222
№ 2. В. Брюсов. Зеркало теней. 88 222
№ 3. С. Городецкий. Ива. 89 222
№ 4. Альманах "Орлы над пропастью". 89 224

Письма Гумилева к разным лицам

Письма В. Я. Брюсову (14) 93 225
Письма В. И. Анненскому-Кривичу (6) 112 239
Письма В. Е. Аренс (3) 117 246
Письма И. Ф. Анненскому (3) 119 248
Письмо М. А. Волошину (1) 121 251
Письма В. И. Иванову (6) 122 253
Письмо Б. Н. Бугаеву (1) 126 261
Письмо Г. И. Чулкову (1) 127 263
Письмо С. М. Городецкому (1) 128 264
Письма Д. М. Цензору (2) 130 268
Письмо А. Л. Волынскому (1) 131 269
Письмо О. Н. Арбениной (1) 132 270

Письма к Гумилеву от разных лиц

Письма В. Я. Брюсова (4) 135 270
Письмо Н. П. Рябушинского (1) 138 273
Письмо С. К. Маковского (1) 139 274
Письмо Г. В. Иванова (1) 140 275
Письмо Игоря Северянина (1) 141 277
Письмо И. М. Шапиро (1) 142 278
Письма А. К. Лозина-Лозинского (2) 145 279
Письма М. Л. Лозинского (3) 147 281

Материалы для биографии Гумилева

П. Лукницкий. Н. Гумилев.
(Биографический очерк) 153 285
Из воспоминаний В. С. Срезневской 157 286

Черубина де Габриак
Исповедь 169 286
Два стихотворения, посвященные Гумилеву 173 287
Сонеты Гумилева и Е. И. Дмитриевой 175 287
Николай Гумилев. Отрывки из неизданных воспоминаний О. А. Мочаловой 177 289
Предписание Гумилеву петроградского коменданта от 28 января 1917 г. 180 290

Приложения

Приложение 1. "Остов" или "Академия на Глазовской улице" 183 291

Приложение 2. Коктебель
А. Н. Толстой. Коктебель (Письмо) 194 292
Описание комнаты Гумилева в Коктебеле 195 292
М. Тарловский. Воспоминания в Коктебеле 196 292
С. И. Дымшиц-Толстая. Воспоминания об А. Н. Толстом 197 292

Приложение 3.
Н. Лернер и др. Вот Николай Степаныч мчится... 198 293
Э. Голлербах. Диалог между мной и Гумилевым... 198 293

Приложение 4.
Письма А. Ахматовой П. Е. Щеголеву (2) 200 293
Письма А. Ахматовой и Л. Рейснер (1+1) 201 294

Приложение 5.
Заявление А. И. Гумилевой в Правление Всероссийского Союза писателей в Петербурге 203 294

Приложение 6.
Г. Чулков. Поэт-воин 204 294

Примечания 209

ACHEVÉ D'IMPRIMER
LE 9 JUIN 1986
PAR L'IMPRIMERIE
DE LA MANUTENTION
A MAYENNE
N° 9517

ISBN 2-85065-089-7